

V Международная научная конференция

ПРАВО: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Часть II

Санкт-Петербург

УДК 340(082)

ББК 67

П68

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственные редакторы: *Е. И. Осянина, Л. Н. Вейса*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан) К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Право: история, теория, практика : материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). — Издательский дом «Свое издательство», г. Санкт-Петербург, 2017. — iv, 72 с.

ISBN 978-5-4386-1196-7

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Право: история, теория, практика».

Рассматривается широкий круг вопросов в сфере юриспруденции: теория и история государства и права, государственное право, гражданское право, уголовное право и пр.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340(082)

ББК 67

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Валкирный С.С.

Защита прав интеллектуальной собственности в сфере бизнес-образования с применением дистанционных технологий 73

Валкирный С.С.

Образовательный контент как объект авторского права 76

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Юрина А.В.

Актуальные проблемы правового регулирования родительских прав и обязанностей. 80

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

Медведев Д.Р.

Проблемы правового регулирования разделения участка недр, предоставленного в пользование на основании лицензии 83

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Савчук К.Д.

Правовая основа деятельности правоохранительных органов и спецслужб по противодействию терроризму 88

Хечиев Б.Б.

Проблемы противодействия коррупции в России 90

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Бастрыгин А.А.

О непосредственном объекте принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ) 93

Бутрим Е.И.

Типичные основания пересмотра приговоров, вынесенных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, используемые в апелляционных представлениях государственных обвинителей 95

Данилов П.С.

Системный подход как метод исследования преступлений против военной службы 98

Кондрашов А.К.

Сравнительный аспект Постановлений Пленума ВС РФ № 23 и № 32, посвященных вопросам судебной практики по делам о легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем 102

Сенокосова Е. К. К вопросу о квалификации нарушения требований безопасности при оказании медицинской помощи	104
Скобина Е. А., Велинская Е. А. Квалифицирующий признак «убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве	107
Танасейчук Я. В. Понятие кровной мести и история возникновения, трансформация и современное закрепление обычая кровной мести	111
Трубинская А. С. Проблемы квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних.	114
Фетисенкова Т. С. Уголовная ответственность за незаконное обналичивание денежных средств.	117
Чудиновских М. В. Ответственность за создание финансовых пирамид в Российской Федерации и Республике Казахстан.	120

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Зибера О. С., Парунов И. М. Криминалистические экспертизы в раскрытии преступлений террористического характера.	123
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бобровский А. А. Об имплементации международно-правовых норм	126
Глечян Г. А. Влияние политических и экономических санкций на внешнеэкономическую деятельность Российской Федерации	128
Демьяненко Е. А. Безопасность в сфере туризма на примере ряда стран мира	131
Журавлёв А. А., Вирясов Д. С. Превентивная самооборона государства: к истории вопроса.	133
Пегушина К. К., Черторинская Ю. А., Мартовицкий А. А., Пегушин М. В. Проблемные аспекты деятельности ОДКБ на современном этапе.	136
Яценко П. С. От авиационного шума к недобросовестной конкуренции	138

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Кутукова Е. А. Государственная политика Республики Корея в области СМИ	141
--	-----

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Защита прав интеллектуальной собственности в сфере бизнес-образования с применением дистанционных технологий

Валкирный Сергей Сергеевич, аспирант
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Исследуется современное состояние нормативно-правовой базы в части охраны прав интеллектуальной собственности в сфере образования с применением дистанционных технологий.

Ключевые слова: авторское право, защита интеллектуальной собственности, дистанционные технологии, бизнес-образование

Российское законодательство о защите интеллектуальной собственности развивается динамично и постоянно претерпевает значительные трансформации. Задачи по конструированию новой правовой системы, вызванное интеграцией России в мировое экономическое и правовое пространство заставляет снова и снова возвращаться к комплексу вопросов, связанных с защитой интеллектуальной собственности.

На VII съезде Торгово-промышленной палаты Российской Федерации Президент РФ В. В. Путин уделил особое внимание вопросу интеллектуальной собственности и назвал важнейшим направлением деятельности государства, а также обозначил необходимость «принимать долгосрочную концепцию государственного развития» [7]. Отечественные нормативно-правовые акты базируются на принципах защиты прав интеллектуальной собственности с учетом лучших мировых практик, заложенные во «Всемирной декларации по интеллектуальной собственности» от 26 июня 2000 г. и «Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» (ТРИПС) от 15 апреля 1994 года.

Между тем система правовой охраны прав интеллектуальной собственности в России достаточно сложна. «...У нас 22 ведомства и министерства, функции по управлению, по координации, по развитию интеллектуальной собственности распределены» — отметил Президент В. В. Путин [7] Создана обширная нормативно-правовая база для организации правоохранной деятельности в сфере предупреждения нарушений авторских и смежных прав, и тем не менее по-прежнему имеются существенные пробелы.

Одной из таких сфер является «дополнительное профессиональное образование», которое «осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки)» (далее

Бизнес-образование). [2]. Мировой рынок бизнес-образования развивается в условиях высокой защищенности прав интеллектуальной собственности его субъектов, то в Российской Федерации нормативная правовая база по охране интеллектуальной собственности только формируется [8].

Согласно статье 1259-й части ГК РФ, объектами авторского права являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения.

Согласно пп. 5–6 статьи 1259, «авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования». «Не являются объектами авторских прав официальные документы, государственные символы и знаки, фольклор, сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (новости, программы телепередач, расписания движения транспортных средств и тому подобное)».

Рассмотрим объекты интеллектуальной собственности в более масштабной перспективе, с целью убедиться, не вводит ли новое информационное поле интернета каких-либо иных объектов интеллектуальной собственности, использование которых тесно переплетается с авторскими правами. В статье 1225-й части ГК РФ определены результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в этом, установленном законом перечне можно четко различить три составляющие:

- произведения искусства и культуры, включающие объекты авторского права и смежных прав;
- технологические инновации, относящиеся к объектам патентного права;
- средства коммерческой индивидуализации.

Дистанционные технологии широко применяются в образовательной среде, в том числе и в сфере бизнес-обра-

зования. Их способность охватить большую аудиторию, нацелена на обеспечение всеобщего доступа к получению и обновлению знаний, необходимых для социальной адаптации личности, в течение всей жизни человека [7]. Однако, остро возникает получения качественного образовательного продукта в интернет-среде. Так, Премьер-министр Д.А. Медведев отметил, что «нет никаких гарантий, что полученная в Сети информация является достоверной и безопасной. Существует реальный дефицит качественного образовательного контента» [8]

Одним из ключевых критериев развития бизнес-образования в условиях глобальной интеграции в Интернет-пространство является развитие вопросов, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности авторов образовательных программ для бизнеса. Не соблюдение правил цитирования и оформления библиографических данных, наличие риска плагиата и «пиратского» использования обучающих материалов снижает количество и качество разрабатываемых и внедряемых инновационных образовательных продуктов.

1. Сложность данного вопроса обуславливается спецификой бизнес-образования с применением дистанционных технологий с точки зрения правовой защиты интеллектуальной собственности, которая заключается в следующем.

Сложность четкого определение объектов защиты в сфере бизнес-образования и подтверждения их уникальности и новизны.

Анализ широкого спектра продуктов, предлагаемых на данном рынке в настоящее время, показывает существование разнообразие форматов обучения:

- краткосрочные образовательные программы (он-лайн курсы и практикумы, вебинары, семинары, тренинги);
- долгосрочные образовательные программы (курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, MBA);
- корпоративное обучение (образовательные программы, адаптированные для нужд отдельных компаний (отрали));
- выездные программы, бизнес-форумы;
- коучинг (бизнес-обучение по индивидуальным образовательным траекториям, вектору).

Выше описанные векторы обучения являются компликативными, поскольку в каждой образовательной программе сочетаются авторские и заимствованные методики, печатные, видео и фото-материалы, презентационное сопровождение публичные выступления, и т. д.

В этой связи вопрос о конкретизации объекта защиты прав интеллектуальной собственности в сфере бизнес-образования является дискуссионным, так как, согласно ст. 1259 ГК РФ, «авторское право распространяется на произведения являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения.

Авторские права распространяются, как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выра-

женные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме. Авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования, геологическую информацию о недрах».

Интеллектуальная собственность по определению Всемирной организации интеллектуальной собственности это «творения человеческого разума: изобретения; литературные и художественные произведения; символику, названия и изображения, используемые в коммерческих целях» [1].

В образовательных программах, разрабатываемых для бизнеса с применением дистанционных технологий, необходимым является корректное определение объекта защиты прав. В Интернет-среде это могут стать электронные книги семинары, тренинг, курсы, видео-контент и т. п. Также объектом права может быть авторская компиляция уже имеющихся образовательных методик и технологий. Ключевым является издание образовательного контента в какой-либо объективной форме и подтверждение их уникальности и новизны [3].

2. Защита авторских прав образовательных продуктов в сети Интернет сталкивается с определенными трудностями, которые обусловлены следующими обстоятельствами

В настоящее время сеть Интернет, является основной площадкой для организации бизнес обучения -on-lain. Образовательные продукты, созданные на различных, на различных площадках, в соответствии с действующим законодательством РФ относятся к аудиовизуальным произведениям. Следовательно, произведений авторы и создатели данных, имеют право на авторство, имя, обнародование и неприкосновенность произведения. Следует подчеркнуть, что весь комплекс мер по защите данных прав в сети Интернет требует более глубокой проработки и уточнения положений нормативных правовых актов.

Тем не менее, согласимся с утверждением Д.В. Грибанова, что «на практике авторские права в сети Интернет часто игнорируются», что вызывает необходимость более внимательного рассмотрения данного аспекта [4].

3. Сложность контроля за нарушениями авторских прав в сфере бизнес-образования с сети Интернет.

Как справедливо указывает Е.В. Шипова, одной из основных функций норм авторского права является «создание правовых, имущественных и иных условий для эффективной творческой деятельности в сфере науки, литературы и искусства, обеспечение реальных возможностей автору для признания и защиты его права на созданное им творческим трудом произведение» и в то же время «создание правовых, материальных и иных условий для использования произведения науки, литературы и искусства максимально широким кругом лиц» [10].

Следовательно, основная сложность по контролю за соблюдением авторского права в сфере бизнес — образования, является доступности и популяризация образовательного контента, с одной стороны, и необходимость спутывающей охраны авторских прав, с другой стороны. Предполагается, что действенным способом решения данной проблемы выступает предупреждение авторами бизнес-программ слушателей о том, что предлагаемый контент защищен авторским правом, и их использование может быть осуществлено только для личных целей.

Подчеркивая определенную аутентичность защиты прав интеллектуальной собственности в сфере бизнес-образования в Интернет-среде, обозначим следующие рекомендации:

1) заключение международных соглашений и принятие международных законодательных актов по охране интеллектуальной собственности с учетом специфики бизнес-образования и национальных правовых режимов.

И. Ю. Мирских справедливо утверждает, что право на интеллектуальную собственность имеет территориальный характер, «преодолеть который можно с помощью специальных международных договоров» [6].

Согласно Всемирной декларации по интеллектуальной собственности, «следует поощрять сотрудничество правительств в вопросах всемирной охраны и использования интеллектуальной собственности как в традиционных, так и во вновь возникающих областях» [1];

2) существенное значение для результативности инновационной деятельности в сфере бизнес-образования имеет порядок регулирования авторских прав на служебные произведения, т. е. произведения, созданные в порядке выполнения служебных обязанностей или служебных заданий работодателя.

Служебные произведения создаются авторами, работающими на предприятии, в силу чего создание и использование таких произведений имеет определенные осо-

бенности. Согласно ст. 1295 ГК РФ авторское право на служебное произведение принадлежит его автору. Вместе с тем введена презумпция принадлежности работодателю исключительных прав на использование служебного произведения (если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное). Автору же выплачивается авторское вознаграждение, размер которого за каждый вид использования служебного произведения и порядок выплаты устанавливаются договором между автором и работодателем.

3) создание неправительственных организаций, осуществляющих консультативную поддержку разработчикам образовательных программ для бизнеса;

4) создание площадок по обмену опытом по защите прав интеллектуальной собственности в сфере бизнес-образования с применением дистанционных технологий, спикеров, коучеров и потребителей данных услуг.

5) Одним из типичных нарушений прав на образовательный бизнес-контент, является создание дополнений к нему без согласия правообладателя. В связи с этим автор предлагает понимать под переработкой, как способом использования мультимедийного продукта любое его изменение за исключением адаптации.

В качестве выводов следует отметить, что защита прав интеллектуальной собственности в сфере бизнес-образования является не простым, но очень актуальным вопросом, требующим развития подходов к его решению.

При этом вопрос об охране интеллектуальной собственности образовательных продуктов в Интернет-среде недостаточно проработан и законодательно оформлен. Укрепление правовой базы в данной области позволит авторам ресурсов в сфере образования создать значительное число высококачественных и инновационных продуктов, а потребителям образовательного контента, быть более конкурентоспособными в современной бизнес-среде.

Литература:

1. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rupto.ru/docs/interdocs/worldwide_declaration.
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. 19.12.2016))
3. Иванченко, И. В. Проблема повышения качества образования в вузе // Молодой ученый. — 2016. — № 5.1. — с. 18–21.
4. Интеллектуальная собственность в рамках евразийской интеграции / под ред. С. Б. Алиев // Евразийская экономическая комиссия. 2015. Режим доступа: <http://www.eurasian-commission.org/ru/Documents/>
5. Об интеллектуальной собственности / Всемирная организация интеллектуальной собственности. // Режим доступа: <http://www.wipo.int/about-ip/ru>.
6. Грибанов, Д. В. Авторское право в науке, образовании и издательском бизнесе // Российский юридический журнал. 2009. № 4.
7. Мирских, И. Ю. Охрана интеллектуальной собственности в условиях глобализации // Вестник Пермского университета. 2012. № 3 (17).
8. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] / Администрация Президента РФ. — Москва, 2016. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/51413>
9. Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] — Москва, 2016. — Режим доступа: <http://government.ru/news/24274/>

10. Требования работодателей к системе профессионального образования / Е. М. Аврамова, И. Б. Гурков, Т. Л. Клячко, Г. А. Краснова, А. Г. Левинсон, М. В. Михайлюк, Е. А. Полушкина, О. И. Стучевская. — М.: РУДН, 2006. 125 с.
11. Шипова, Е. В. Проблемы защиты авторских прав в области тренинговых технологий. URL: <http://www.htex.ru/copyright/problemu-zashchity-avtorskih-prav-v-oblasti-treningovyh-tehnologiy>.
12. Яхонтова, Е. С. Ключевые аспекты управления знаниями // Менеджмент сегодня. 2014. № 3 (81).

Образовательный контент как объект авторского права

Валкирный Сергей Сергеевич, аспирант

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Рассматриваются вопросы, связанные с защитой прав интеллектуальной собственности в сфере образования. Образовательный контент — сложный объект интеллектуальных прав. Проанализируем данный результат интеллектуальной деятельности с учетом правового регулирования.

Ключевые слова: защита интеллектуальной собственности, авторское право, образовательный контент, сложный объект

Образование — основа развития. Это фундаментальное право человека. Принятие Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ (Далее Закон) повлекло за собой значительные изменения в системе образования, в частности были установлены новые формы обучения.

Учебные заведения осуществляют подготовку слушателей в форме электронного обучения, а так же дистанционных образовательных технологий, в силу ст. 15–16 Закона. Ст. 17 Закона допускает получение образования вне организаций, осуществляющих образовательную деятельность (в форме семейного образования и самообразования) [2].

Между тем одним из важных аспектов существования и развития бизнес-образования в условиях глобальной интеграции в Интернет-пространство является развитие вопросов, связанных с защитой прав интеллектуальной собственности авторов образовательных программ для бизнеса. Не соблюдение правил цитирования и оформления библиографических данных, наличие «пиратского» использования обучающих материалов снижает количество и качество разрабатываемых и внедряемых инновационных образовательных продуктов, а также снижает экономическую эффективность и конкурентоспособность учебного заведения [10].

Сложность данного вопроса обуславливается спецификой бизнес-образования с применением дистанционных технологий с точки зрения правовой защиты интеллектуальной собственности, которая заключается в следующем.

В настоящее время Вузы широко используют цифровые форматы для расширения аудитории, популяризации дистанционного образования, разностороннего продвижения образовательного продукта.

Электронным каналом дистрибуции образовательного продукта является Интернет. Поэтому особое значение

приобретает привлекательная визуализация и качество обучающего контента (тренинги, семинары, on-lain курсы и практикумы, вебинары, конференции, электронные порталы, тренинги и пр.). Между тем под «образовательным контентом», мы понимаем содержимое, любое информационное наполнение образовательного ресурса (к примеру, веб-сайта) вся информация, которую пользователь сможет загрузить на диск компьютера, соблюдая соответствующие законности исключительно для личного пользования [11].

Логично, предположить, что образовательный контент относится к сложным, аудиовизуальным произведениям, авторы и создатели которых имеют право на авторство, имя, обнародование и неприкосновенность произведения, при этом комплекс мер предосторожности по защите данных прав в сети [15].

Несмотря на это, общественные отношения, возникающие по поводу интерактивных образовательных продуктов, в должной мере в российском законодательстве не урегулированы.

Между тем определяя правовую природу данного образовательного продукта, можно заключить, что он является одним из видов объектов авторских прав и обладает всеми признаками и характерными особенностями произведений, особенно интересные для исследования [14].

Несмотря на то, что ГК РФ не дает определения произведения в целом, отдельные виды произведений законодательно определены [1]. К числу таковых отнесено и аудиовизуальное произведение, под которым согласно п. 1 ст. 1263 ГК РФ понимается произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств.

Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также теле- и видеофильмы и другие подобные произведения, независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации. В литературе аудиовизуальное произведение также определяется как «игровое движение изображения со звуком или без звука, но визуально воспринимаемое независимо от способа технической фиксации и воспроизведения». Кроме этого, отличительной особенностью аудиовизуального произведения является то, что в соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ оно признается сложным объектом, т. е. объектом, состоящим из нескольких самостоятельных взаимосвязанных частей — охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Круг авторов аудиовизуального произведения строго ограничен. К ним относятся: режиссер-постановщик, автор сценария и композитор, являющийся автором музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для этого аудиовизуального произведения (п. 3 ст. 1263 ГК РФ). Иные авторы, результаты интеллектуальной деятельности которых используются при создании аудиовизуального произведения, считаются авторами произведений — составных частей аудиовизуального произведения, независимо от того, были ли они созданы до или в процессе работы над таким произведением.

Дополнительно законодатель выделил продюсера, как лицо, организовавшее создание аудиовизуального произведения. Продюсер приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности (п. 1 ст. 1240 ГК РФ). В пункте 19.1 Постановления Пленума ВС РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 от 26.03.2009 в связи с этим отмечается: под лицом, организовавшим создание сложного объекта, понимается лицо, ответственное за организацию процесса создания такого объекта, в частности лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание соответствующего объекта [9].

Примечательно, что согласно ст. 81 Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по авторскому праву, принятого Дипломатической конференцией 20 декабря 1996 г., авторы «пользуются исключительным правом разрешать любое сообщение своих произведений для всеобщего сведения по проводам или средствами беспроводной связи, включая доведение своих произведений до всеобщего сведения таким образом, что представители публики могут осуществлять доступ к таким произведениям из любого места и в любое время по их собственному выбору». Сеть Интернет попадает под это определение, так как пользователь сети может в любой момент получить доступ к тому или иному произведению, и, таким образом, прежде чем разместить в сети Интернет какой-либо материал, даже если он до-

стался нам правомерным путем, следует получить разрешение автора, так как он имеет исключительное право на публичное обнародование своего произведения, создавая личную конкурентную среду [4].

Если права автора нарушены, их нужно защищать, но найти доказательства нарушения этих прав в Интернете весьма сложно.

Первым препятствием к нормальному регулированию процессов в сети Интернет, касающихся права интеллектуальной собственности, является экстерриториальность интернет-среды, что порой затрудняет определение границ действия национального законодательства.

Вторым препятствием можно назвать отсутствие однородного законодательства и единых правовых норм, обеспечивающих защиту интеллектуальной собственности. В связи с этим создаются дополнительные проблемы для пресечения распространения незаконного контента в сети и установления личности правонарушителя [10].

Эти недостатки правового регулирования позволяют потенциальным нарушителям размещать ресурсы в тех странах, где законодательство в этой сфере развито довольно слабо. Даже в том случае, если нарушение было устранено в соответствии с нормами законодательства одного государства, ресурс сразу же «перемещается» в пространстве сети других стран [7].

Определенные вопросы в данной области касаются классификации правонарушения в сети Интернет по российскому законодательству. Например, частичное изменение авторского произведения с последующим размещением полученного результата на сайте в сети Интернет без согласия автора или полное либо частичное копирование авторского произведения с последующим размещением его в Интернете. Российское законодательство на данный момент не предусматривает детальную классификацию подобных правонарушений, что затрудняет определение соответствующей меры пресечения, адекватной совершенному нарушению [2].

Еще одна проблема — установление вины правонарушителя, т. е. обеспечение эффективного механизма доказывания нарушенных прав. При рассмотрении дел о нарушении авторского права в сети Интернет российские суды, как правило, с недоверием относятся к доказательствам, не имеющим материального выражения, либо представленным в электронной форме, либо в виде распечатанной интернет-страницы, наглядно иллюстрирующей факт нарушения в Сети.

Соответственно, для суда наиболее предпочтительным доказательством является протокол осмотра необходимых страниц «сетевым» нотариусом. Для обыкновенного пользователя данная процедура в процессе судебной защиты прав интеллектуальной собственности, размещенной в сети Интернет, представляется достаточно дорогостоящей вследствие необходимости обращения к «сетевому нотариусу», что, в свою очередь, порождает частый отказ собственника результатов экономической деятельности от необходимости защиты нарушенных прав в суде.

В дальнейшем это обуславливает безнаказанность правонарушителя [3]. Поэтому необходимо приравнять материалы, полученные в цифровой форме, к действительным доказательствам, применимым в судебной практике.

Следующий вопрос — невозможность окончательного пресечения несанкционированного копирования информации с помощью существующих технологий и законодательства. Известно, что практически любой пользователь, имеющий доступ к Интернету, может сохранить любую информацию к себе в компьютер и разместить оригинальный либо собственноручно переработанный материал практически на любом интернет-сайте, при этом не указывая ни источник, предоставивший произведение к общему, открытому доступу, ни автора исходного произведения [7].

Стоит отметить, что постоянный пользователь сети Интернет крайне редко задумывается над тем, кто и каким способом, легальным или нелегальным, с какой целью разместил в Сети ту или иную информацию. В связи с этим ответ на вопрос о том, как же быть с добросовестными пользователями, незаконно скопировавшими ту или иную информацию в целях ознакомления и последующего удаления, также остается неясным. Определенную сложность представляет собой формирование критерия добросовестности, который бы исключал виновность пользователя за так называемое хищение объекта интеллектуальной собственности без существующих на то мотивов.

В дополнение ко всем перечисленным трудностям правового регулирования прав интеллектуальной собственности в сети Интернет стоит добавить следующее: защита интеллектуальной собственности в сети Интернет — это проблема не столько информационно-технологическая, не столько проблема права и правоприменительной практики, сколько проблема идеологическая, основанная на принципах открытого доступа к любой информации. В связи с этим возникает следующий вопрос: возникает ли в настоящее время потребность в защите авторских прав в рамках сети Интернет? В современном мире, где основной ценностью является информация, существует принцип: делиться важнее, чем обладать. В связи с этим возникает еще один вопрос: нужно ли охранять авторские права в Интернете и если обеспечивать их защиту, каким образом сделать ее как можно более эффективной? [5]

При поиске соответствующего современным условиям ответа на поставленные вопросы, следует учитывать необходимость обеспечения правовой и технологической охраны реализации прав интеллектуальной собственности в Интернете.

В сложившейся ситуации, в которой авторские и смежные права являются объектами каждодневных правонарушений, требуется не столько защита уже нарушенных прав, сколько охрана правообладателей от возможных посягательств на результаты интеллектуальной деятельности. Механизм охраны интеллектуальных прав должен запускаться не с момента возникновения соответствующего «требования» со стороны правообладателя, а с момента вступления в силу соответствующего норма-

тивного правового акта, содержащего более детализированные и гибкие правовые нормы, которые соответствовали бы развитию информационных технологий [6].

В настоящее время в Российской Федерации уже наметились некоторые тенденции:

1) онлайн-отношения стали значительным образом влиять на законодательство: появились новые способы распоряжения исключительным правом на произведение, в частности открытая лицензия, позволяющая говорить о постепенном переходе к инклюзивной модели авторских прав;

2) приближение к свободе некоммерческого обмена копиями произведений, а также понимание необходимости развития «культуры копирования» у населения;

3) возвращение к вопросу о сроках исключительного права: можно ли передать произведение в общественное достояние ранее окончания срока действия исключительного права по воле правообладателя;

4) попытка создания особого цифрового каталога объектов авторских и смежных прав;

5) с другой стороны, отслеживается также тенденция к ужесточению законодательства в сфере защиты авторских и смежных прав в цифровой среде и применение блокировки, как основной меры защиты.

Представляется, что основная задача реформирования — дать возможность получить доступ к контенту быстро, просто, законно. В настоящее время важная проблема — невозможность диалога правообладателей с различными интернет-сайтами, на которых происходит совершенно неконтролируемое размещение контента, полное смешение возмездного и безвозмездного обмена, а вместе с тем и абсолютное отсутствие понимания, находится ли перед пользователем легальный контент.

Если Российская Федерация хочет создать условия легального размещения произведений в цифровой среде, то все стороны должны предпринимать к этому усилия. При этом на интернет — ресурсах могут существовать механизмы фильтрации (в том числе безопасный поиск) и технические возможности обращения к владельцу сайта по вопросам нарушения авторских и смежных прав.

Представляется, что в связи с введением в российское законодательство открытой лицензии на использование произведения науки, литературы и искусства обеспечение простого и законного доступа к контенту является наиболее важной и необходимой задачей.

Модернизация авторских прав на образовательный продукт в цифровой среде — сложный и насущный вопрос, который требует своего разрешения. Существующая модель изжила себя и не может работать эффективно. В этой связи ограничение файлообмена, установление излишних технических препятствий, в случае если у пользователей имеется законное право на использование объектов авторских прав, не приводят к изменениям в лучшую сторону. Автор настоящей статьи надеется, что все тенденции, появившиеся сейчас в России, создадут новый и мощный механизм реализации авторских прав в цифровой среде.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 231-ФЗ ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016))
2. Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ
3. Амангельды, А. Проблема разграничения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. N 3. С
4. Апарышев, И. Авторское право в интернет-эпоху // ЭЖ-Юрист. 2015. № 28.
5. Анциферов, О. Д. В области защиты интеллектуальных прав все еще немало «белых пятен», которыми беззастенчиво пользуются правонарушители: [беседа с канд. юрид. наук О. Анциферовым] // Адвокат. 2017. № 1.
6. Благинин, В. А. Технология моделирования понятия «конкурентоспособность» и его структура // Конкурентоспособность территорий: материалы XVII Всерос. форума молодых ученых с междунар. участием в рамках V Евразийского экономического форума молодежи (Екатеринбург, 21–22 апреля 2014 г.): в 10 ч. / отв. за вып. М. В. Фдоров, Д. А. Карх. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2014. Ч. 3.
7. Близнец, И. А., Леонтьев К. Б. Авторское право и смежные права. М.: Проспект, 2011. с. 447.
8. Брумштейн, Ю. Анализ слайд-презентаций как объектов авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. N 8. с. 47–57.
9. Брумштейн, Ю. Графические и аудиовизуальные объекты в тестовых материалах // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. N 3. с. 50–62.
10. Гражданское право: Учебник / Под ред. А. П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2016. Т. 3. с. 163–164.
11. Гринь, Е. С. Модель интеллектуальных прав на сложные объекты: Сборник материалов II Международного юридического форума «Правовая защита ИС: Проблемы теории и практики», 14–15 февраля 2015 года. М., 2016. с. 60.
12. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей. М., 2015. с. 153.
13. Еременко, В. И. Изменения в сфере авторского права и смежных прав в РФ // Законодательство и экономика. 2016. N 7.
14. Зенин, И. А. Право интеллектуальной собственности: Учебник. М.: Юрайт, 2016. с. 59.
15. Назаров, Д. М., Калаев Д. В. IT-кластер как инструмент снижения рисков инновационной экономики // Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 3 (35)

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Актуальные проблемы правового регулирования родительских прав и обязанностей

Юрина Анастасия Владимировна, магистрант;
Научный руководитель: Смиренская Е. В., кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Исторически институт семьи прошёл ряд стадий, в течение которых такой институт преобразовывался наряду с развитием самого общества путём соответствия его актуальным потребностям. Правовое регулирование семейных отношений являлось одной из основных задач государства в социальной сфере на протяжении многих веков, начиная с закрепления правовых положений в «Законах XII таблиц», заканчивая современными источниками права, регулирующими отношения института брака и семьи.

Семейный кодекс Российской Федерации основан на концепции развития законодательства о браке и семье, подготовленной Институтом Законодательства и Сравнительного Правоведения при Правительстве РФ. Семейный Кодекс вообрал в себя проверенные временем положения семейного законодательства СССР, был разработан в новых экономических условиях с учетом Конвенции ООН «О правах ребенка» от 1989 г. и части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 1994 г. Разрешив многие вопросы, Кодекс стал основным актом российского семейного законодательства. Утверждения о том, что он «не работает как регулятор семейных отношений», «является самым слабым звеном в системе законодательства», представляются сильным преувеличением [1].

Частью 2 статьи 7 Конституции РФ установлено, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства [2]. Таким образом, признается, что семья, брак, рождение детей являются не только частным делом участников семейных правоотношений, а имеют большое общественное значение, являются задачей государства.

Конвенцией ООН о правах ребенка установлено, что государства — участники Конвенции убеждены в том, что семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов и особенно детей должны быть предоставлены необходимые защита и содействие. Отмечается, что государства должны обеспечивать, чтобы ребенок не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и проце-

дурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка [3].

Главным призванием семьи является полноценное выполнение своих основных социально-демографических функций, формирование и реализация собственных жизненных и репродуктивных установок на основе самообеспечения и саморазвития. Бесспорно, одним из условий успешного функционирования семьи (в том числе многодетной), является снижение социальной напряженности в обществе — развитие сферы социальной поддержки и социального обслуживания семьи и детей.

Современным российским законодателем установлено, что права и обязанности родителей в отношении своих детей предполагаются наличием прав у ребёнка. Такое установление «обязанность родителей = права ребёнка» вызвано тем, что традиционно в центре семейно — правового регулирования находится ребёнок — лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия) [4], защита законных прав и интересов которого является приоритетной задачей как государства, так и общества в целом. Особенностью такой правовой конструкции, установленной семейным законодательством, является то, что у детей, в отличие от его родителей, имеются только права, которые предусмотрены Главой 11 Семейного кодекса Российской Федерации.

Родительские права и обязанности являются срочными, так как возникают с момента рождения ребёнка, либо возникают спустя значительный период времени на основании правоустанавливающих документов, и прекращаются в связи с достижением ребёнка определённого законом возраста или по приобретении детьми полной дееспособности, а также в связи с иными юридическими фактами. Главное отличие родительских прав от обязанностей состоит в том, что первые прекращают своё действие в случае применения такой санкции как лишение родительских прав. Добровольное прекращение родительских прав представляется невозможным. Однако в случае подписания родителем согласия на усыновление своего ребенка, то после процедуры усыновления родитель также теряет права и обязанности по отношению к ребенку.

Анализируя положения современного семейного законодательства можно сделать вывод, что обладать родительскими правами и обязанностями может лицо, которое:

- записано в качестве родителя в записи акта о рождении ребенка;
- достигло определенного возраста (16 лет);
- не осуществляло по отношению к ребенку действий, представляющих угрозу для его жизни и здоровья;
- не является лицом, лишенным родительских прав или ограниченным в родительских правах.

Главой 12 Семейного кодекса Российской Федерации закреплен широкий спектр прав и обязанности родителей: право и обязанность на воспитание своих детей, право и обязанность на осуществление заботы об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обязанность по обеспечению получения детьми основного общего образования, право выбора родителями образовательного учреждения и т. д. Такой перечень родительских прав и обязанностей является открытым, что вызывает дискуссии среди правоведов.

Так, С. И. Смирновская отмечает, что «В законе и не должно быть детально урегулировано содержание родительских прав...каждый отец и каждая мать воспитывают ребенка по-своему. Не вмешиваясь в этот сугубо индивидуальный процесс, законодатель вместе с тем устанавливает пределы осуществления родительских прав и обязанностей» [5]. Данную точку зрения поддерживает Е. С. Вайнер: «Стоит согласиться с тем, что полностью регламентировать, какие именно компоненты должны составлять понятие родительских прав, невозможно. Для одного родителя принципиально важным будет кормление ребенка три или четыре раза в день, для другого — проведение с ребенком максимального количества времени, для третьего — интеллектуальное развитие, четвертый же приложит максимум усилий к развитию физическому, пятый сочтет самым важным обеспечить ребенка материально. Соответственно, создать единый перечень составляющих понятия родительских прав не представляется возможным» [6].

С вышеуказанной позицией не соглашается М. М. Старосельцева: «...отношения между родителями и детьми должны быть максимально облечены в правовую форму, дабы избежать нарушения прав и интересов как ребенка, так и его родителей» [7].

Безусловно, открытость установленного законодателем перечня родительских прав и обязанностей, позволяет реформировать существующие положения и закрепить новые, что будет соответствовать потребностям современной общественной жизни.

Поскольку некоторые положения родительских прав и обязанностей подлежат усовершенствованию, так, на взгляд автора, необходимо изменить обязанность родителей обеспечить получение детьми основного общего образования на обязанность родителей по обеспечению получения ребёнком среднего образования, что позволит ему в будущем самостоятельно определить уровень своего

образования, (например, ребёнок сможет продолжить обучение в высшем учебном заведении, или, закончив обучение в учебных заведениях среднего образования, пройти профессиональные курсы), а также отвечать требованиям рынка труда.

В связи с развитием в информационных сетях, в частности в социальных, киберпреступлений, направленных на причинение вреда жизни и здоровью ребёнка, в том числе путём его побуждения к необходимости совершения самоубийства, необходимо нормативно закрепить обязанность родителей по обеспечению информационной безопасности ребёнка.

Бесспорно, пресечение подобных преступлений является задачей государственных органов, однако стоит учесть, что искоренить данную проблему возможно только путём объединения публичных сил и частных начал: контролирования и отслеживания родителями деятельности ребёнка в виртуальном мире, проведения профилактических бесед и т. д.. Ведь родителям стоит помнить, что в силу возрастных особенностей несовершеннолетних они не всегда могут воспринимать информацию правильным образом, в том числе ребёнку не всегда удаётся давать отчёт своим действиям, а также уметь предвидеть последствия своих действий.

Таким образом, обеспечение информационной безопасности подлежит включению в перечень родительских обязанностей, закреплённых в Главе 12 Семейного кодекса Российской Федерации, что поможет защитить ребёнка в сложившейся ситуации виртуального мира. Кроме того, такая обязанность позволит не только защитить ребёнка от посягательства преступников на его психику и жизнь, но и исключит посещение детьми сайтов, ограниченных возрастной категорией.

На сегодняшний день актуальным остаётся вопрос об именах, которые родители дают своим детям. Действующее семейное законодательство не предусматривает ограничения для родителей при выборе ими имён для своих детей, чем некоторые из них с успехом и пользуются: история мальчика, которого родители при рождении назвали «БОЧ рВФ 260602» — Биологический объект человека рода Ворониных — Фроловых, родившийся 26 июня 2002 года. Является ли это «модной» тенденцией среди родителей или же их безответственностью? Предполагается, что на данный вопрос однозначного ответа не найдётся.

Однако огромный шаг в предотвращении данной проблемы был сделан: так, депутатами Государственной Думы Российской Федерации был принят проект Федерального закона № 1051801–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения порядка присвоения и регистрации имени», который предусматривает внесение изменений в пункт 1 статьи 19 Гражданского кодекса Российской Федерации путём его дополнения определением понятия «имя гражданина». Кроме этого, предусмотрено внесение изменений в положения статьи Семейного кодекса, устанавливающую право

ребёнка на имя отчество и фамилию: запрещается регистрация имени, содержащего цифровое, буквенное обозначения, числительные, символы или их любую комбинацию, ранги, должности, ненормативную лексику, представляющего собой различные аббревиатуры, и не отвечающего требованиям, установленным действующим законодательством об актах гражданского состояния. В результате, 01 мая 2017 года были внесены изменения в положения п. 2 ст. 58 Семейного кодекса Российской Федерации. Согласно данным изменениям родителям при выборе имени ребёнку запрещено: использование в его имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы [8].

Бесспорно, такой законопроект является мощным направлением защиты детей со стороны государства от нерадивых родителей. Однако как же защитить тех детей, чьи родители уже успели дать такое «запрещённое» имя? На взгляд автора, данная проблема решается путём включения в проект такого Федерального закона положения о

необходимости изменения имени, не отвечающего вышеуказанным требованиям. Такое изменение имени должно производиться родителями в добровольном порядке, с учётом требований, установленных пунктом 4 статьи 59 Семейного кодекса Российской Федерации, либо органами Записи актов гражданского состояния в принудительном порядке.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что семейное законодательство, как и законодательство Российской Федерации в целом, является достаточно молодым и успешно развивающимся, отражающим устои нашего демократического общества. Наделив несовершеннолетних граждан правами в области семейных отношений, государство таким образом предусмотрело гарантии охраны и защиты этих прав путём установления прав и обязанностей родителей в отношении своих детей. Законодателем не противопоставлены права и обязанности родителей правам и интересам детей, а лишь установлены правила и пределы осуществления родительских прав и обязанностей, в случае нарушения которых включается механизм ответственности родителей.

Литература:

1. Нарышкин, С. Е., Хабриева Т. Я., Абрамова А. И. и др. Научные концепции развития российского законодательства: монография / отв. ред. академик РАН, д. ю. н., проф. Т. Я. Хабриева, д. ю. н., проф. Ю. А. Тихомиров; 7-е изд. доп. и перераб. — «ИД Юриспруденция». — 2015 г. — с. 144.
2. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. ст. 4398.
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. — выпуск XLVI — 1993.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1996. — N 1. — ст. 16.
5. Смирновская, С. И. Ограничение родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. — М.: РГБ, — 2007. — с. 74.
6. Вайнер, Е. С. К вопросу о понятии механизма реализации родительских прав и обязанностей // «Юрист спешит на помощь». — № 3—2016. — с. 3.
7. Старосельцева, М. М. О принципах осуществления родительских прав // «Современное право». — 2008. — N 11. — с. 36.
8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 01.05.2017) // Собрание законодательства РФ. — 01.01.1996. — N 1. — ст. 16.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ, ЗЕМЕЛЬНОЕ, ЛЕСНОЕ, ВОДНОЕ И ВОЗДУХООХРАННОЕ ПРАВО

Проблемы правового регулирования разделения участка недр, предоставленного в пользование на основании лицензии

Медведев Дмитрий Романович, главный юристконсульт
Юридическая фирма Concilia Property Consultancy (г. Санкт-Петербург)

В настоящей статье рассмотрены проблемы, связанные с использованием лицензионного участка недр, а именно проблемы правового регулирования разделения лицензионных участков. Мной проанализировано действующее законодательство в сфере недропользования, лесное, земельное законодательство на предмет возможности разделения участка недр, предоставленного в пользование на основании лицензии, судебная практика по вопросу раздела лицензионного участка, а также законодательство в области регулирования отношений, возникающих при использовании недр в зарубежных странах. На основании проведенного исследования предлагается рассмотреть возможность применения иностранного опыта, а именно внесение изменений в российское законодательство о недрах.

Рассматривая проблему настоящей работы, а именно вопрос о возможности разделения участка недр, предоставленного в соответствии с лицензией, следует дать классификацию участкам недр, а также определить правовой порядок установления границ таких лицензионных участков. Действующее законодательство разделяет категории участков недр на геологические отводы и горные отводы. Согласно статье 7 Закона РФ от 21.02.1992 N 2395-1 «О недрах», в соответствии с лицензией на пользование недрами участок недр предоставляется пользователю в виде горного отвода — геометризованного блока недр [1, ст. 7].

При определении границ горного отвода учитываются пространственные контуры месторождения полезных ископаемых, положение участка строительства и эксплуатации подземных сооружений, границы безопасного ведения горных и взрывных работ, зоны охраны от вредного влияния горных разработок, зоны сдвижения горных пород, контуры предохранительных целиков под природными объектами, зданиями и сооружениями, разносы бортов карьеров и разрезов и другие факторы, влияющие на состояние недр и земной поверхности в связи с процессом геологического изучения и использования недр.

Предварительные границы горного отвода устанавливаются при предоставлении лицензии на пользование недрами.

После разработки технического проекта выполнения работ, связанных с использованием недрами, получения положительного заключения государственной экспертизы и согласования указанного проекта, орган государственного горного надзора или в случаях, установленных Прави-

тельством Российской Федерации, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации (относительно участков недр местного значения) оформляет документы, которые удостоверяют уточненные границы горного отвода (горноотводный акт и графические приложения) и включаются в лицензию в качестве ее неотъемлемой составной части.

Пользователь недр, получивший горный отвод, имеет исключительное право осуществлять в его границах пользование недрами в соответствии с предоставленной лицензией. Любая деятельность, связанная с использованием недрами в границах горного отвода, может осуществляться только с согласия пользователя недр, которому он предоставлен.

Участку недр, предоставляемому в соответствии с лицензией для геологического изучения без существенного нарушения целостности недр по решению федерального органа управления государственным фондом недр или его территориального органа, _придается статус геологического отвода. В границах геологического отвода могут одновременно проводить работы несколько пользователей недр. Их взаимоотношения определяются при предоставлении недр в пользование.

При предоставлении участка недр в пользование в соответствии с соглашением о разделе продукции при поисках, разведке и добыче минерального сырья, горный или геологический отвод оформляется в границах, определенных указанным соглашением.

В рамках рассматриваемого вопроса ключевым моментом в ст. 7 Закона «О недрах» является указание на то, что в целях обеспечения полноты геологического из-

учения, рационального использования и охраны недр, границы участка недр, предоставленного в пользование, могут быть изменены.

Согласно ч. 1, ч. 3 ст. 11 Закона «О недрах» текстовые, графические и иные приложения лицензии на пользования недрами являются неотъемлемой составной частью лицензии и определяют основные условия пользования недрами. [1, ст. 11, ч. 1, ч. 3]

Лицензия является документом, удостоверяющим право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах в соответствии с указанной в ней целью в течение установленного срока при соблюдении владельцем заранее оговоренных условий. Между уполномоченными на то органами государственной власти и пользователем недр может быть заключен договор, устанавливающий условия пользования таким участком, а также обязательства сторон по выполнению указанного договора.

Таким образом, определённые и четко установленные границы участка недр, предоставленного недропользователю на основании лицензии, являются существенным условием такой лицензии на весь срок ее действия.

Однако, п. 7 ч. 1 ст. 22 Закона «О недрах» устанавливает право пользователя лицензионным участком недр обращаться в органы, предоставившие лицензию, по поводу пересмотра условий лицензии при возникновении обстоятельств, существенно отличающихся от тех, при которых лицензия была предоставлена. [1, ст. 22, ч. 1, п. 7]

Порядок внесения изменений в лицензию уже установлен действующим законодательством. Однако нет механизма и нормы, устанавливающих порядок выделения участка недр из лицензионного участка, ранее предоставленного в пользование, с выдачей в отношении него отдельной лицензии, путем его разделения.

Несмотря на отсутствие нормативно-установленной возможности, в практике деятельности Федерального агентства по недропользованию (Роснедра) можно встретить случаи подачи пользователем недр заявки на разделение участка недр и выделения таких участков в отдельные лицензии. В данном случае Федерального агентства по недропользованию ответило отказом на такую заявку, в связи с отсутствием законодательно установленной процедуры разделения таких участков. Вопрос о законности такого отказа рассматривался в рамках арбитражного процесса по делу А40—46760/15. [2]

Как следует из материалов дела, ЗАО «Каюм Нефть», являясь владельцем лицензии на пользования недрами, в процессе разработки месторождений выяснило, что различные геологические условия и характер вмещающих углероды пород, свойства самой нефти, другие особенности залежей диктуют необходимость применения на этих месторождениях принципиально различных технологий извлечения, в связи с чем оно обратилось в Федеральное агентство по недропользованию с заявлением о выделении в отдельную лицензию месторождения без смены недропользователя, условий действующего лицен-

зионного соглашения и в рамках существующих границ участка недр.

Федеральное агентство по недропользованию отказало в удовлетворении заявления Общества, ссылаясь на отсутствие в законодательстве механизма выделения участков из лицензионных участков, ранее представленных в пользования, с выдачей в их отношении отдельной лицензии.

Арбитражный суд первой инстанции данный отказ признал недействительным, применив аналогию механизма пересмотра условий лицензии, поскольку фактические сложившиеся обстоятельства существенно отличались от тех, при которых лицензия была предоставлена, а именно — возникла необходимость разработки специальных методов повышения нефтеотдачи пластов с учетом инновационных технологий в целях повышения экономической эффективности разработки месторождения, снижения прямых капитальных вложений и максимально возможного использования залежей полезных ископаемых.

Отменяя решение суда первой инстанции, апелляционный арбитражный суд в своем решении изложил следующую позицию.

В лицензии, выданной ЗАО «Каюм нефть», утверждены условия в части определения границ участка недр, предоставляемого в пользование, и указаны границы территории земельного участка, выделенного для работ. Из текста письма ЗАО «Каюм Нефть» следует, что Общество просит Роснедра не внести изменения в имеющуюся лицензию на пользования недрами, а в качестве исключения разрешить выделить в отдельную лицензию месторождения, то есть по существу выдать новую лицензию. Однако, порядок выдачи лицензии, предусмотренный Административным регламентом Федерального агентства по недропользованию, утвержденным Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 29.09.2009 № 315, ЗАО «Каюм нефть» соблюден не был. Также суд апелляционной инстанции посчитал, что отношения между лицензиатом и государством не являются гражданско-правовыми, поэтому аналогия закона к таким отношениям не применима. Не нашли своего подтверждения в ходе рассмотрения дела в апелляционной инстанции и доводы заявителя о том, что необходимость разделения связана с изменением фактических обстоятельств, при которых лицензия была предоставлена в части условий о применении методов разработки месторождений, прямых капитальных вложений и максимально возможного использования залежей полезных ископаемых. Суд сослался на абз. 3, п. 1, ст. 2 ГК РФ, высказывая позицию, что ЗАО «Каюм нефть» осуществляет коммерческую деятельность, которая является самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельностью, направленной на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Суд апелляционной инстанции посчитал отказ Федерального агентства по недропользованию не нарушающим права и законные интересы ЗАО «Каюм Нефть».

Изучив доводы апелляционного суда, можно прийти к мнению, что причина отказа в удовлетворении заявленных ЗАО «Каюм Нефть» требований связана в первую очередь с отсутствием законодательно-закрепленного механизма разделения лицензионного участка, а не с фактической сложностью разделения участка в натуре и внесения изменений в лицензию на пользования недрами. Обществу было необходимо получить новую лицензию и, в то же время, внести изменения в имеющуюся лицензию в части определения границ.

Однако, учитывая мотивацию ЗАО «Каюм нефть» в необходимости разделения участка недр, связанной с изменением фактических обстоятельств, при которых лицензия была предоставлена, в части условий о применении методов разработки месторождений, необходимо отметить следующее.

В соответствии с положениями ст. 23.2 Закона «О недрах» разработка месторождений полезных ископаемых осуществляется в соответствии с утвержденными техническими проектами и иной проектной документацией на выполнение работ, связанных с использованием недрами, а также правилами разработки месторождений полезных ископаемых по видам полезных ископаемых. Подготовка проектной документации заключается в разработке обоснованных технических и технологических решений, обеспечивающих выполнение условий пользования участком недр, рациональное комплексное использование и охрану недр, а также выполнение требований законодательства Российской Федерации о недрах. [1, ст. 23.2]

Также, необходимо учесть, что в состав технического проекта разработки месторождения полезных ископаемых, проект горного отвода может включаться специальным разделом «Обоснование границ горного отвода», состоящим из пояснительной записки и графических материалов.

Пунктом 18 Инструкции по оформлению горных отводов для разработки месторождений полезных ископаемых (утв. МПР РФ 07.02.1998 N 56, Госгортехнадзором РФ 31.12.1997 N 58) установлены требования к содержанию данной пояснительной записки. В ней указываются, в том числе: краткая геологическая и гидрогеологическая характеристика месторождения (размеры и элементы залегания пластов, рудных тел, жил и др.), горно-геологические и гидрогеологические условия разработки месторождения, проектные выводы по оценке воздействия ведения горных работ на окружающую среду, общие сведения о смежных горных отводах; разведанность месторождения, данные о количестве, качестве, категориальности, вещественном составе разведанных, утвержденных запасов основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых, а при открытой разработке — также и вскрышных пород. [3, п. 18]

Пунктом 25 Положения предусмотрен порядок подготовки, согласования и утверждения изменений (дополнений), вносимых в проектную документацию, а сле-

довательно, имеется возможность внести изменения и в обоснование границ горного отвода.

С учетом вышеизложенного, условия применения методов разработки месторождений ЗАО «Каюм Нефть» могли быть изменены путем внесения изменений в технический проект разработки месторождений. Получение отдельной лицензии в данном случае видится нецелесообразным.

Кроме того, пункт 32 Административного регламента Федерального агентства по недропользованию, утвержденного Приказом Минприроды России от 29.09.2009 N 315, предусматривает: в случае, если в лицензии на пользования недрами указаны два или более вида полезных ископаемых, первая буква в регистрационном номере представляется по преобладающему виду. Из чего следует, что на основании одной лицензии допускается также добыча нескольких видов полезных ископаемых. [4, п. 32]

Возвращаясь к вопросу о возможности разделения лицензионного участка, значительную роль играет действующий порядок установления и изменения границ участков недр, предоставленных в пользование, а также порядок подготовки и оформления документов, удостоверяющих уточненные границы горного отвода, которые установлены Положением об установлении и изменении границ участков недр, предоставленных в пользование, утверждённым Постановлением Правительства РФ от 03.05.2012 N 429 (далее — Положение). [5]

Изменение границ участка недр осуществляется как в сторону его увеличения, так в сторону его уменьшения в любом пространственном направлении (по площади и глубине). Случаи и основания изменения границ участков недр в сторону увеличения и уменьшения, а также случаи многократного изменения границ установлены Положением (п. 8–12 (2) Положения). [5, п. 8–12 (2)]

Для изменения границ участка недр пользователь недр, имеющий лицензию на пользование недрами на соответствующем участке недр, подает заявку в орган, который устанавливает границы этого участка недр (п. 13 Положения). Заявка об изменении границ участка недр должна содержать, в том числе, обоснование необходимости изменения границ участка недр с приложением копий обосновывающих документов или с указанием ссылок на такие документы. [5, п. 13]

Пункт 27 Положения предусматривает, что при изменении границ участков недр осуществляется внесение соответствующих изменений в лицензию на пользование недрами в порядке, устанавливаемом Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации. [5, п. 27]

Так, Приказом Минприроды России от 29.09.2009 N 315, утвержден уже упомянутый ранее Административный регламент Федерального агентства по недропользованию по исполнению государственных функций по осуществлению выдачи, оформления и регистрации лицензий на пользование недрами, внесения изменений и дополнений в лицензии на пользование участками недр, а также перео-

формления лицензий и принятия, в том числе по представлению Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и иных уполномоченных органов, решений о досрочном прекращении, приостановлении и ограничении права пользования участками недр.

Пункты 37–43 указанного Административного регламента определяют последовательность действий Федерального агентства по недропользованию и его территориальных органов при исполнении государственной функции по осуществлению внесения изменений и дополнений в лицензию на пользование участками недр. [6, п. 37–43]

Внесение изменений и дополнений в лицензию на пользование участками недр осуществляется по взаимному согласию пользователя недр и Федерального агентства по недропользованию или его территориального органа:

— в случае значительного изменения объема потребления произведенной продукции по обстоятельствам, независящим от пользователя недр, и связанного с этим изменением срока ввода в эксплуатацию объектов;

— при возникновении обстоятельств, существенно отличающихся от тех, при которых лицензия была предоставлена.

Основаниями для начала осуществления административных процедур в рамках исполнения государственной функции по осуществлению внесения изменений и дополнений в лицензию на пользование участками недр являются:

— заявка пользователя недр с просьбой о внесении изменений и дополнений в лицензию на пользование недрами (далее — заявка на внесение изменений и дополнений);

— обращение Федерального агентства по недропользованию или его территориальных органов к пользователю недр с предложением о внесении изменений и дополнений в лицензию на пользование участком недр.

Также, указанным Административным регламентом установлены требования к заявке на внесение изменений и дополнений, перечень прилагаемых к заявке документов. По своему желанию пользователь недр дополнительно может представить иные документы, которые, по его мнению, имеют значение для обоснования внесения изменений и дополнений в лицензию на пользование недрами.

Из положения вышеперечисленных правовых норм можно сделать вывод о том, что право пользователя недр на обращение об изменении границ участка недр, предоставленного в соответствии с лицензией, установлено федеральным законодательством РФ. Порядок и последовательность действий заявителя, Федерального агентства по недропользованию и его территориальных органов установлены на уровне подзаконных актов, а сам механизм внесения изменений в лицензию подробно определен и детально регламентирован.

Также, следует отметить, что в силу части 2 статьи 3 Земельного кодекса РФ к отношениям по использованию и охране недр применяется законодательство о недрах. К зе-

мельным отношениям нормы указанной отрасли законодательства применяются, если эти отношения не урегулированы земельным законодательством. Раздел земельного участка предусмотрен статьями 11.2, 11.4 Земельного кодекса РФ. [7, ст. 3, ч. 2]

Так, согласно ч. 1 ст. 11.4 ЗК РФ при разделе земельного участка образуются несколько земельных участков, а земельный участок, из которого при разделе образуются земельные участки, прекращает свое существование. На уровне земельного законодательства уже давно определены алгоритм и последовательность действий, устанавливающие раздел земельного участка. [7, ст. 11.4, ч. 1]

Однако механизм и практика деления участков недр на сегодняшний день отсутствует в Российской Федерации.

К.Д. Горохов в своей статье «Правовое регулирование установление границ участков недр» отмечает, что в случае внесения изменений в ряд законодательных актов в части установления возможности деления участка недр, потребуется также проработать вопрос прекращения права пользования недрами присоединяемого участка. [8]

Сегодня для закрепления на законодательном уровне нормы о возможности выделения части участка недр в отдельную лицензию путем деления участка недр, предоставленного на основании ранее выданной лицензии, необходимо, прежде всего, определить целесообразность и необходимость данной процедуры. Это возможно установить в случае, если по каким-то причинам осуществление деятельности по условиям выданной лицензией становится осложненным либо невозможным. Разумеется, эти причины должны быть связаны с границами представленного участка недр, определенными в лицензии на пользования недрами. Кроме того, должна исключаться возможность разрешить возникшую проблему и устранить условия, которые являются причиной необходимости раздела лицензионного участка, опираясь на действующее законодательство, как на приведенном выше примере с ЗАО «Каям Нефть».

Поскольку части 7,8 статьи 7 Закона «О недрах» содержат положения о возможности изменения границ участков недр, представленных в пользование на основании лицензии в целях обеспечения полноты геологического изучения, рационального использования и охраны недр, внесение изменений в законодательство на федеральном уровне не требуется. [1, ст. 7, ч. 7, 8]

Определив конкретные условия, при которых возникает необходимость раздела лицензионного участка недр, предлагается внести изменения в Положение об установлении и изменении границ участков недр, предоставленных в пользование, утверждённое Постановлением Правительства РФ от 03.05.2012 N 429, путем добавления отдельных пунктов, указывающих на условия и требования при разделении участка недр.

В отличие от Российского законодательства, в некоторых зарубежных странах вопрос о разделении участка недр уже урегулирован. [5]

Так, например, Законом ЮАР «О полезных ископаемых» № 50 от 1991 г. предусмотрено, что владелец права на какое-либо полезное ископаемое (применительно к земельному участку или остаточной породе), или любое лицо, получившее согласие такого владельца, имеет право вступить во владение этим земельным участком или земельным участком, на котором расположены остаточные породы, вместе с лицами, сооружениями или оборудованием, которые могут потребоваться для проведения работ по разведке или добыче, а также разведки или добычи, полезного ископаемого на поверхности или в недрах земли или в остаточной породе, а также распоряжаться этим полезным ископаемым. Такому лицу после подачи заявления в предписанной форме и уплаты заявочного сбора выдается разрешение на разведку в отношении земли или остаточной породы, если им получено письменное согласие владельца на проведение разведки за свой собственный счет. Разрешение на добычу такому лицу осуществляется аналогичным образом. [9]

Горный закон ФРГ от 13 августа 1980 года содержит параграф 28, согласно которому рудное поле может быть

разделено на самостоятельные части (если части будут представлять собой часть недр, ограниченных на поверхности прямыми линиями и вертикальными плоскостями по глубине) и если можно не опасаться, что раздел приведет к раздроблению полей, в частности к осложнению рациональной и планомерной добычи полезных ископаемых. [10]

Подводя итог проведенного анализа законодательства РФ на предмет возможности раздела участка недр, предоставленного в пользование на основании лицензии, а также судебной практики по вопросу возможности раздела лицензионного участка, можно сделать вывод о том, что действующее законодательство в сфере недропользования, а также земельное законодательство, позволяет внести изменения в нормативно-правовую базу, а именно в Положение об установлении и изменении границ участков недр, предоставленных в пользование, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 03.05.2012 N 429. Внесение изменений в федеральное законодательство не требуется.

Литература:

1. Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 (ред. от 03.07.2016) «О недрах» (ред. от 03.07.2016) с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016 // Справочная правовая система Консультант Плюс: www.consultant.ru
2. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.08.2015 № 09АП-26637/2015 по делу № А40-46760/15 // Справочная правовая система Консультант Плюс: www.consultant.ru
3. Инструкция по оформлению горных отводов для разработки месторождений полезных ископаемых (утв. МПР РФ 07.02.1998 N 56, Госгортехнадзором РФ 31.12.1997 N 58), п. 18. // Справочная правовая система Консультант Плюс: www.consultant.ru
4. Административный регламент Федерального агентства по недропользованию, утвержденный Приказом Минприроды России от 29.09.2009 N 315, п. 32. // Справочная правовая система Консультант Плюс: www.consultant.ru
5. Положение об установлении и изменении границ участков недр, предоставленных в пользование, утверждённое Постановлением Правительства РФ
6. от 03.05.2012 N 429 // Информационно-правовое обеспечение Гарант: base.garant.ru
7. Приказ Минприроды России от 29.09.2009 N 315, п. 37-43 // Информационно-правовое обеспечение Гарант: base.garant.ru
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. N 136-ФЗ (ред. от 03.07.2016) с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 // Справочная правовая система Консультант Плюс: www.consultant.ru
9. Горохов, К.Д., «Правовое регулирование установление границ участков недр» // журнал «Имущественные отношения в Российской Федерации», N 11, ноябрь 2015 г.)
10. Закон ЮАР «О полезных ископаемых» № 50 от 1991 г.
11. Закон ФРГ от 13 августа 1980 года, §28.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Правовая основа деятельности правоохранительных органов и спецслужб по противодействию терроризму

Савчук Клавдия Дмитриевна, магистрант

Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове

Терроризм является глобальной и всеобъемлющей проблемой современного человечества. Правительства всех стран мира ежегодно тратят огромные суммы для обеспечения мер по противодействию терроризму во всех его проявлениях.

Прежде чем остановиться на правовых основах деятельности правоохранительных органов и спецслужб по противодействию терроризму, хотелось бы подробнее остановиться на том, что же такое терроризм в целом.

Законодательство дает нам весьма четкое определение данного понятия.

Терроризм — это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [3].

Также закон дает нам определение того, что же из себя представляет противодействие терроризму.

Противодействие терроризму — это деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма [3].

Если внимательно присмотреться к современной обстановке, то можно заметить, что террористические группы все чаще и чаще выражают готовность совершать насильственные акты по отношению именно к мирным гражданам, как к самому незащищенному слою населения. Постоянно происходит скрытая вербовка потенциальных сторонников, через различные информационные каналы, ключевым из которых, является интернет. Наиболее предпочтительный способ связи, обеспечивающий анонимность, которая вероятнее всего необходима для того, чтобы скрыть следы вербовочной деятельности и

тех, кто реально стоит за организацией терактов — это использование мессенджеров с шифрованием данных.

К сожалению, терроризм является весьма действенным орудием устрашения и уничтожения в извечном и непримиримом споре разных миров, кардинально отличающихся друг от друга своим пониманием жизни, нравственными нормами, культурой.

Террористическая деятельность имеет широкий размах, группировки имеют между собой непосредственный контакт. На сегодняшний день, террористы обладают техническим оснащением на высочайшем уровне. Исходя из этого, субъектам, ведущим борьбу с терроризмом, необходимо использовать все доступные технические, но в первую очередь правовые средства.

Правовую основу деятельности правоохранительных органов и спецслужб по противодействию терроризму составляют два ключевых блока нормативных актов:

Первый из них, акт, направленный непосредственно на противодействие терроризму. Среди них: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральный закон «О государственной охране» от 27.05.1996 № 57-ФЗ, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ и другие законы, а также Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683» О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Второй блок составляют акты непосредственно о правовом положении органов и служб, занимающихся противодействием. А именно: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ и другие законы.

В сфере противодействия терроризму существует множество международно-правовых актов, регулирующих деятельность правоохранительных органов и спецслужб. Считаем необходимым обозначить ряд наиболее важных из них.

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на III сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (принят на конференции в Женеве 19.12.1966 г.); Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудни-

честве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора (Париж, 27.05.1997 г.) — это международные правовые акты, которые содержат нормы международного права, определяющие правовые основания ограничения прав и свобод граждан и рамки применения насильственных действий по отношению к ним. Отличительной особенностью подобных актов является безусловность и императивный характер положений, регулирующих защиту прав и свобод человека и гражданина, обязательность их выполнения органами государственной власти Российской Федерации в различных условиях обстановки. Мировое сообщество не только допускает ограничение прав и свобод граждан при определенных обстоятельствах, но и в ряде правовых актов прямо указывает, хотя и строго регулирует допустимость таких случаев, на возможность применения мер принуждения и насилия в отношении лиц, нарушающих общественный порядок и безопасность.

2. Международно-правовая основа противодействия терроризму состоит из 12 универсальных конвенций ООН по вопросам борьбы с терроризмом, отдельных региональных соглашений в рамках Совета Европы, Шанхайской организации сотрудничества и Содружества Независимых Государств, а также двусторонних соглашений Российской Федерации с рядом иностранных государств по борьбе с терроризмом, организованной преступностью, о недопущении отмывания денежных средств и финансирования терроризма [4]. Особое место отведено международно-правовым документам, в которых закреплены вопросы предупреждения и пресечения террористических актов, прописано право государств применять меры пресечения данных преступлений [1].

Одним из основных аспектов противодействия терроризму является его предупреждение. Данный фактор можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, одной из важнейших задач государства выступает повышение эффективности в борьбе с терроризмом. А во-вторых, предупреждение терроризма представляет собой комплекс мер, различного характера: от политического до социального и юридического, направленных на: противодействие возникновению террористических группировок, предотвращение совершения террористических актов, на минимизацию последствий данных преступлений. Основной целью, всех этих мероприятий, является всестороннее обеспечение безопасности общества, населения и интересов государства. Поэтому противодействие терроризму является важнейшим направлением деятельности всей системы правоохранительных органов и спецслужб. В результате слаженной и профессиональной работы субъектов по противодействию терроризму, в последнее время, удалось предотвратить ряд запланированных на территории Российской Федерации террористических актов.

Противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

1. обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2. законность;

3. приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;

4. неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;

5. системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;

6. сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму;

7. приоритет мер предупреждения терроризма;

8. единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;

9. сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму;

10. конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников;

11. недопустимость политических уступок террористам;

12. минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма;

13. соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности [3].

Анализ нормативной базы показывает, что субъектами противодействия терроризму являются уполномоченные органы государственной власти и органы местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию терроризму, негосударственные организации и объединения

В ходе совершенствования методов государственного управления в сфере противодействия терроризму в Российской Федерации был образован Национальный антитеррористический комитет. Чтобы скоординировать деятельность территориальных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления по профилактике терроризма были созданы дополнительные антитеррористические комиссии, а также федеральный оперативный штаб и оперативные штабы в субъектах РФ.

В течение последних лет, особое место в государственной системе борьбы с терроризмом принадлежало внутренним войскам МВД России, в настоящее время войскам национальной гвардии России. Указом президента № 157 «Вопросы национальной гвардии Российской Федерации» от 05.04.2016 года были возложены задачи по участию в борьбе с экстремизмом, а также с терроризмом [2]. Для создания эффективных механизмов предупреждения межнациональных конфликтов необходимо продолжать диалог правоохранительных органов с представителями национальных диаспор, молодежных и обще-

ственных организаций, принимать меры по усилению оперативных позиций в этой среде. На постоянной основе, силами правоохранительных органов, проводится мониторинг состояния защищенности объектов особой важности, повышенной опасности и жизнеобеспечения, которые включены в перечни, утвержденные антитеррористическими комиссиями субъектов Российской Федерации.

Литература:

1. Международная конвенция Генеральной Ассамблеи ООН о борьбе с захватом заложников 1979 г. // URL: www.un.org
2. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента РФ от 5.04.2016 г. № 157 // Российская газета. — 2016. — 7 апреля.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).
4. Горбунов, Ю. Закон против террора. Формируется национальная правовая система противодействия терроризму // Российская газета. — 2006 г. — 9 августа.
5. Снигирев, А.Л. Правовое воспитание как фактор формирования правовой культуры выпускников вузов внутренних войск МВД России // Правовое и духовно-нравственное воспитание российского офицерства: материалы Всероссийской научно-практич. конф. с международным участием / под общей редакцией Р.А. Ромашова. — Самара, 2015. — с. 265–270.)

Проблемы противодействия коррупции в России

Хечиев Бата Баатрович, магистрант

Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье автором рассматривается коррупционная обстановка в современной России и наиболее распространенные виды коррупции, а также изучены масштабы распространения и предложены меры борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: Россия, коррупция, борьба с коррупцией

Данная тема исследования является особенно актуальной по причине того, что в Российской Федерации практически отсутствуют сферы социальной жизни общества, которые не были поражены коррупцией. По данным приведенным ВЦИОМ, к наиболее коррупционным сферам россияне относят: ГИБДД — 32%, сферу медицины — 21%, полицию — 21%, судебную систему — 20%, ЖКХ — 19%. С коррупциогенной обстановкой в приведенных выше сферах граждане сталкиваются в ходе своего непосредственного взаимодействия в повседневной жизни, и приведенные данные являются свидетельством о том, что гражданам достаточно часто приходится сталкиваться с «бытовыми» проявлениями коррупции [1. с. 180].

Рассматривая динамику наиболее распространенных видов преступлений коррупционной направленности (дача взятки и получение взятки), можно сделать вывод, что начиная с 2011 г. в динамике числа выявленных фактов получения взятки наблюдается устойчивая тенденция равномерного незначительного снижения. Со второго по-

В заключении хотелось бы отметить, что для эффективного противодействия терроризму необходимо наладить системный подход по организации предупредительных мер. Также необходимо помнить, что борьба с таким серьезным врагом требует комплексного подхода, включающего в себя не только правового характера, но и меры политического, экономического и социального воздействия.

лугодия 2015 г. данная тенденция изменилась на противоположную — равномерный незначительный рост. В 2015 г. в стране выявлено на 5,2%, или 454 факта, больше, чем в 2014 г. (6399 фактов против 5945).

В динамике числа выявленных фактов дачи взятки с 2013 г. наблюдается устойчивая тенденция роста этого показателя, и в 2015 г. число зарегистрированных фактов дачи взятки (6771) превысило число зарегистрированных фактов получения взятки (6399).

На рис. 2 приведен график динамики ежемесячного числа выявленных фактов получения взятки в Российской Федерации в 2008–2015 гг. Из рисунка видно, что часто максимальные значения числа выявленных фактов получения взятки наблюдаются в конце кварталов — марте, июне и сентябре.

Анализ статданных свидетельствует о сложившейся практике работы правоохранительных органов для обеспечения в первую очередь «хороших» показателей работы в отчетном периоде. Прокуроры регулярно сталкиваются с ситуациями, когда выявленные коррупционные

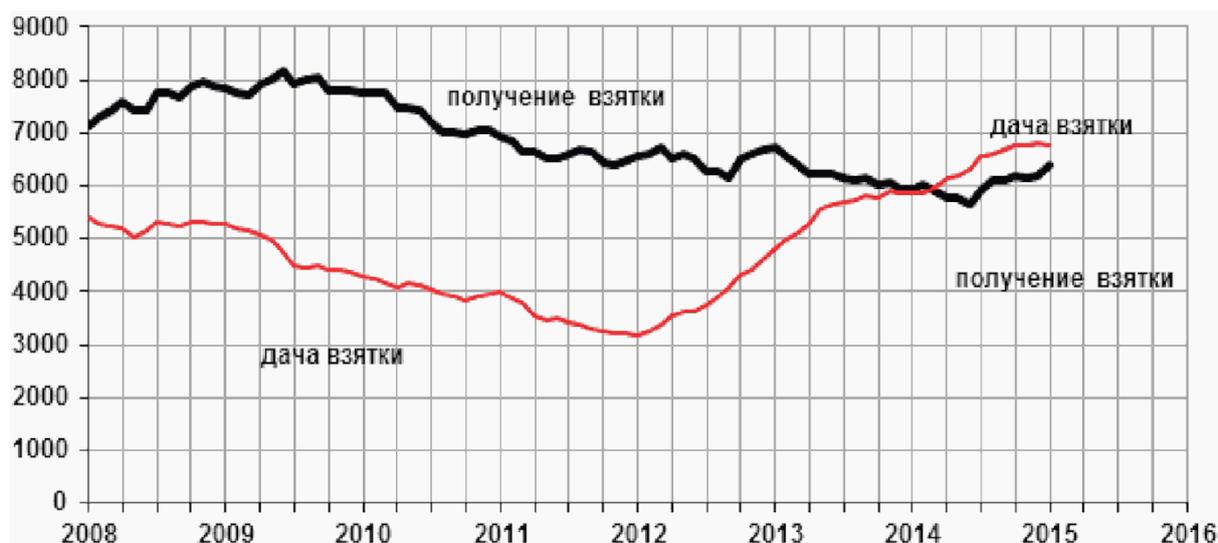

Рис. 1. Динамика числа выявленных фактов получения и дачи взятки. Российская Федерация. 2008–2015 гг. [2, С. 41]

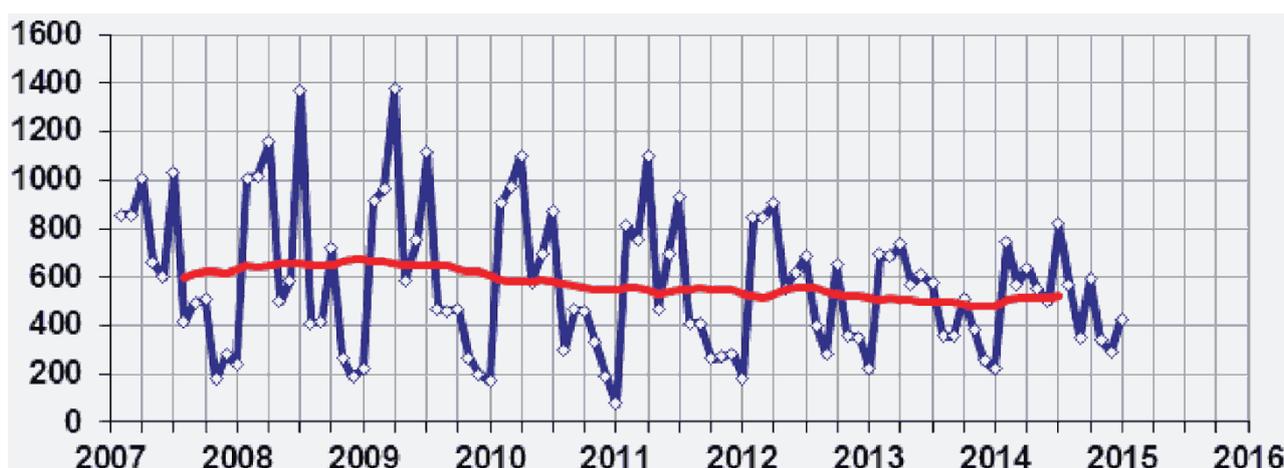

Рис. 2. Динамика ежемесячного числа выявленных фактов получения взятки. Российская Федерация. 2008–2015 гг. [2, С.42]

преступления не ставятся своевременно на учет при наличии необходимых показателей в отчетном периоде, а переносятся на следующий квартал (год).

Отчасти следствием такого подхода явился резкий рост привлеченных к уголовной ответственности взяточдателей.

Итак, масштабы коррупционной преступности делает особенно актуальной вопрос совершенствования мер противодействия ей. В качестве меры борьбы с коррупцией можно предложить следующие:

1) обеспечение прозрачности деятельности государственных и муниципальных служащих путем создания Реестра доходов, доступный для ознакомления обществом;

2) разработка принципов этического поведения государственных и муниципальных служащих и создание системы контроля за их соблюдением;

3) ужесточение уголовного наказания за совершение коррупционных преступлений;

4) поощрение лиц, сообщающих о факте коррупционного преступления и оказывающих содействие борьбе с преступлениями;

5) защита лиц, сообщающих о факте коррупционного преступления.

Однако в настоящее время требования универсальной Конвенции ООН об обеспечении защиты лиц, сообщающих информацию о коррупционных правонарушениях, не в полной мере учтены в законодательстве Российской Федерации. Основные проблемы в данном вопросе заключаются в следующем:

— ограничение круга лиц, которым предоставляется защита. Защита предоставляется только государственным и муниципальным служащим.

— ограничение круга лиц, обязанных сообщить о факте коррупционного преступления.

Одной из мер, существующих с 2008 года является антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов. Она призвана стать одной из основных мер по профилактике коррупции. Правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения установлены Федеральным законом от 17.07.2009 N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых

актов и проектов нормативных правовых актов» [4]. Этот Закон устанавливает порядок проведения антикоррупционной экспертизы.

Антикоррупционная экспертиза — это вид правовой экспертизы, которая проводится с узкой специальной задачей по выявлению и описанию коррупциогенных факторов, относящихся к действующим правовым актам и их проектам; разработке рекомендаций, направленных на устранение или ограничение действия таких факторов. По ее результатам составляется самостоятельное экспертное заключение на предмет наличия коррупциогенных факторов.

Литература:

1. Гладких, В. И. Противодействие коррупции на государственной службе. М.: Юрлитинформ, 2014. с. 180
2. Евланова, О. А., Илий С. К., Коимшили Г. Ф., Красникова Е. В., Щекк Е. А. Состояние коррупционной преступности в Российской Федерации в 2015 г. // Безопасность бизнеса. 2016. № 3. с. 40–50.
3. Федеральный закон РФ от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. N 52 (ч. 1), ст. 6228; 2016. N 27 (Часть I), ст. 4169.
4. Федеральный закон от 17.07.2009 N 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609; 2013. № 43. Ст. 5449.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

О непосредственном объекте принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ)

Бастрыгин Анатолий Александрович, магистрант
Национальный исследовательский Томский государственный университет

С переходом к рыночной модели экономики, который произошёл в 90-тых годах XX века, большое значение приобрело создание новой нормативной базы, регулирующей отношения по обмену, производству и распределению, в новых непривычных для нашего государства условиях. Важнейшим атрибутом рыночной экономики являются конституционный принцип свободы экономической деятельности и гражданско-правовой принцип свободы договора, полная реализация которых, без нормы, устанавливающей ответственность за принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения невозможна.

Однако на сегодняшний день эффективность нормы предусмотренной ст. 179 УК РФ крайне низка. Это выражается в крайне редком применении данной нормы на практике, несмотря на широкое распространение таких деяний в действительности. При этом количество зарегистрированных преступлений продолжает уменьшаться. Такое положение дел в немалой степени обусловлено отсутствием достаточной теоретической разработки данной темы.

В данной статье мы постараемся рассмотреть основные проблемы, связанные с объектом принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения.

Под непосредственным объектом преступления в теории уголовного права понимаются общественные отношения, которым в результате совершения определённого преступления причиняется вред.

Начнём исследование основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ. А. В. Бриллиантов под ним понимает установленный порядок заключения сделок [1].

В.И. Гладких свободу в заключении сделок гражданами в сфере экономической деятельности [2].

Как следует из названия данного состава и из приведённых выше позиций основной непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ связан с понятием сделки. Несмотря на многоаспектность понятия сделки, видится разумным использовать легальное определение, содержащееся в ст. 153 ГК РФ. Так ими признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сущность сделки составляет

волеизъявление субъекта, имеющее своей основой его волю. Воля есть процесс психического регулирования поведения субъектов, а волеизъявление — выражение воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию других лиц [3, с. 154]. Именно на данные элементы сделки и воздействует преступник, совершая принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения, т. е. преступное воздействие, направлено на то, чтобы волеизъявление потерпевшего не соответствовало его воле по поводу заключения сделки или отказу от неё. При этом следует заметить, что данным составом охраняются не все общественные отношения, а только охраняемые государством и урегулированные правовыми нормами, так как в противном случае можно говорить о применении данного состава к сделкам, связанным с продажей оружия и иных вещей, запрещённых в обороте иным незаконным сделкам.

В литературе достаточно распространена позиция, что данное преступление посягает на отношения добросовестной конкуренции [4, с. 11]. Однако, признать эти отношения непосредственным объектом принуждения к совершению сделки или отказу от её совершения нельзя, поскольку данный состав обеспечивает уголовно-правовую охрану свободы не только предпринимательских сделок, но и сделок без намерения извлечения выгоды, а также разовых сделок. В таком случае на первый взгляд верным кажется признать непосредственным объектом свободу экономической деятельности, однако, такое определение непосредственного объекта является слишком широким и выходит далеко за границы действия рассматриваемого состава. В юридической литературе отмечается, что свобода экономической деятельности включает в себя ряд следующих взаимосвязанных элементов: равенство участников экономических отношений; свободу выбора вида экономической деятельности и беспрепятственного его осуществления; свободу выбора и равенство организационно-правовых форм экономической деятельности; свободу договоров и иных сделок; защиту от необоснованной конкуренции и монополистических действий [5, с. 157]. Общественно опасная сущность рассматриваемого нами преступления, как следует из его названия и диспозиции, заключается лишь в посягательстве

на свободу сделок и соответственно договоров, которые являются их разновидностью. Однако свобода договора согласно ст. 421 ГК РФ складывается из нескольких элементов таких как:

— свобода в заключении договоров, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена ГК РФ или добровольно принятым обязательством.

— возможность заключать любые договоры, как предусмотренные, так и не предусмотренные законом или иными правовыми актами.

— возможность сторон определять условия договора по своему усмотрению, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами.

Кроме того, законодательством предусмотрен ряд случаев, когда заключение договора является обязательным для одной из сторон. Например, согласно ст. 429 ГК РФ «сторона заключившая предварительный договор, не вправе уклониться от заключения основного договора» в соответствии с ст. 426 ГК РФ «коммерческая организация не может отказаться от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить работы». В таких случаях, когда принуждение осуществляется в отношении стороны обязанной заключить договор, деяние не будет образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ. В данном случае ответственность может наступить по составам, предусматривающим преступления против личности.

С учётом сказанного можно сделать вывод, что основным непосредственным объектом принуждения к совершению сделки или отказу от её совершения являются отношения, обеспечивающие свободу волеизъявления граждан при совершении действий, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в сфере экономической деятельности, если совершение таких действий не является обязательным для сторон в силу закона или взятых на себя обязательств.

Однако применительно к двухобъектным преступлениям, наряду с непосредственным объектом в доктрине принято выделять дополнительный объект преступления, который, в свою очередь, может быть обязательным или факультативным.

К числу преступлений, посягающих на два объекта, относится, в том числе, и принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения. Точка зрения о том, что преступление, предусмотренное ст. 179 УК РФ, имеет дополнительный непосредственный объект, является общепризнанной в доктрине уголовного права. Однако при этом имеются некоторые разногласия в трактовке содержания дополнительного объекта принуждения к совершению сделки или отказу от её совершения.

Н.А. Лопашенко, считает, что принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения «может факультативно причинить вред личности, собственности и другим правоохраняемым интересам» [6, с. 154].

Г.А. Русанов под факультативным непосредственным объектом рассматриваемого нами преступления понимает «общественные отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье человека» [7, с. 84].

По мнению Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова «содержание дополнительного непосредственного объекта рассматриваемого преступления составляют общественные отношения, обеспечивающие:

а. личные ценности в виде безопасности здоровья или телесной неприкосновенности;

б. право собственности; в) иные права и законные интересы граждан. В число последней разновидности общественных отношений, составляющих содержание дополнительного непосредственного объекта рассматриваемого преступления, входят отношения, обеспечивающие, в частности, иные конституционные права (право на неприкосновенность жилища, личную и семейную тайны, избирательное право и др.) и интересы граждан, основанные на законе или не противоречащие ему» [8, с. 174–175].

Для того чтобы разобраться в данном вопросе необходимо обратиться к диспозиции данного состава. Итак, согласно ст. 179 УК РФ принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения может быть осуществлено посредством:

а. угрозы применения насилия или применением насилия;

б. угрозы уничтожения или повреждения чужого имущества;

в. угрозы распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

В случае угрозы применения насилия объектом посяательства становятся общественные отношения по реализации права потерпевшего на физическую неприкосновенность, так как угроза применения физического насилия или применение физического насилия (п. б ч. 2 ст. 179 УК РФ) ставит под угрозу здоровье человека или наносит ему вред.

Если же принуждение осуществляется посредством угрозы уничтожения или повреждения чужого имущества, под угрозу ставятся имущественные права потерпевшего, поэтому дополнительным непосредственным объектом преступления будут выступать общественные отношения связанные с реализацией права собственности и других вещных прав конкретным потерпевшим.

Когда способом принуждения к совершению сделки выступает угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, объектом будут являться абсолютные личные неимущественные общественные отношения, которые будут различаться в зависимости от способа шантажа. Так если потерпевшему угрожают распространением сведений, имеющих клеветнический характер, объектом будут являться общественные отношения, связанные с реализацией права на честь, достоинство и деловую репутацию. При угрозе разглашения сведений, составляющих личную или семейную

тайну, дополнительным непосредственным объектом будут, является общественные отношения, связанные с реализацией права на неприкосновенность частной жизни; в случае угрозы разглашения коммерческой, налоговой или банковской тайны вред будет причинён отношениям добросовестной конкуренции.

Кроме того, следует отметить, что все названные угрозы в равной степени могут быть адресованы как непосредственно потерпевшему, так и его близким.

Литература:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный). Том 2 / под ред. Бриллиантова А. В. — Электрон. версия. — Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гладких, В. И. Некоторые проблемы квалификации принуждения к совершению сделки или отказу от её совершения // Безопасность бизнеса. — 2014. — № 2. — Электрон. версия печат. публ. — Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Гражданское право Общая часть: учебник в 4 т. Том 1 / отв. ред. Суханов Е. А. — 3-е изд., перераб и доп. — М.: Волтерс Клувер — 2008. 720 с.
4. Минская, В. С. Уголовная ответственность за принуждение совершению сделки или отказу от её совершения. Научно-практическое пособие. — М.: Статут, 2004. — 264 с.
5. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М. В. Баглай — 10-е изд., изм. и доп. — М.: Инфра-М, 2013. — 783 с.
6. Лопашенко, Н. А. Посягательства на собственность: монография. — М.: Норма, 2012. — 528 с.
7. Русанов, Г. А. Преступления в сфере экономической деятельности. — М.: Проспект, 2014. — 264 с.
8. Гаухман, Л. Д., Максимов С. В. Преступления в сфере экономической деятельности. — М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1998. — 296 с.

Ввиду сказанного дополнительный непосредственные объект принуждения к совершению сделки или отказу от её совершения можно определить, как общественные отношения связанные с реализацией права на личную неприкосновенность, права собственности, других вещных прав и ряда абсолютных личных неимущественных прав, нарушение которых может причинить вред потерпевшему или его близким.

Типичные основания пересмотра приговоров, вынесенных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, используемые в апелляционных представлениях государственных обвинителей

Бутрим Евгения Игоревна, магистрант

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Уникальность института суда присяжных и механизма его функционирования в уголовном процессе обуславливают особые основания апелляционного пересмотра судебных решений, вынесенных судом на основании вердикта присяжных заседателей. Некоторые авторы даже полагают, что в российской судебной практике сложилась особая «модель» апелляционного обжалования приговоров, постановленных судом с участием коллегии присяжных [14].

В частности, в данной форме судопроизводства предполагается, что разрешение вопросов факта остается в рамках компетенции присяжных заседателей. При этом сама суть их вердикта, представляющего собой ответы на перечень поставленных вопросов, содержащие лишь выводы коллегии присяжных без приведения доводов, которые обосновывали бы их позицию (поскольку мотивировка приговора в целом ложится на плечи суда), исключают возможность его проверки по фактическим ос-

нованиям и, как следствие, возможность отмены или изменения вынесенного на основе такого вердикта решения ввиду несоответствия изложенных в приговоре выводов фактическим обстоятельствам уголовного дела (т. е. по п. 1 ст. 389.15 УПК).

Исходя из этого (что также подтверждается правовыми позициями Конституционного [1] и Верховного Суда РФ [2, п. 14]), законодатель ограничил круг оснований, по которым возможны отмена или изменение постановленного на основе вердикта присяжных заседателей приговора. Статья 389.27 УПК РФ предполагает возможность обжалования в апелляционном порядке судебных решений, вынесенных с участием присяжных заседателей, лишь с точки зрения правильности применения норм (п. 2–4 ст. 389.15 УПК).

Из существенных нарушений уголовно-процессуального закона, перечисленных в ст. 389.17 УПК, в данном случае интерес представляют такие, как вынесение вер-

дикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей (п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ) и нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта (п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ).

В соответствии с ч. 1.1 ст. 389.22 УПК РФ обвинительный приговор, который был постановлен на основании вердикта присяжных заседателей, но противоречит ему, в случае таких нарушений УПК или УК, которые невозможно устранить в суде апелляционной инстанции, подлежит отмене с передачей уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, постановивший приговор, но иным составом суда с момента, следующего за провозглашением вердикта присяжных заседателей. В этом, как считают некоторые правоведы, заключается преимущество решения законодателя о пересмотре приговоров, постановленных с участием присяжных заседателей, в апелляционном порядке, а не в кассационном [13].

Основаниями к отмене оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, могут послужить существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего, его представителей на представление доказательств либо повлияли на содержание вопросного листа или на содержание данных присяжными заседателями ответов.

Кроме того, оправдательный приговор, постановленный на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, должен быть отменен, если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на, собственно, его неопределенность и противоречивость, и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист (ч. 1, 2 ст. 389.25 УПК РФ). И уже руководствуясь нормами ст. 389.25 УПК РФ, суд апелляционной инстанции вправе привести в соответствие с вердиктом коллегии присяжных заседателей приговор, противоречащий вердикту.

На основе анализа сложившейся судебной практики можно выделить наиболее распространенные нарушения, указываемые государственными обвинителями в апелляционных представлениях, как основания для отмены или изменения приговора:

— вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей (имелись нарушения в ходе процедуры отбора).

Одним из примеров попытки государственного обвинителя апеллировать к данному основанию отмены приговора является рассмотрение в Верховном Суде представления прокурора Республики Татарстан на приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 14 ноября 2016 г., постановленный с участием присяжных заседателей. В представлении утверждалось, что некоторыми кандидатами в присяжные заседатели были скрыты сведения о том, что они знакомы либо состоят в родственных связях с ранее судимыми лицами, а также о фактах совершения ими

административных правонарушений. Но в ходе изучения материалов уголовного дела выяснилось, что одно из лиц, о котором было упомянуто в представлении, было освобождено от уголовной ответственности за совершенное в состоянии невменяемости деяние, у второго лица не было именно *близких* родственников или знакомых, привлеченных к ответственности, а вопрос о совершении кандидатами административных правонарушений вообще не был задан в ходе процедуры отбора, поэтому данный довод стороны обвинения не был принят во внимание апелляционной инстанции [12].

В судебном заседании по уголовному делу в отношении Н., как указывается в апелляционном представлении, судья принял решение об отстранении присяжного заседателя В., не вернувшегося после перерыва и о замене его запасным присяжным заседателем А.; при этом председательствующий не выяснил, почему В. не явился в судебное заседание и не предоставил сторонам возможности заявить отвод А. При этом изначально, при отборе коллегии присяжных заседателей, кандидат А. заявлял самоотвод, но он не был удовлетворен судьей. Приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 5 марта 2013 года был отменен и направлен на новое судебное рассмотрение, однако не по этому основанию; при этом в мотивировочной части определения Верховного Суда содержится фраза «...сторонами не был заявлен отвод присяжному заседателю [А.]», хотя сторонам, по их утверждению даже не дали возможности этого сделать [3].

— оглашение судом сведений о ходе и порядке проведения следственных действий.

В апелляционном представлении на приговор Приморского краевого суда с участием присяжных заседателей от 10 декабря 2015 года прокурор утверждал, что суд сообщил присяжным заседателям о том, что сторона обвинения выборочно протоколы допросов К. и К., что относится к сведениям о проведении следственных действий, однако Верховный Суд, рассмотрев этот и иные доводы обвинителя, не выявил в приговоре нарушений уголовно-процессуального закона и оставил приговор без изменения [8].

— отказ в удовлетворении ходатайств прокурора, связанных с представлением доказательств, которые могли изменить точку зрения присяжных заседателей;

К примеру, при рассмотрении Курганским областным судом уголовного дела в отношении К., В., Д. и М. от 23 марта 2016 года наряду с иными нарушениями законодательства судом было необоснованно отказано в ходатайствах обвинителя об оказании содействия в принудительном приводе потерпевшей М. а также об оглашении ее показаний [7].

— нарушение стороной защиты порядка проведения судебного разбирательства с участием присяжных;

В частности, в апелляционном представлении на приговор Верховного Суда Республики Тыва с участием присяжных заседателей от 6 октября 2016 года в отношении С. и М. государственные обвинители указали на тот факт,

что стороной защиты неоднократно «высказывались суждения относительно недопустимости доказательств». Так, сообщая о том, что после совершения преступления были задержаны свидетели, защитник упомянул, что «когда человек допрашивается, у него нет выбора, он сидит со следователем, который имеет властные полномочия...», и даже после принятых судом мер реагирования на подобные нарушения, продолжил подобные высказывания [11].

В ином апелляционном представлении, на этот раз на приговор Верховного Суда Удмуртской Республики от 12 октября 2015 года, государственный обвинитель отсылала к тому, что ей приходилось неоднократно заявлять ходатайство о снятии множественных вопросов защиты об обстоятельствах, непосредственно не относящихся к делу, к свидетелям, что затягивало процесс и затрудняло восприятие присяжных; кроме того, не все из данных ходатайств были удовлетворены, в результате чего до присяжных была доведена информация, о которой они согласно нормам УПК не были должны были иметь представления [6]. К тому же председательствующий не прервал допрос и не разъяснил присяжным показания свидетеля защиты М., заявлявшего, что сторона обвинения «знает всю правду» и устроила ему встречу с представителем потерпевшего, который «давил» на свидетеля. Однако, основываясь на материалах дела, Верховный Суд счел данные доводы неподтвержденными, поскольку государственным обвинителем не были заявлены какие-либо возражения по этому поводу и не высказаны замечания в ходе процесса в суде первой инстанции, и апелляционная инстанция оставила приговор без изменений.

Оправдательный приговор Новгородского областного суда от 22.08.2016 года в отношении К. был отменен Верховным Судом РФ, поскольку при рассмотрении дела в суде первой инстанции адвокатом и подсудимым, как отмечал обвинитель, неоднократно производилось психологическое воздействие на коллегия присяжных: так, среди прочего, защитник Д. заявляла о том, что у нее якобы имеются полные данные о присяжных заседателях, включая адреса и телефоны, и пыталась производить видеосъемку, подсудимый К. же доводил до присяжных информацию о неудовлетворительном состоянии своего здоровья и здоровья членов его семьи, о превышении полномочий сотрудниками Следственного Комитета, и даже пытался в заседании резать себе вены [9].

— нарушение порядка совещания присяжных.

Так, основанием для отмены приговора Верховного Суда Чеченской Республики стало отмеченное прокурором нарушение ч. 1 ст. 343 УПК РФ — присяжные находились в совещательной комнате в общей сложности менее 3 часов, и тем не менее не пришли к единодушному решению по ряду поставленных перед ними вопросов, и вердикт был вынесен путем голосования, тогда как необходимо было перед началом голосования дождаться истечения положенных на обсуждение трех часов [4].

— нарушение положений УПК РФ при формулировке вопросов в вопросном листе.

В уже рассматривавшемся в этой работе апелляционном определении на приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) приводится довод государственного обвинителя, который ссылается на «неточные» формулировки вопросов из листа, носящих слишком «юридический характер» [3]. К сожалению, не имея доступа к тексту апелляционного представления, сложно точно определить, что обвинитель имел в виду, но по дальнейшему содержанию апелляционного определения можно предположить, что речь шла о вопросах о состоянии аффекта.

В апелляционном представлении на приговор Алтайского краевого суда с участием присяжных заседателей от 24 октября 2014 года делался в том числе акцент и на то, что в вопросах, поставленных перед присяжными, были использованы формулировки «структурное подразделение», «преступное сообщество», что для объективного и справедливого ответа потребовало бы от них, по мнению обвинителя, юридических знаний. Однако Верховный Суд установил, что ответ на вопросы с использованием подобных формулировок «...не требовал от коллегии присяжных заседателей юридической оценки обстоятельств дела» [5].

— противоречивость вердикта присяжных.

Ещё одним из нарушений при вынесении приговора Верховным Судом Республики Тыва (от 06.10.2016, упомянутого ранее), на которое указали прокуроры, была противоречивость ответов присяжных: на 2 вопрос о том, совершал ли С. действия, направленные на лишение жизни Ч., в которых принял участие и подсудимый М., присяжные ответили «Да», тогда как на схожий 9 вопрос, относившийся к описанию тех же действий, но уже со стороны М., присяжные ответили «Нет» [11]. Этот довод, наряду с некоторыми другими, послужил основанием для отмены приговора и направления дела на новое судебное разбирательство.

В вердикте присяжных, который взял за основу судья Санкт-Петербургского городского суда в приговоре от 22 июля 2016 года на вопрос № 5, где отмечается, что подсудимый К. прибыл в квартиру потерпевшей Г. и лишил ее жизни при обстоятельствах, указанных в вопросе № 1, присяжные заседатели дали ответ: «Нет, не доказано», при этом на вопрос № 8, в котором присяжных предлагается определить доказанность того факта, что он прибыл в квартиру Г. и произвел из пистолета 3 выстрела в нее (на что было также указано в вопросе № 1), присяжные заседатели дали ответ: «Да, виновен». Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор на основании апелляционного представления, в котором было приведено в числе прочего вышеуказанное нарушение [10].

Приведенная судебная практика может послужить в числе прочего примером для государственных обвинителей и указать им на те моменты, которые в ходе процесса с участием присяжных заседателей заслуживают особого внимания — в особенности, возможные нару-

шения закона в действиях председательствующего и стороны защиты; и учитывая тот факт, что с июня 2018 г. коллегии присяжных появятся и в районных судах, изучение

подобных судебных решений и апелляционных представлений будет крайне необходимо государственным обвинителям в прокуратурах районов (городов).

Литература:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1052-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирошниченко В. И. на нарушение конституционных прав частью второй статьи 379 Уголовно-процессуального кодекса РФ».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2012. № 283.
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30.05.2013 № 74-АПУ13—7сп.
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.01.2014 № 23-АПУ13—11сп.
5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.04.2015 № 51-АПУ15—12СП.
6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.03.2016 № 43-АПУ16—3сп.
7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24.08.2016 N 82-АПУ16—8СП.
8. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.10.2016 № 56-АПУ16—19СП.
9. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20.12.2016 № 84-АПУ16—13сп.
10. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 78-АПУ16—30СП.
11. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.12.2016 № 92-АПУ16—13сп.
12. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.02.2017 № 11-АПУ17—2СП.
13. Трухин, С. А. Апелляционный пересмотр приговора, противоречащего вердикту присяжных // «Российская юстиция». 2015. № 6.
14. Шарапова, Д. В. Основания апелляционного обжалования приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей // «Актуальные проблемы российского права». 2014. № 10 (47).

Системный подход как метод исследования преступлений против военной службы

Данилов Петр Сергеевич, аспирант

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Статья посвящена проблеме применения системного подхода к изучению преступлений против военной службы. Делается вывод о возможности использования системного подхода в целях исследования преступлений против военной службы, однако при одновременном применении иных методов исследования.

Ключевые слова: системный подход, система, окружающая среда, подсистема, суперсистема, элемент, преступления, преступления против военной службы

В настоящее время уже ни для кого не секрет, что все окружающие человека явления представляют собой некие системы, особые совокупности элементов, но не случайные или бессвязные множественности. Поэтому современная наука всецело прибегает к использованию системной методологии.

Системный подход является направлением познания, в основе которого лежит утверждение о том, что все явления представляют собой системы [15, с. 558—559]. Но системный подход не ограничивается этим, а требует от ученого сосредоточения внимания на внутреннем строении системы, связях между элементами, отклике на внешние воздействия со стороны окружающей среды, поиске возможностей целе-

направленного влияния на систему, чтобы ее свойства изменялись в необходимом направлении и др. [8, с. 14—15].

И. В. Блауберг отмечает, что системный подход базируется на определенных принципах:

- 1) система есть целостное образование;
- 2) целостность системы проявляется сквозь призму системообразующих связей;
- 3) система упорядочена через структуру и организацию;
- 4) структура характеризуется по «горизонтали» и по «вертикали»;
- 5) специфическим способом регулирования иерархией системы является управление системой;

- 6) система имеет цели своего функционирования;
- 7) источники преобразования системы лежат внутри ее самой, другими словами, она самодостаточна;
- 8) системы функционируют и развиваются [4, с. 107–110].

Также И.В. Блауберг указывает, что для системы важны связи и отношения между элементами; системный подход позволяет говорить о суперсистеме, которая включает в себя исследуемую систему; любая система является целым, то есть конкретным объектом, обладающим интегративными или эмерджентными свойствами, означающими, что она есть не просто сумма частей и обладает свойством, не вытекающим из свойств элементов [4, с. 94, 150, 240].

Кроме того, у системы есть свойство гомеостаза или способность «приспосабливаться к окружающим условиям, сохраняя в неизменной форме основные свои институты и характеристики» [13, с. 129]. И.М. Клейменов также отмечает существование аттрактора, когда элементы любой системы волей или неволей смещаются в определенном направлении [11, с. 115–116].

Помимо этого, интерес представляет высказывание И.В. Дмитриевской о том, что любую систему можно превратить в некую абстракцию для ее изучения. При этом полученное «знание-абстракция» будет в «снятом» виде содержать утраченные элементы [10, с. 170]. Другими словами, целостная система представляет собой такой объект, который в определенный момент времени может не включать в себя отдельных элементов, однако при внешнем воздействии вернет их в свой состав, так как имеет соответствующий потенциал, что отвечает седьмому принципу, указанному выше.

Исходя из всего сказанного, следует, что системный подход, как особая методология, ориентирует исследователя «пройти» определенные «шаги».

По мнению И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина данный подход предполагает: во-первых, описание элементов системы; во-вторых, изучение элементов системы как носителей разных характеристик; в-третьих, познание условий существования всей системы в целом; в-четвертых, определение закона, согласно которому происходит порождение свойств целого из свойств элементов и наоборот; в-пятых, установление целей функционирования системы; в-шестых, нахождение того, как проявляет себя самоорганизация системы [16, с. 16–17].

Можно согласиться с Линном М. ЛоПаки, который предлагает следующие методы исследования систем: 1) идентифицировать систему и отграничить ее от окружающей среды; 2) приписать цели системе; 3) определить структуру и функции системы; 4) охарактеризовать или описать взаимоотношения между элементами системы; 5) узнать противоречия между целями и функциями системы [2, р. 497–509].

В свою очередь, С.П. Нарыкова справедливо считает, что при этом требуется раскрыть интегративные качества системы, образованные в результате взаимодействия

ее частей; выделить элементный состав системы; установить взаимосвязь между частями системы и средой ее существования; проследить историю и перспективы исследуемого объекта [13, с. 128].

Таким образом, системный подход — это общенаучный метод исследования, предполагающий изучение какого-либо объекта в качестве системы, что предусматривает определенный минимальный «путь», который должен «пройти» ученый: найти систему и ее подсистемы и элементы; охарактеризовать взаимоотношения ее составляющих или свойства, которым отвечают ее части; отыскать ее суперсистему; понять отношение системы с ее окружающей средой; проанализировать цели функционирования системы; распознать аттрактор системы; рассмотреть историю системы; спрогнозировать эволюцию системы или предложить возможные варианты ее изменения.

Системный подход тесно связан с понятием системы и позволяет его определить.

На сегодняшний день существует множество представлений о понятии системы, при этом большинство мнений согласуются с греческой этимологией слова «система», которое в переводе означает «составление» [22, с. 628].

На наш взгляд, можно выделить несколько подходов к определению данного понятия. Во-первых, под системой понимают определенный комплекс взаимодействующих элементов (Л. фон Берталанфи) [1, р. 55]. Во-вторых, ее определяют как множество элементов, между которыми существует какое-либо конкретное отношение (И.В. Дмитриевская, В.П. Таратута, А.И. Уемов) [10, с. 160; 19, с. 64–65; 21, с. 120–121]. В-третьих, некоторые авторы считают, что система суть единая целостная совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом (М.А. Горбатова, Линн М. ЛоПаки, Н.Л. Романова и др.) [2, р. 482; 9, с. 20; 15, с. 552; 17, с. 99]. В-четвертых, можно встретить мнение, что система является совокупностью взаимосвязанных элементов, в которой изменение одного затрагивает остальные элементы, либо совокупность элементов, организованную для определенной цели и по отношению к внешней окружающей среде (Дэвид Джери, Джулия Джери) [6, с. 203]. В-пятых, систему определяют как абстрагированную идеальную модель, не имеющую всеобщей дефиниции (С.П. Нарыкова, В.Н. Садовский) [13, с. 59; 18, с. 87].

Представляется, что все их указанных позиций являются верными в той части, что отражают качественные стороны любой системы, но они фрагментарны и делают упор на отдельные признаки, упуская другие, а также в полной мере не соотносятся с методологией системного подхода. Например, первый и второй подходы не учитывают внутренних интегративных свойств системы, а вместе с третьим — ее связей с внешней средой. Четвертый подход, как и предыдущие, не содержит указания на то, что элементы системы сосуществуют в строгом иерархическом порядке. Однако, любопытно мнение об абстрактности системы: оно хоть и не раскрывает всех ее признаков, од-

нако не акцентирует внимание на каком-то одном, а логически требует обратиться к системному подходу.

В итоге, необходимо сказать, что понятие «системы» является ключевым, но оно не должно затмевать собой методы исследования и ограничивать ученого установлением только ее свойств и самих элементов.

Таким образом, систему можно определить как объект, имеющий отношение с окружающей его средой, представляющий собой целостную единую иерархичную совокупность элементов, обладающих системообразующими свойствами или признаками и находящимися между собой в системных связях.

Помимо всего, говоря о системном подходе и соответствующей терминологии применительно к праву, правовому полю, правовым явлениям, необходимо помнить об особенностях исследуемых объектов, не предполагающих не адаптированного использования системной методологии, развившейся на базе несоциальных наук [13, с. 58]. Так, справедлива мысль С. С. Алексеева, что применяться в юриспруденции философские и общенаучные понятия и методы могут только в целях совершенствования правовых конструкций, но не для придания им смысла, влекущего неблагоприятные последствия [3, с. 29–30]. Другими словами, абсолютно неверным будет механически распространять методологию системного подхода в праве. Наконец, необходимо помнить, что в юриспруденции существуют апробированные специальные методы исследования, которые давно применяются. Поэтому, по правильному замечанию С. П. Нарыковой, нельзя преувеличивать значение системного подхода в познании права, который в отдельности отражает лишь часть всех связей и отношений в явлениях [13, с. 54–55, 61].

Следовательно, системный подход как философский и общенаучный метод исследования является применимым при изучении права, а значит, и такой его отрасли, как уголовное право в целом, а также его институтов, в частности, института преступлений против военной службы, но при обязательном учете специально-юридических методов. При этом система данных преступлений должна рассматриваться, как объект, обладающий юридической природой и всеми вытекающими из этого признаками.

В частности, система преступлений против военной службы — это, в первую очередь, система преступлений, а значит, ей свойственны все признаки общественно опасных противоправных виновных деяний. Вместе с тем, любые конкретные преступления могут быть разложены на составы преступлений, предполагающие выделение соответствующих элементов и признаков.

Кроме сказанного, применение системного подхода с неизбежностью ведет к использованию методов классификации и систематизации, позволяющих упорядочить элементы любой системы. Систематизация лежит в основе систематики — науки об упорядочивании множеств объектов, обладающих сущностным сходством [15, с. 557]. Систематика опирается на выделение в системе устойчивых характеристик и требует, чтобы в исследуемом

объекте выделялись единицы, удовлетворяющие определенным требованиям, например, каждые из выделяемых элементов должны занимать единственное место в системе, а их характеристики необходимы и достаточны для отграничения от других элементов системы [5]. Классификация же представляет «такую форму систематизации знания, когда вся область изучаемых объектов представлена в виде системы классов или групп, по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определенных свойствах» [14, с. 255].

В юриспруденции ученые, перенося указанные методы исследования на юридическое поле, классификацию используют, как метод, позволяющий разложить правовое явление на непересекающиеся составляющие, а систематизацию определяют, как целенаправленное упорядочивание действующих правовых норм, проводимое на основании определенных критериев [12, с. 15; 20, с. 147, 150]. То есть классификация возможна по отношению к любым составным явлениям в праве, но систематизация применима только тогда, когда эти самые явления облачаются в форму правовых норм. Тем самым систематизация, как верно отмечает М. И. Веревичева, продолжает собой классификацию [7, с. 65]. При этом нельзя не согласиться с М. А. Гараниной, что систематизация осуществляется исключительно по одному критерию, а иначе нет научной строгости и последовательности [8, с. 20–21]. Так, если любая система в праве может строиться на нескольких критериях, то систематизироваться или упорядочиваться нормы о ней могут только по одному критерию. В частности, если классифицировать преступления против военной службы можно по различным основаниям, то систематизировать — исключительно по признаку объекта этих преступлений, поскольку иное по смыслу построения Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации недопустимо.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, системный подход представляет собой философский и общенаучный метод исследования, позволяющий рассматривать объекты как системы и предполагающий определенный «путь» для исследователя, а именно, обнаружить систему и ее подсистемы и элементы; охарактеризовать взаимоотношения между ее составляющими или свойствами, которым отвечают ее части; отыскать ее суперсистему; понять отношение системы с ее окружающей средой; проанализировать цели системы; распознать аттрактор системы; рассмотреть историю системы; спрогнозировать эволюцию системы. Применение этого подхода ведет к неизбежному использованию методов классификации и систематизации.

Во-вторых, системный подход применим в праве, а значит, к изучению такого института уголовного права, как преступления против военной службы, что позволяет рассматривать данные преступления как систему, но обладающую юридической природой. Поэтому, давая понятие этой системе, следует соблюдать следующие аксиомы: во-первых, преступления против военной службы

обладают абсолютно всеми признаками преступлений; во-вторых, уголовный закон содержит в себе нормы о составах данных преступлений; в-третьих, их составы имеют существенные и несущественные признаки, являющиеся основанием для их включения в уголовный закон и позволяющие их квалифицировать и отграничивать от других.

В-третьих, используя терминологию системного подхода, систему преступлений против военной службы можно определить, как закрепленную в уголовном за-

коне целостную единую иерархичную совокупность элементов-составов преступлений, объединенных на основании системообразующих признаков состава этих преступлений. При этом несистемные признаки также имеются (иначе нет общественно опасных наказуемых противоправных деяний, содержащих все признаки состава преступления), только они не оказывают существенного влияния на формирование всей целостной и единой системы.

Литература:

1. Bertalanffy, L. von. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York, 1969. 289 p.
2. Lynn, M. LoPucki. Systems Approach to Law // Cornell Law Review. 1997. Vol. 82. P. 480–522.
3. Алексеев, С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. 320 с.
4. Блауберг, И. В. Философско-методологические проблемы системного исследования: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1983. 306 с.
5. Большая Советская Энциклопедия // URL: <http://www.bse.sci-lib.com/article102637.html> (Дата обращения: 02.09.2016).
6. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я): пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. 528 с.
7. Веревичева, М. И. Понятие и система экологических преступлений: методологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. 226 с.
8. Гаранина, М. А. Система преступлений против правосудия: формирование и развитие: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 158 с.
9. Горбатова, М. А. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь или здоровье: понятие, система и уголовно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 212 с.
10. Дмитриевская, И. В. Системный подход к абстрагированию // Системный анализ и научное знание. М.: Издательство «Наука», 1978. с. 153–171.
11. Клейменов, И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 486 с.
12. Коростелев, В. С. Система служебных преступлений по уголовному праву России: вопросы истории, теории, практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2014. 222 с.
13. Нарыкова, С. П. Системный подход к исследованию механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 180 с.
14. Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Том 2 / Ин-т философии РАН. Нац. общ.-научн. фонд. Научно-ред. совет: пред. В. С. Степин, заместители пред.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. 634 с.
15. Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Том 3 / Ин-т философии РАН. Нац. общ.-научн. фонд. Научно-ред. совет: пред. В. С. Степин, заместители пред.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2010. 692 с.
16. Проблемы методологии системного исследования / Ред. коллегия И. В. Блауберг и др. М.: Мысль, 1970. 455 с.
17. Романова, Н. Л. Понятие и система экологических преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2001. 219 с.
18. Садовский, В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974. 281 с.
19. Таратута, В. П. Проблема методологии системного исследования практической функции науки: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1984. 184 с.
20. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. М.: Юрист, 2004. 245 с.
21. Уемов, А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
22. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Том 3 / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Сравнительный аспект Постановлений Пленума ВС РФ № 23 и № 32, посвященных вопросам судебной практики по делам о легализации денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

Кондрашов Артем Константинович, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье проводится сравнительный анализ Постановлений Пленумов ВС РФ посвященных судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. В работе указаны как положительные, так и отрицательные коррективы, принятые Верховным Судом в новом Постановлении № 32, а также освещается ряд вопросов как теоретических, так и практических в области устранения несовершенств «антиотмывочных» норм закрепленных в УК РФ.

Ключевые слова: легализация доходов полученных преступным путем, отмывание «грязных» денег, объективная сторона ст. 174 УК РФ, Постановление Пленума ВС РФ № 32

2 глава УК РФ, обозначенная законодателем как преступления в сфере экономической деятельности, а также составы преступлений, закрепленные в этой главе, вызывают колоссальные проблемы, как на практике, так и в теории ввиду несовершенства норм и сложности восприятия отдельных положений.

Ныне действующий Уголовный кодекс РФ стал первым кодифицированным нормативным актом в истории законодательства России, где появилась норма предусматривающая ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем. [1.]

«Отмывание» было ранее незнакомо существовавшей экономике, традиционному правосознанию и правоприменительной практике в России. Поэтому причины криминализации данного деяния следует рассматривать с двух позиций: во-первых — это осознание законодателем объективной необходимости регулирования этих отношений, а во-вторых — это выполнение перед мировым сообществом определенных обязательств. Вступив в 1996 году в Совет Европы, Российская Федерация брала на себя обязательства по подписанию и ратификации ряда конвенций Совета Европы, в том числе и касающиеся отмывания, выявления, изъятия и конфискации доходов от преступной деятельности.

На протяжении уже около 10 лет существования ст. 174 УК РФ накопилось огромное количество, как теоретических вопросов, так и вопросов практики применения данной уголовно-правовой нормы. В доктрине уголовного права весьма продуктивно обсуждаются вопросы, касающиеся содержания и совершенствования диспозиции ч. 1 данного состава преступления. Такие ученые как: Наталья Александровна Лопашенко, Борис Владимирович Волженкин, Павел Сергеевич Яни, Ирина Александровна Никитина, а также другие — активно участвовали в написании работ по данной теме. Актуальными являются вопросы неоднозначности трактовки объективной стороны, проблемы определения предмета преступления, признаки субъективной стороны, вопросы

квалификации и отграничения ст. 174 УК РФ от смежных составов.

К сожалению, первое Постановление Пленума ВС РФ № 23 от 18 ноября 2004 года не разрешило ряд вопросов как теоретических, так и практических. Вторая попытка устранения несовершенств законодательной техники по составу легализации нашла отражение в Постановлении Пленума ВС РФ № 32 от 7 июля 2015 г., которое, в свою очередь разработано более удачно, так как в нем освещаются проблемные вопросы практически по всем элементам данного состава преступления, а также его квалифицирующим признакам.

Ввиду того, что рассматриваемый состав был заимствован из норм уголовного законодательства зарубежных стран (а если быть точнее, то в первоначальной редакции диспозиция ст. 174 УК представляла собой существенно упрощенный и механически сокращенный перевод американского законодательства), [1.] то недостаточно корректная имплементация данной нормы вызвала многочисленные критические замечания ученых-правоведов [2. с. 64–65] и породила значительные трудности в правоприменении.

В настоящий момент целесообразно вносить изменения не в Постановление Пленума, а непосредственно в Уголовный кодекс РФ.

К моменту принятия Постановление Пленума ВС РФ № 32 от 7 июля 2015 г. совершенно определенно выявились конкретные проблемы доктринальные и правоприменительные:

Во-первых — некорректное изложение и неточность понятийного аппарата. Термин финансовые операции, используемый законодателем для определения объективной стороны, не нашел конкретного содержания в законодательстве РФ.

Во-вторых — подвергается сомнению целесообразность использования в статье 174 УК РФ двух терминов — «легализация» и «отмывание» — в качестве синонимов. Так, ряд ученых-правоведов полагают, что «использование термина «легализация» является не совсем кор-

ректным, поскольку в процессе отмыwania преступно нажитому имуществу лишь придается правомерный вид, но эти средства по своей сути не становятся «легальными», ввиду чего международно-признанный термин «отмывание» более соответствует как сути данного преступления, так и сложившейся международной терминологии». [3.]

В-третьих — нерешенным остался вопрос о предмете преступления. Необходимо детализировать предмет преступления, распространив на него формулировку статьи 128 ГК РФ: «вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)». Это возможно сделать посредством использования термина «имущество» в диспозиции части 1 ст. 174 УК РФ. [3.]

Постановление Пленума ВС РФ № 32 от 7 июля 2015 г. вносит коррективы в указанные выше проблемные моменты. В новом Постановлении более обстоятельно подошли к вопросу определения предмета преступления и момента его окончания, рассмотрели ряд субъективных признаков легализации, урегулировали вопросы соучастия, квалификации и отграничения от смежных составов, ну и конечно, в очередной раз попытались дать определение «финансовым операциям».

На мой взгляд, попытка закрепления в новом Пленуме понятия «финансовые операции» в очередной раз явилась безуспешной. В сравнении с предыдущей версией определения этого понятия, Пленум существенно сузил сферу подпадающих под «финансовые операции» действий. Толкование данного понятия свелось к тому, что «под финансовыми операциями могут пониматься любые операции с денежными средствами» [4.].

Пленум ВС РФ, а также законодатель смешивают понятия «финансовые операции» и «операций с денежными средствами». Я считаю недопустимым определять «финансовые операции» через такую категорию как «денежные средства» ввиду того, что «финансы» это, прежде всего, совокупность экономических отношений, к тому же это не только денежные отношения, но еще и имущественные. Субъект экономических отношений всегда должен быть собственником. Именно распределяя и ис-

пользуя денежный доход, собственником которого он является, каждый участник экономических отношений может реализовать свои интересы. Так, если придерживаться трактовки «финансовых операций», которые содержатся в ранее указанных актах, то из-под действия правового регулирования выпадают все финансовые операции, которые не относятся к операциям, проводимым с денежными средствами. В том числе из-под правового регулирования выпадает осуществление финансовых операций, к примеру, с ценными бумагами, а ведь они относятся к объектам, которые являются в свою очередь предметом легализации (отмыwania).

Соглашусь, что попытки закрепления в Пленуме понятия «финансовые операции» необходимо, безусловно, оценивать с положительной стороны, но ввиду того, что Постановления Пленума ВС РФ не относятся к источникам права в Российской Федерации, разумно было бы вносить коррективы непосредственно в Уголовный Кодекс.

На период отсутствия легального определения и решения вопроса о дальнейшей возможности нахождения в УК РФ термина «финансовые операции», считаю целесообразным внести временные коррективы в связи со сложной ситуацией, складывающейся в области правоприменения данной нормы. А именно: предлагаю дополнить ст. 174 и 174.1 УК РФ примечанием, в котором бы указывалось определение «финансовых операций» аналогичное п. 6 Постановления Пленума ВС РФ № 32 от 7 июля 2015 г. В таком случае, под финансовыми операциями понимались бы любые операции с денежными средствами (наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или обмен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т. п.). На данном этапе это упразднит неоднозначность толкования, как законодателем, так и правоприменителем такой категории как «финансовые операции».

В целом же, попытка дать определение «финансовым операциям» будет являться безуспешной либо до момента законодательного закрепления, либо до момента изъятия данного термина из УК РФ, так как совершенно очевидно, что беспочвенные дискуссии исследователей не помогут определиться и прийти к наиболее общему мнению по поводу понимания важного межотраслевого понятия и обозначающего его термина «финансовых операций».

Литература:

1. Клепичский, И. А. «Отмывание денег» в современном уголовном праве [Электронный ресурс] // Государство и право. — 2002. — № 8. — Электрон. версия печат. публ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».
2. Яни, П. С. Совершенствование норм об ответственности за экономические преступления // Экономическая безопасность России: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2001. N 1. с. 64, 65.
3. Волотова, О. Е. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. — Электрон. дан. — М., 2017. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

4. [Электронный ресурс]: Постановление Пленума ВС РФ № 32 от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — Электрон. дан. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

К вопросу о квалификации нарушения требований безопасности при оказании медицинской помощи

Сенокосова Екатерина Константиновна, аспирант
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

В статье проводится исследование основных проблем, связанных с квалификацией нарушения требований безопасности при оказании медицинской помощи. Целью исследования является выработка критерия разграничения составов преступлений против жизни и здоровья, объективная сторона которых предусматривает ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей, и оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, совершаемых медицинскими работниками. Для достижения цели исследования автор проводит сравнительный анализ указанных составов преступлений на основе применения диалектического и сравнительного методов. Разграничение данных составов преступлений автор предлагает осуществлять на основе признаков объекта преступления и субъективной стороны преступления.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинская услуга, безопасность жизни и здоровья пациентов, преступления медицинских работников против жизни и здоровья, преступления медицинских работников против здоровья населения

В последнее время возрос интерес к проблеме безопасности пациентов. Безопасность пациентов определяется как предупреждение причинения ему вреда, т. е. «свобода от случайного или предотвратимого вреда, вызванного оказанием медицинской помощи» [1].

Нарушение требований безопасности жизни и здоровья медицинской помощи (медицинских услуг) пациента является элементом объективной стороны составов преступлений, конститутивным признаком которой является ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122 УК РФ), а также состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ (при оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности). При этом на нарушение требований безопасности как признак объективной стороны состава преступления указывает только диспозиция ст. 238 УК РФ. Необходимо определить, в каких случаях действия медицинского работника следует квалифицировать по статьям о преступлениях против жизни и здоровья, а в каких — против здоровья населения и общественной нравственности.

Во-первых, разграничение указанных составов преступлений можно проводить по объекту преступления. Для составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122 УК РФ, родовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие охрану личности, видовым — общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья, основным непосредственным объектом — общественные отношения,

обеспечивающие охрану жизни и здоровья конкретного пациента. Вместе с тем родовым объектом оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, видовым объектом — общественные отношения, обеспечивающие здоровье населения, основным непосредственным объектом — общественные отношения, обеспечивающие безопасность медицинских услуг для жизни и здоровья пациентов. На первый взгляд, и в составах ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122 УК РФ, и в соответствующих квалифицированных составах оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, вред причиняется конкретному пациенту. В то же время справедливо утверждение о том, что не следует ставить представления о преступном вреде в зависимость от того, как интерпретируется объект преступления [12, с. 46]. В связи с этим другие авторы, например, Б.В. Волженкин, рассматривают в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, здоровье населения в случаях, когда граждане выступают в качестве потребителей [10, с. 540].

В то же время различие в основном непосредственном объекте анализируемых составов преступлений усматривается в следующем. Основным непосредственным объектом оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, образуют общественные отношения, обеспечивающие соблюдение требований безопасности для жизни и здоровья потребителей оказываемых медицинских услуг, в то время как основной непосредственный объект составов

преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122 УК РФ, составляют общественные отношения, обеспечивающие охрану жизни и здоровья конкретного пациента.

Анализируя объективную сторону указанных составов преступлений, следует отметить, что нарушение требований безопасности как признак объективной стороны не может рассматриваться в качестве критерия их разграничения. Прежде всего, потому что любое причинение вреда здоровью пациента либо смерти пациенту является следствием нарушения требований безопасности. Любое медицинское вмешательство потенциально небезопасно для пациента, так как связано с вмешательством в его организм. Некоторые авторы безопасность медицинской услуги связывают с ее качеством. Так, по мнению Е. Х. Барина, И. В. Гецмановой, А. Р. Поздеева, «низкое качество медицинской услуги чаще всего означает ее небезопасность, высокий риск опасности для здоровья пациента; высокое же качество медицинской услуги должно являться гарантом ее безопасности» [5, с. 67]. Как отмечает В. В. Воронин, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей признается та услуга, качество которой не отвечает нормативным документам, при этом ее оказание может повлечь причинение вреда здоровью либо смерть человека [7]. В связи с этим нарушение требований безопасности при оказании медицинской помощи является элементом объективной стороны всех названных составов преступлений.

Во-вторых, в качестве критерия разграничения некоторые авторы называют признак оказания медицинской услуги. В частности, А. М. Багмет, Л. И. Черкасова указывают, что действия медицинских работников могут быть квалифицированы по ст. 238 УК РФ только в случае заключения договора на оказание медицинских услуг (как правило, возмездного), когда характер работ и условия их выполнения устанавливаются непосредственно договором [4, с. 57]. В связи с этим возникает логичный вопрос: как соотносятся между собой медицинская помощь и медицинская услуга?

В юридической литературе выделяются четыре основных подхода к соотношению понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга». **Первый подход** основан на отождествлении данных понятий. Медицинская услуга — это форма предоставления медицинской помощи [3, с. 98]. **Второй подход** разграничивает понятия «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Юридическим критерием их разграничения является интерес государства в охране здоровья населения [11, с. 33–35], медицинским критерием — объективная потребность в коррекции состояния организма [9, с. 157]. **Согласно третьему подходу** понятие «медицинская услуга» включается в содержание понятия «медицинская помощь», определяемого как комплекс медицинских услуг, предоставляемых на отдельных этапах ее оказания (ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Четвертый подход определяет медицинскую помощь как содержание медицинской услуги [2, с. 7–8].

В идеальном варианте применим второй подход: медицинские услуги должны предоставляться пациенту по желанию за его счет. Вместе с тем в сложившихся условиях, когда за счет граждан зачастую оплачиваются необходимые пациенту медицинские обследования, подобное понимание медицинской услуги теряет значимость. Медицинская помощь в настоящее время представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья, включающих в себя предоставление медицинских услуг [16]. Кроме того, как следует из номенклатуры медицинских услуг, утвержденной приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 года № 1664н, медицинская помощь представляет собой комплекс медицинских услуг — приема (осмотра, консультации) врача-специалиста, сбора анамнеза и жалоб, всевозможных анализов, исследований, а также услуг по реабилитации [14].

В связи с этим разграничение данных составов преступлений на основе критерия разграничения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» не представляется возможным. Медицинское вмешательство в рамках оказания медицинской помощи является медицинской услугой, договор на оказание которой между пациентом (потребителем) и медицинским работником (субъектом оказания услуги) заключается не всегда. В качестве примера можно привести оказание медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования.

В то же время в судебной практике нет единства по вопросу соотношения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга». К примеру, в действиях врача акушера-гинеколога, своевременно не установившего роженице диагноз «отслойка плаценты», продолжавшего введение противопоказанного при этом препарата и упустившего возможность проведения «кесарева сечения», что повлекло смерть плода, были установлены признаки состава ч. 2 ст. 109, а не п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ [15]. В то же время врач акушер-гинеколог, которая ввела роженице в качестве «медикаментозного сна» не предназначенный для этого препарат и своевременно не провела операцию «кесарево сечение», что не повлекло никаких последствий для жизни и здоровья матери и новорожденного, была привлечена к ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ (формальный состав!). При этом суд указал, что медицинская организация при заключении со страховой медицинской организацией договора обязательного медицинского страхования принимает на себя обязательства по оказанию медицинских услуг надлежащего качества, то есть отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья [8].

Е. Х. Барин, И. В. Гецманова, А. Р. Поздеев смоделировали следующие ситуации, потенциально подпадающие под состав преступления, предусмотренный ст. 238 УК РФ: использование неисправной диагностической ап-

паратуры, создающей опасность поражения электрическим током, применение запрещенного способа введения лекарственных средств [5, с. 67]. Указанные авторы обращают внимание на одно условие, при котором действия врача могут быть квалифицированы как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, — осведомленность врача об этих изъянах [5, с. 67]. Таким образом, мы переходим к третьему критерию разграничения.

В-третьих, в качестве критерия разграничения указанных составов можно рассматривать признак субъективной стороны. Как следует из судебной практики, признаки состава ст. 238 УК РФ устанавливаются в действиях (бездействии) медицинских работников (в основном акушеров-гинекологов), умышленно оказывающих не отвечающую требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей медицинскую услугу. К примеру, в действиях врача акушера-гинеколога, применившего в ходе операции родовспоможения запрещенный прием давления на лоно матки, был установлен прямой умысел. В вышеуказанном примере привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 238 УК РФ в действиях медицинского работника также был установлен умысел.

Иными словами, медицинский работник, умышленно оказавший медицинскую услугу с нарушением требований безопасности, должен быть привлечен к ответственности независимо от наступления последствий. Насколько верно привлекать медицинских работников к ответственности за формальные составы? Ответ на данный вопрос требует анализа общественной опасности данного преступления. Прежде всего, следует предположить, что подобные явления имеют весьма широкое распространение. Дело в том, что с учетом нынешнего уровня медицинского образования не исключено оказание медицинских услуг с нарушением требований безопасности жизни и здоровья потребителей при наличии косвенного умысла, когда медицинский работник осознает неправомерность своих действий (бездействия), но относится к этому безразлично. Так, на первом месте среди причин непрофессионализма медицинских работников стоит равнодушие к результатам работы (32%), на втором — качество медицинского образования (31%) (по результатам опроса 486 граждан, проведенного автором в целях криминологического исследова-

ования проблем ненадлежащего оказания медицинской помощи). При этом 75% опрошенных медицинских работников не считают высоким качеством медицинского образования на данном этапе (по данным опроса, проведенного автором среди 95 медицинских работников). Вместе с тем мало кто рискнет взять в руки скальпель, зная, что за спиной стоит судья, готовый наказать за малейший проступок [6, с. 79].

Некоторые авторы также указывают на такую негативную тенденцию в правоприменительной практике, как попытка «подогнать» под ст. 238 УК РФ происшествия, содержащие признаки составов ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118 УК РФ, ошибочно полагая, что необязательность наступления общественно опасных последствий допускает отсутствие необходимости наличия прямой причинно-следственной связи, даже если такие последствия и наступили [13, с. 34]. Кроме того, при отсутствии общественно опасных последствий в виде вреда здоровью либо смерти пациента возможна конкуренция со ст. 14.4 КоАП РФ, предусматривающей оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных законодательством Российской Федерации требований как состав административного правонарушения [5, с. 67].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. На первый взгляд, в правоприменительной практике отсутствует единство квалификации нарушения требований безопасности медицинскими работниками. Как видно из вышеприведенного примера, одни и те же действия медицинского работника могут быть квалифицированы и по ст. 238, и по ст. 109 УК РФ. Вместе с тем в качестве критерия разграничения рассмотренных составов преступлений можно предложить признак субъективной стороны преступления, который применительно к составу ст. 238 имеет форму умысла, к составам ст. 109, 118, 122 УК РФ — неосторожности, а также признак объекта преступления. Вопрос привлечения медицинских работников к ответственности за формальные составы преступлений (ч. 1 ст. 238 УК РФ) требует дальнейшего осмысления в плане соотношения общественной опасности данного преступления и возможных последствий широкого распространения подобной практики в контексте роста дефицита медицинских кадров.

Литература:

1. Huges, R. G. Patient Safety and Quality: An Evidence-Based Handbook for Nurses. Rockville (MD): Agency for Healthcare Research and Quality (US). 2008. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK2651/> (assessed at 14 February, 2017).
2. Абдуллина, В. С. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере оказания медицинских услуг: некоторые вопросы теории и практики. Дисс.... канд. юрид. наук. — Казань, 2007.
3. Афанасьева, Е. Г. Правовое регулирование оказания коммерческих медицинских услуг в США. Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1995.
4. Багмет, А. М., Черкасова Л. И. Составы преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. — 2014. — № 12.
5. Баринов, Е. Х., Гецманова И. В., Поздеев А. Р. Практика применения специальных познаний судебной медицины в суде: монография. — Москва: Проспект, 2017.

6. Бондаренко, Д. В. Суд оправдал врача, обвиненного в смерти пациента // Уголовный процесс. — 2013. — № 2.
7. Воронин, В. В. Обстоятельства, подтверждающие наличие состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ. — URL: http://promyshlenny.orb.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=2 (дата обращения 15.02.2017).
8. Кассационное определение Ленинградского областного суда от 24 февраля 2011 года по делу № 22–306/2011. — URL: www.gospravosudie.com/court-leningradskij-oblastnoj-sud-leningradskaya-oblast-s/act-492576969/ (дата обращения 15.02.2017).
9. Комаров, Ю. М. Что оказывают медицинские учреждения: медицинскую помощь или медицинские услуги? // Здоровоохранение. — 2009. — № 5.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко; Науч. ред. А. С. Михлин. — М., 2000.
11. Михайлова, Х. Л. Международные и национальные стандарты при урегулировании споров в сфере предоставления медицинских услуг. Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
12. Новосёлов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. — М.: Изд-во НОРМА, 2001.
13. Петрова, Т. Н. Преступления медицинских работников в сфере родовспоможения: проблемы досудебного производства // Медицинское право. — 2017. — № 1.
14. Приговор Ветлужского районного суда Нижегородской области от 26 сентября 2012 года. — URL: www.gospravosudie.com/court-vetluzhskij-rajonnyj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-106633377/ (дата обращения 15.02.2017).
15. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 года № 1664н «Об утверждении номенклатуры медицинских услуг». Режим доступа: справочная правовая система «Консультант Плюс».
16. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.

Квалифицирующий признак «убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве

Скобина Елена Александровна, доцент;
Велинская Екатерина Александровна, студент
Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета

В статье рассматривается история развития квалифицирующего признака убийства «с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера» в отечественном уголовном праве, проводится сравнительно-правовой анализ аналогичных норм, содержащихся в законодательстве зарубежных стран. Авторы приходят к выводу о наличии указанного квалифицирующего признака убийства в Уголовных кодексах стран, относящихся к различным правовым семьям.

Ключевые слова: убийство с целью скрыть другое преступление; убийство с целью облегчить совершение другого преступления; убийство, сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, сравнительно-правовой анализ.

Одна из важнейших задач уголовно-правовой политики — охрана прав и свобод граждан. Одним из главных прав человека является жизнь. Жизнь — это важнейшее, данное людям от природы благо. Право на жизнь провозглашается как в международных актах — Декларации прав человека, Пакте о гражданских и политических правах так и в Конституциях стран, в том числе и Российской Федерации [1, 2, 3].

Убийство является одним из тяжких преступлений, которое осуждается как морально, так и силой закона. Определённое место среди всех убийств занимает убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряжённое с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряжённое с изнаси-

лованием или насильственными действиями сексуального характера, предусмотренное п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ является смешанным квалифицирующим признаком и включает в себя одновременно субъективный критерий — цель скрыть другое преступление или облегчить его содержание и объективный критерий — обстановку (условия совершения другого преступления). Одновременно этот объективный критерий неразрывно связан с субъективным (мотив) — убийство из мести за оказанное сопротивление при изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера.

Опасность данного преступления в том, что субъект совершает убийство после того, как совершил, как правило, тяжкое или особо тяжкое преступление, такое как грабёж, угон, разбойное нападение, а также изнасилование или насильственные действия сексуального характера. На квалификацию убийства по данному пункту не влияет категория преступления, которое убийца пытался скрыть или облегчить его путём совершения убийства. Как отмечает А. Г. Бабичев, повышенная общественная опасность рассматриваемого квалифицирующего признака заключается в том, что оно совершается с «запасом», «с подстраховкой», «на всякий случай» с целью оградить себя и (или) других лиц, виновных в совершении другого преступления от уголовной ответственности, так как мёртвые уже никому ничего не расскажут. [4] Убийство, с целью

облегчения совершения другого преступления совершается в процессе совершения первого преступления или даже до него.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда № 1 [5], под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений или с целью их сокрытия. При квалификации по данному признаку исключено одновременно вменение по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства.

Отдельно в официальной статистике не выделяется статистический параметр данного вида убийства, однако, согласно базе данных Верховного Суда РФ (СудАкт), судами Российской Федерации вынесено 3677 приговоров и определение по данному квалифицирующему признаку [6].

Согласно данным Судебного Департамента по Забайкальскому краю в период с 2011 по 2015 годы вынесены обвинительные приговоры в отношении 59 лиц [7]. Наибольшее количество осужденных приходится на 2014 год — 28, по стальным годам этот показатель не превышает 10 лиц. Данные по количеству осужденных лиц представлены на рисунке 1.

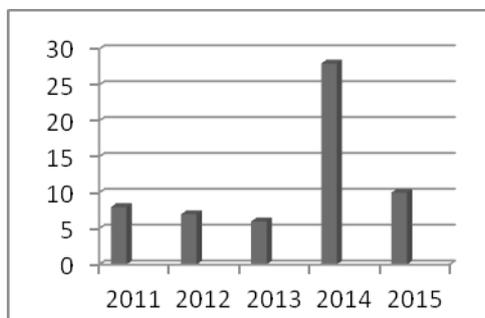

Рис. 1. Динамика осужденных лиц по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ в Забайкальском крае

История развития отечественного уголовного законодательства свидетельствует о том, что впервые данный признак появился в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Там, в ст. 1930 указывается на совершение убийства, «при содеянии какого какого-либо преступления, соединённого с насильственными действиями, например, насильственное завладение чужой собственностью» [8].

В п. 13 ст. 455 Уголовного уложения 1903 года, так и не вступившего в полном объёме в законную силу, данный признак убийства описывается, как «убийство с целью облегчить учинение другого тяжкого преступления», которое наказывалось каторгой без срока или сроком не менее 10 лет [9].

В УК РСФСР 1922 года предусматривалась уголовная ответственность на срок не менее 8 лет со строгой изоля-

цией за убийство с целью облегчить или скрыть другое — тяжкое преступление (п. «г» ст. 142) [10].

Статья 126 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года в п. «г» содержала данный квалифицирующий признак с точно такой же формулировкой, однако наказание в виде лишения свободы уже увеличилось до 10 лет [11].

В п. «е» ст. 102 УК РСФСР 1960 года предусматривалась ответственность в виде лишения свободы от 8 до 15 лет или в виде смертной казни за убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, но уже дополнение таким признаком, как «сопряжённое с изнасилованием». Таким образом, данный квалифицирующий признак приобрёл субъективный критерий — цель скрыть или облегчить другое преступление, но и приобрёл объективный признак — обстановку — в условиях изнасилования «а равно сопряжённое с изнасилованием» [12].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.1992 г. разъясняло, что под убийством, сопряженным с изнасилованием следовало понимать убийство в процессе изнасилования, с целью скрыть его или по мотиву мести за оказанное сопротивление при изнасиловании. При этом Пленум рекомендовал квалифицировать данное преступление по совокупности, то есть по п. «е» ст. 102 и соответствующей части ст. 117 УК РСФСР [13].

В действующем Уголовном кодексе РФ 1996 г. формулировка исследуемого преступления несколько изменилась, помимо изнасилования указываются насильственные действия сексуального характера. В итогеотягчающее обстоятельство звучит следующим образом: «...с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера». Помещение законодателем данного признака в разряд квалифицированных, обусловлено его высокой степенью общественной опасности. [14]

Убийство с целью скрыть другое преступление — один из распространённых признаков в уголовном праве стран, относящихся к различным правовым семьям: Аргентины (ч. 8 ст. 80), Болгарии (п. 8 ст. 116) Боливии, Бразилии, Вьетнама, Гватемалы, Германии (ч. 2 § 211), Республики Доминикана, Израиля (ч. 3 ст. 300) Италии, Канады, Колумбии, Коста-Рики, Кодивуар, Кубы, Макао, Мадагаскар, Монголии, Маршаловых Островов, Нидерландов, Норвегии (§ 23з), Панамы, Парагвая, Перу, Румынии, Соломоновых островов, Таиланда, Тувалу, Турции (п. 7, 9 ст. 450) Уругвая, Франции (абз. 2 ст. 221–2), Эквадора [15].

Например, в ст. 80 УК Аргентины анализируемая норма сформулирована следующим образом: «причинение смерти с целью подготовки, облегчения совершения, исполнения или сокрытия другого преступления либо для того, чтобы гарантировать его эффективность или обеспечить собственную или иного лица безнаказанность, либо потому, что не удалось добиться желаемого результата при покушении на другое преступление (п. 7)»

Из формулировки статьи видно, что данный пункт схож по содержанию с признаком, соответствующим п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, но в УК Аргентины совершенно отсутствует обстоятельство изнасилования и применения действий сексуального характера. [16]

В Уголовном кодексе Соединенных Штатов Америки (далее УК США) убийство трактуется как преступное человекоубийство. Выделяется три вида убийств: тяжкое, простое и убийство по небрежности. В ст. 210.2 расписываются квалифицирующие признаки тяжкого убийства. В их числе находится убийство «по опрометчивости при обстоятельствах, обнаруживающих крайнее безразличие к ценности человеческой жизни.

Такие опрометчивость и безразличие резюмируются, если деятель осуществляет совершение или является соучастником совершения или покушается на совершение

разбоя, изнасилования или извращенного полового сношения путем применения насилия или угрозы насилием, поджога, похищения человека или являющегося попыткой побега из-под стражи либо если деятель осуществляет бегство после совершения или покушения на совершение таких преступлений.

Помимо этого, в УК США указываются отягчающие обстоятельства, в их числе находится следующее: «тяжкое убийство было совершено в то время, когда подсудимый осуществлял совершение или был соучастником совершения или покушался на совершение разбоя, изнасилования или извращенного полового сношения с применением насилия или угрозы насилием, поджога или похищения человека или когда подсудимый осуществлял бегство после совершения или покушения на совершение таких преступлений». Данная формулировка по смысловому значению схожа с формулировкой, указанной в п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. [17]

Норма об ответственности за убийство с целью скрыть или облегчить совершение другого преступления нашла свое отражение в Модельном уголовном кодексе для государств-участников СНГ (п. «л» ч. 2 ст. 111) [18]. Подобная норма есть в уголовных кодексах всех стран — бывших союзных республик (ст. 120.2.6 УК Азербайджана, п. 11 ч. 2 ст. 104 УК Армении, п. 8 ч. 2 ст. 139 УК Белоруссии, п. «л» ч. 2 ст. 109 УК Грузии, п. «к» ч. 2 ст. 96 УК Казахстана, п. 13 ч. 2 ст. 97 УК Кыргызстана, п. 8 ст. 117 УК Латвии, п. 11 ч. 2 ст. 129 УК Литвы, п. «i» ч. 3 ст. 145 УК Молдовы, п. «м» ч. 2 ст. 104 УК Таджикистана, п. «л» ч. 2 ст. 101 УК Туркменистана, п. «o» ч. 2 ст. 97 УК Узбекистана, п. 9 ч. 2 ст. 115 УК Украины, п. 3 ст. 101 УК Эстонии. [19]

Для сравнительно-правового анализа остановимся только на некоторых из них. Например, в Уголовном кодексе Республики Армения под убийством понимается противоправное умышленное лишение жизни другого человека. Среди квалифицирующих признаков присутствуют: убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение и убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. В статье они разделены на два самостоятельных признака (ст. 104). [20]

Уголовный кодекс Кыргызской Республики трактует убийство и сопряженность с изнасилованием практически, как и УК РФ. В ч. 2 ст. 97 этот признак раскрыт в пунктах 7 и 13 следующим образом: «убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой страсти в иных формах» (п. 7); убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» (п. 13) [21]

В Уголовном кодексе Украины исследуемый вид преступления разделен на два квалифицирующих признака. Если в УК РФ убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение и убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера объединены в один

квалифицирующий признак, то в УК Украины они являются самостоятельными признаками (ч. 2, ст. 115) [22]

В Уголовном кодексе Узбекистана выделяется умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах сопряженное с изнасилованием или насильственным удовлетворением половой потребности в противоестественной форме (п «з», ст. 97) и убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п «о», ст. 97). [23]

Уголовный кодекс Эстонской Республики указанный квалифицирующий признак сформулировал в ст. 101: следующим образом: «с целью сокрытия другого преступления или облегчения его совершения, а равно сопряженное с изнасилованием». Что фактически идентично УК РФ. [24]

На основании проведенного сравнительно-правового исследования можно сделать следующие выводы: В кодексах этих стран способ правового закрепления признака сопряженности убийства с иными посягательствами имеет максимальное сходство с российским уголовным законодательством.

В зарубежном законодательстве большинства государств сопряженность убийства с другими преступлениями служит основанием для ужесточения наказания. В уголовном законодательстве зарубежных стран можно выделить убийство, сопряженное с другими преступлениями в несколько групп по способу юридической регламентации. Первую группу составляет общее понятие убийства, сопряженного с другими преступлениями (закреплено в УК Франции) [25]. Вторую группу составляет законодательство стран (США, Украина, Узбекистан, Республика Армения, Кыргызская Республика, Эстонская Республика), в которых формулировка признака сопряженности фактически полностью совпадает с УК РФ. Третью группу составляет законодательство стран, таких, как КНР [26], Аргентина, Швеция, без указания на сопряженность с половыми преступлениями.

Таким образом, история отечественного уголовного законодательства и современное состояние зарубежного уголовного законодательства исходят из степени общественной опасности исследуемого признака состава убийства.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]/Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения 01.06.2017)
2. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. [Электронный ресурс] <http://www.un.org/ru/> (дата обращения 01.06.2017)
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. — 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
4. Бабичев, А. Г. Цель преступления как признак квалифицированного состава убийства // Вестник экономики, права и социологии. — 2013. — № 4 Право [Электронный ресурс] // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsel-prestupleniya-kak-priznak-kvalifitsirovannogo-sostava-ubiystva#ixzz4imctM7KO/>. (дата обращения: 01.06.2017).
5. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999г (ред. 03.03.2015) [Электронный ресурс] // URL: <http://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-27011999/> (дата обращения 01.06.17)
6. Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс: http://sudact.ru/vsrf/doc/?vsrf-txt=убийство+с+целью+скрыть+другое+преступление&vsrf-case_doc (дата обращения 01.06.2017)
7. Сведения из Управления Судебного департамента по Забайкальскому краю по количеству лиц, осужденных по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ за период 2011–2015 гг.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.twirpx.com/file/281022/grant/> (дата обращения 01.06.2017)
9. Уголовное уложение 1903 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.twirpx.com/file/234494/grant/> (дата обращения 01.06.2017)
10. Уголовный кодекс 1922 года [Электронный ресурс] // URL: <http://www.twirpx.com/file/844809/> (дата обращения 01.04.2017)
11. Уголовный кодекс 1926 года [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения 01.06.2017)
12. Уголовный кодекс 1960 года [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/6d8a39804bfe82e851812361be108dd1296a042c/ (дата обращения 01.06.2017)
13. О судебной практике по делам об умышленных убийствах: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.1992 г. [Электронный ресурс] // http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=905 (дата обращения 01.06.2017)
14. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 по состоянию на 5 февраля 2017 г. — М.: Проспект, 2017.

15. Смирнов, В. А. Уголовно-правовая характеристика убийства, совершенного с целью скрыть другое преступление либо облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ)»
16. Уголовный кодекс Республики Аргентина [Электронный ресурс] // URL: <http://constitutions.ru/?p=5847> (дата обращения: 01.06.17)
17. Козочкин, И. Д. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под редакцией — М. 2010—1056 с.
18. Бородин, С. В., Малинин В. Б. Убийство — общая характеристика: монография. — СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. — 196 с.
19. Грызыхин, С. А. Отягчающие обстоятельства убийства по зарубежному уголовному законодательству // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2008. № 2 (15). с. 145—150. // [Электронный ресурс] URL: <https://m.cyberleninka.ru/article/n/otyagchayuschie-obstoyatelstva-ubiystva-po-zarubezhnomu-ugolovnomu-zakonodatelstvu> (дата обращения: 01.06.2017)
20. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#7a> (дата обращения: 01.06.17)
21. Уголовный кодекс Кыргызской Республики (в ред. ЗКР от 25 октября 2014 года N 148) [Электронный ресурс] // URL: http://www.kenesh.kg/RU/Articles/7307-UGOLOVNYJ_KODEKS_KYRGYZSKOJ_RESPUBLIKI_v_red_ZKR_10_ot_1032012g.aspx (дата обращения: 01.06.17)
22. Уголовный кодекс Украины, с изменениями от 16.07.2015 [Электронный ресурс] // URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/> (дата обращения: 01.06.17)
23. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // URL: http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=111457 (дата обращения: 01.06.17)
24. Уголовный кодекс Эстонии. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=1332&more=1> (дата обращения: 01.06.17)
25. Уголовный Кодекс Франции [Электронный ресурс] // URL: crimpravo.ru/codex/france/2.doc (дата обращения: 01.06.17)
26. Уголовный кодекс Китайская Народная Республика [Электронный ресурс] // URL: <http://www.asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/#4> (дата обращения: 01.06.17)

Понятие кровной мести и история возникновения, трансформация и современное закрепление обычая кровной мести

Танасейчук Яна Валерьевна, студент

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск)

Статья раскрывает этапы развития и закрепления обычая кровной мести. Отражает различные взгляды на понятие «кровной мести», а также процесс трансформации обычая из социального регулятора в «криминальную традицию».

Ключевые слова: кровная месть, обычай, убийство по мотиву кровной мести, примирительные комиссии, социальный регулятор

Кровная месть — обычай, сложившийся при родовом строе как универсальное средство защиты чести и достоинства рода [1. С. 17]. Современные энциклопедические словари определяют кровную месть, именно, как обязанность отмстить самому убийце или его близким.

Помимо обычного определения кровной мести, словари предлагают итальянский вариант мести — вендетту. Под ней понимается обычай «кровной мести» преобладающий на островах Сардинии, Крите и Корсике [2. Сухарев А. Я.].

Ушаков Д. Н. определяет месть как «намеренное причинение зла, неприятностей за прошлое с целью отплатить за оскорбление, обиду, страдания» [3. С. 193—194].

Понятие «кровной мести» отличается от более широкого понятия «мести». Кровную месть вызывает не любая обида, а только та, которая по обычаям того или иного народа карается «кровомщением».

Сухарев А. Я. под «кровной мезтью» понимает — обычай, сложившийся при родовом строе как универсальное средство защиты чести, достоинства и имущества. В России обычай кровной мести существует среди некоторых народов Северного Кавказа» [4].

Омаров М. М. определяет «кровную месть как обычай, поводом для которого может быть любое нежелательное вмешательство (в том числе правомерное) в интересы

другой семьи, рода, клана и который может быть урегулирован путем примирения, также может влечь кровную вражду. Кровная месть осуществляется прямыми родственниками (женского и мужского пола) потерпевшего, а также посторонними лицами в отношении виновного, а также близких ему «по крови» или в силу других обстоятельств» [5].

Дудаев И. И. пишет следующее: «кровная вражда представляется как «священный долг» (*debito sacro*) групп по отношению к членам, которые пострадали или даже были убиты членами другой группы. Проблема кровной мести актуальна и для современной России, некоторые народы Северного Кавказа (Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни) нередко прибегают к ней как средству разрешения конфликта».

Лавченко О. П. пришел к выводу, что «кровная месть является древним обычаем, возникшим и развившимся при родовом строе как средство защиты жизни, чести и имущества сородичей. Сущность данного обычая состоит в том, что при нанесении тяжкой кровной обиды одному из членов рода (семьи), возникает обязанность отомстить обидчику либо его родственникам. Понятие «кровная месть» как объект криминалистического исследования представляет собой сложное явление, которое оказывает криминогенное воздействие на поведение людей. Обычай кровной мести детерминирует совершение особо тяжких преступлений — убийств, характеризующихся длительностью и жестокостью исполнения.

Кровная месть, как обычай патриархально-родового строя, сохранилась в России на территории Северного Кавказа из-за специфических условий местной жизни, длительного отсутствия государственности, постоянного нахождения в состоянии войны. Существование этого обычая в настоящее время определяется главным образом культом предков; низким уровнем культуры и образования; национально-территориальным устройством; современной структурой занятости населения; земельным вопросом; слабостью государственной власти и управления, правоохранительных органов; нестабильностью социально-экономических преобразований» [6].

Кровная месть была известна многим народам в разное время. Её существование неоспоримый факт, существовавший в истории развития любого государства.

Так, например, одним из поводов к войне в 311 году в Великой Римской империи Константина Великого и Максенцием послужила месть убийце отца. Договор 911 года между Русью и греками закрепляет, что каждый может умертвить убийцу на месте преступления. У некоторых племен Австралии причинение смерти человеку порождает кровную месть, которая приобретает неконтролируемую форму в виде публичных, массовых насильственных столкновений [7].

Судебник Мхидра Гоша [8. С. 603–604], который является сборником норм армянского феодального права, запрещает кровную месть. А законы Беки и Агбуги [8.

С. 59] — законы грузинского княжества — узаконивали кровную месть, делая её правомерной.

Кровная месть возникла как мера социального межличностного контроля.

В ранне-первобытном обществе она не существовала в принципе. На это есть своя причина. Когда один человек убивал другого это, несомненно, приносило вред общине, а если убивают убийцу, приносят двойной ущерб. И совершенно логическим исходом будет её ослабление перед соседями, что даст последним возможность уничтожения слабого сообщества.

Однако уже в традиционном обществе обычай кровной мести был необходим. Ведь убийство члена общества приводило к дисбалансу сил между общинами, и чаша весов склонялась к общине, член которой совершил убийство. Если причинение смерти оставить без ответа, это приведет к новым убийствам, а в следствии к уничтожению всей общины. Убийство члена общины-обидчика приведёт к возвращению баланса сил, а также послужит предупреждением соседям, что никто не останется безнаказанным за убийства.

В XI веке кровная месть закрепились во многих источниках обычного права. Одним из ярких примеров стала «Русская правда», которая являлась основным письменным источником права в XI веке на Руси.

«Русская правда» была основана на национальных, местных обычаях и традициях. Так, например, одним из её положений стало, причинение смерти убийце родственником потерпевшего, т. е. по сути «кровная месть». Но исполнение этого долга ограничивалось кругом людей первой и второй степеней родства (отцы, сын, племянники). Мы видим, что хотя кровная месть и закреплена в законе, но им же она и ограничивается, для того чтобы избежать массовых, непрекращающихся убийств [9. С. 28–63].

В середине XI века, после призвания князей был издан Судный устав, который сохранил в себе кровную месть, родовое самоуправство. Однако в нем нашло своё закрепление одно интересное положение, согласно которому в случае отсутствия мстителя убийца обязан вознаградить мщение, т. е. уплатить штраф князю. Таким образом, мы видим второе ограничение кровной мести. Помимо этого нами замечено и то, что кровная месть как институт продолжил свое существование. Лишь после смерти Ярослава Мудрого в 1054 году, собравшись, его сыновья отменили кровную месть и окончательно установили штрафы.

Хотя кровная месть имеет древние корни, этот обычай сохранился до настоящего времени. По сей день убийство по мотивам кровной мести встречается в Греции, Албании, Италии, Туркменистане, Азербайджане и др. Делая выводы из следственной, судебной и прокурорской практики, приходим к выводу, что этот первобытный обычай сохранился и во многих республиках Российской Федерации. Например, в Адыгее, Дагестане, Северной Осетии, Чечне.

Сегодня можно заметить, как обычай кровной мести из социального межличностного регулятора баланса сил преобразуется в криминальную традицию, решающую любой конфликт.

По Уголовному кодексу РФ [10] за убийство по мотивам кровной мести назначается наказание в виде «...лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненного лишения свободы, либо смертной казнь» [10].

Законодательное закрепление и введение сурового вида наказания, говорит о повышенной степени общественной опасности указанного деяния, отмечает профессор Р.Б. Головкин.

Общественная опасность заключается в том, что одна кровная месть вызовет ответную кровную месть и послужит началу «бесконечной эстафете убийств» [1. С. 19], что впоследствии приведет к массовым убийствам и войнам. Ярким примером служит война в Чечне с 1993 по 2003 гг., которая возродила кровавый обычай. По мнению М.М. Сайдулаева, вооруженный конфликт, возникший в Чечне, привел к такому большому количеству жертв, горя и трагедий, несправедливости, которые послужили толчком к возрождению обычая кровной мести. В феврале 1999 года А. Масхадов узаконил шариатские суды и кровную месть, а также довел до абсурда идею возвращения первобытных родовых обычаев, таких как:

1. Принадлежность к определённом роду определяла политические, социальные, экономические, брачные отношения;

2. Обычай кровной мести приобрел главенствующее положение, в регулировании конфликтов, чем вытеснил нормы уголовного законодательства.

Таким образом, мы видим, что этническое начало полнотью «проглотило» социальное, не позволяя появиться гуманистическому началу, сформироваться политики «человек — высшая ценность».

В итоге мы приходим к следующему выводу.

Изменения в социальной, политической, экономической, культурной, религиозной жизни общества изменяет условия реализации «кровной мести».

Человек, в современном обществе, научился решать конфликты, проблемы с помощью правовых механизмов, редко прибегая к насилию. Также каждый член общества учится сдерживать агрессию, ярость, раздражение и

другие негативные эмоции по отношению к людям. Самостоятельное наказание виновным потерпевшего сменяется беспристрастным расследованием уголовного дела и назначением справедливого, соразмерного совершённой деянию наказания.

Кровная месть — запрещенный законом, антиобщественный обычай, с которым надо бороться, но не только с помощью уголовно-правовых мер, но и путем создания, возрождения примирительных комиссий, в целях мирного, бескровного разрешения конфликтов между кровниками.

Например, в Ингушетии существуют 8 примирительных комиссий — 4 районных и 4 городских. 24 ноября 2015 года был создан Комитет по вопросам примирения конфликтующих сторон. Отметим, «что за последние шесть лет в регионе удалось уладить более 150 конфликтов на почве кровной мести...» [11].

Общественная опасность «кровной мести» заключается в непрекращающихся убийствах. Порочный круг, который образуют следующие одна за другой акты мести, что приводит к вырезанию, уничтожению родов, кланов, семей. В этой связи, совершенно верно отметил Юнус-Бек Евкуров, глава Ингушетии, «нельзя допустить того, чтобы кровная месть переходила из поколения в поколение, иначе это приведет к уничтожению народа» [12].

Противоправность применения кровавого обычая заключается в повышенной уголовной ответственности за совершение убийства по мотивам кровной мести. Отказ от уголовно-правового закрепления данного деяния, может привести к ещё большому уровню применению этой кровавой традиции, и к возрастанию уровня самосудов, самоуправств.

Однако такой подход все-таки встречается в юридической литературе. В частности, его предлагает Плаксина Т.А., которая считает, что «кровная месть как мотив убийства является псевдоквалифицирующим обстоятельством, которое необходимо исключить из уголовного закона, поскольку дифференциация ответственности, преследующая цель борьбы с пережитками прошлого, в свое время была осуществлена при отсутствии социальных оснований» [13. С. 30–31].

Литература:

1. Зюков, А. М. Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир: ИП Журавлева, 2009., 160 с.
2. Большой юридический словарь /под ред. А. Я Сухарева, В. Е. Крутских. М.: Инфра-М. 2003. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15770>. (дата обращения: 23.02.2017)
3. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл».. 1940., 1216 с.
4. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15770>. (дата обращения: 23. 02. 2017)
5. Омаров, М. М. Убийство по мотивам кровной мести: автореф. дис....канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. URL: <http://lawtheses.com/ubiystvo-po-motivam-krovnoy-mesti>. (дата обращения: 24. 02. 2017).
6. Левченко, О. П. Расследование убийств, совершенных по мотиву кровной мести: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1186552> (дата обращения: 24. 03. 2017).
7. Трикоз, Е. Н. Обычное уголовное право аборигенов Австралии// «Право и политика». 2001. № 4. URL: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 24.02.2017).

8. Юридический словарь. В 2 томах. Т. 2 // Гл. ред. Кудрявцев П. И. Госюриздат, 1956.
9. Чистяков, О. И. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1987. 432 с.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
11. URL: <https://regnum.ru/news/society/2019047.html> (дата обращения: 26.02.2017).
12. URL: <https://regnum.ru/news/society/2019047.html> (дата обращения: 25.02.2017).
13. Плаксина, Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дисс... д-ра юрид. наук. Томск. 2006., 481 с.

Проблемы квалификации насильственных половых преступлений против несовершеннолетних

Трубинская Анастасия Сергеевна, магистрант
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются наиболее актуальные проблемы квалификации насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и малолетних, которым не исполнилось 14 лет.

Ключевые слова: несовершеннолетние, малолетние, уголовное право, половые преступления

Определённую сложность в деятельности правоприменительных органов, в частности судебно-следственной практике, представляет квалификация насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет и малолетних, которым не исполнилось 14 лет.

В данном случае речь идет о насильственных преступлениях против половой неприкосновенности личности, предусмотренных п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, насильственных действиях сексуального характера п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, а также понуждение к действиям сексуального характера ч. 2 ст. 133 УК РФ.

Особо следует заметить, что отягчающие квалифицирующие обстоятельства данных преступлений прежде всего связаны с несовершеннолетием потерпевших лиц. При этом такой квалифицирующий признак, как изнасилование потерпевшей, не достигшей 18-летнего возраста и совершение насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней, не содержит существенных различий от квалифицирующего признака как изнасилование несовершеннолетней.

Часто несовершеннолетние и малолетние являются потерпевшими в половых преступлениях насильственного характера в силу своей неопытности или в некоторых случаях провоцирования преступного поведения насильника. Судебная практика руководствуется, как правило, тем, что данные квалифицирующие признаки могут быть инкриминированы (вменены) лицу при условии, если оно знало, а также допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней или малолетней.

Для квалификации рассматриваемых преступлений в отношении несовершеннолетних и малолетних важное значение имеет понятие «насилие», с которым связано

причинение вреда потерпевшим лицам. В этой связи следует обратить внимание на п. 2 постановления Пленума Верховного суда РФ от 4.12.2014 г., в котором отмечается, что под насилием в ст. 131 и 132 УК РФ следует понимать как опасное, так и неопасное для жизни, а также для здоровья насилие, а также побои и совершение других насильственных действий, которые причиняют потерпевшему физическую боль либо ограничивают его свободу. При этом, если при изнасиловании либо совершении насильственных действий сексуального характера потерпевшему был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями ст. 131 и ст. 132 УК РФ, а если умышленно причинен тяжкий вред здоровью, необходима дополнительная квалификация по соответствующей части ст. 111 УК РФ [1].

Особые трудности в квалификации, например, при изнасиловании, которое представляет собой половое сношение с применением физического насилия или угрозой его применения к потерпевшей или другим лицам, представляет совершение данного преступления с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Толкование и понимание беспомощного состояния потерпевшей применительно к изнасилованию и насильственных действий сексуального характера вызывает особые трудности на практике, особенно когда речь идет о несовершеннолетних и малолетних.

В этой связи следует отметить, что в п. 5 постановления Пленума Верховного суда № 16 РФ от 4 декабря 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» изнасилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, когда оно

в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, болезненное или бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или других обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий, а также оказать сопротивление виновному [2].

Из приведенного разъяснения следует, что беспомощное состояние потерпевшей представляет собой физическую и психическую беспомощность. При физической беспомощности потерпевшая не может воспрепятствовать, т. е. оказать сопротивление преступнику в изнасиловании, а при психической беспомощности она не может понимать или верно оценивать характер и значение совершаемых с нею преступных действий со стороны виновного лица.

Вместе с тем, как свидетельствует судебная практика и различные исследования в области уголовного права и криминологии [3], причины и обстоятельства беспомощного состояния при совершении преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ могут быть самыми различными.

В теории и судебной практике нередко возникают вопросы о квалификации изнасилования с другими половыми преступлениями в отношении несовершеннолетних и малолетних, в частности, с насильственными действиями сексуального характера (ст. 131) и при понуждении к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 133) УК РФ. Согласно ст. 132 УК РФ, уголовная ответственность предусмотрена за мужеложство, лесбиянство, а также другие действия сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) либо другим лицам или с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей). При этом потерпевшими несовершеннолетними и малолетними при совершении данного преступления могут быть как лица мужского пола, так и женского.

Разграничение изнасилования и преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, необходимо проводить по особенностям объективной стороны, которая, несмотря на общий признак насилия, характеризуется разными действиями и способами сексуального характера, а также видами удовлетворения половых потребностей.

Решая вопрос о квалификации данных преступлений Пленум Верховного суда РФ в п. 9 постановления от 4 декабря 2014 г. отмечает, что при совершении виновным в любой последовательности изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении одной и той же потерпевшей содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 131 и ст. 132 УК РФ, независимо от времени совершения данных преступлений [2].

Что же касается ст. 133 УК РФ, то она предусматривает ответственность за понуждение к действиям сексуального характера. Способы понуждения исчерпывающе перечис-

лены в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ, которыми являются: понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству, а также совершению других действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества или с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей).

В связи с высокой общественной опасностью данного преступления законодатель Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ существенно редакционно уточнил диспозицию ч. 1 данной статьи и ввел квалифицированный состав (ч. 2 ст. 133), в котором установил уголовную ответственность за понуждение к действиям сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней).

Отличие от изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) при понуждении к действиям сексуального характера способы воздействия на потерпевшее лицо самые разнообразные, которые исчерпывающе указаны законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ.

Возникают проблемы также при квалификации, демонстрации порнографических материалов одновременно мальчику и девочке, не осознающих сути совершаемых с ними действий, ради последующего вступления с ними в половой контакт. Следуя логике законодателя, такого рода деяние, совершенное мужчиной в отношении не достигшей 12 лет девочки, надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, а в отношении мальчика того же возраста — по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (идеальная совокупность, грозящая виновному резким усилением окончательного наказания). Налицо идеальная совокупность преступлений, и действия виновного надлежит квалифицировать по обоим составам — п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. В случае если те же деяния свершит женщина, то они будут квалифицированы только по ч. 1 ст. 30, п. «б» ст. 132 УК РФ.

Дабы изжить эту коллизию, законодатель должен четко определить свою позицию по отношению к так называемым извращенным половым актам — равнозначны ли они естественному соитию или нет? Если нет, то ответственность и наказание за них должны отличаться от карательной реакции на изнасилование. Если равнозначны, то ответственность и наказание за них должны содержаться в одной статье УК РФ подобно тому, как это было в УК РСФСР 1960 г., который в неявной форме уравнивал собственно изнасилование и то, что сейчас именуется насильственными действиями сексуального характера.

Во вновь принятом Постановлении, аналогично утратившему силу Постановлению от 15.06.2004 № 11, фактически содержится понятие «заведомости знания возраста потерпевшего лица», что является положительным моментом. Это означает, что уголовная ответственность по соответствующим квалифицирующим признакам наступает в том случае, когда лицо достоверно знало возрасте потерпевшего лица (являлось родственником, зна-

комым, соседом, педагогом, собеседником в соцсетях и т. п.) или сознательно допускало не достижение соответствующего возрастного рубежа в связи с внешним обликом, манерой поведения потерпевшего лица. Данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ вызвано имеющимися проблемами квалификации в правоприменительной деятельности следственных и судебных органов. Нередко на практике возникает проблема установления умысла на совершение сексуального преступления в отношении несовершеннолетней (его), которые внешне по своим физическим данным и манерам поведения выглядят как взрослая девушка (женщина) или мужчина, и к тому же намеренно вводит потенциального партнера в заблуждение относительно данного обстоятельства.

Толкование добровольного отказа от изнасилования и насильственных действий сексуального характера, данные в п. 7 Постановления, на первый взгляд, сводится лишь к воспроизведению положений ст. 31 УК РФ. Однако, на самом деле, Верховный Суд РФ подправляет законодателя, обращая внимание правоприменителей на то, что при покушении на изнасилование или на совершение насильственных действий сексуального характера преступление не доводится до конца по причинам, не зависящим именно от воли виновного. Дело в том, что в некоторых случаях несостоятельность преступника может зависеть от него (скажем, неспособность педофила завести автомобиль, где родители оставили малолетнего ребенка с тем, чтобы угнать его и беспрепятственно овладеть жертвой), но это не делает неудачную попытку добровольным отказом. Однако в конечном счете и здесь придется изменить формулировку ч. 3 ст. 30 УК РФ по образу и подобию ранее действовавшей ч. 2 ст. 15 УК РСФСР 1960 г. [4].

Попутно отметим, что ранее действовавшее Постановление от 15.06.2004 № 6 (п. 6) более основательно разграничивало покушение и добровольный отказ применительно к рассматриваемым преступлениям. Еще более развернуто этот вопрос был раскрыт в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 4.

Еще одним упущением следует считать отсутствие законодательно закрепленного в уголовном праве определения «малолетнее лицо». Малолетний возраст служит одной из причин признания беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) от преступных посягательств сексуального характера, с чем соглашается и теория, и практика. Данный вопрос имеет принципиальное значение, так как даже при наличии невынужденного согласия малолетнего лица на половой контакт содеянное все равно признается изнасилованием или насильственным действием сексуального характера. Такое согласие не имеет юридического значения, так как исходит от лица, не способного в полной мере понимать характер и значение совершенных с ним действий. В случае если согласие на совершение в отношении себя каких-либо сексуальных манипуляций дает несовершеннолетнее лицо, не относящееся к категории малолетнего, составы рассматриваемых преступлений отсутствуют. Следовательно,

для правильной квалификации рассматриваемых преступлений возникает необходимость определить, кто же относится к категории малолетних, тем более что уголовный закон такого понятия не содержит и не раскрывает его. Таким образом, по нашему мнению, под малолетним в уголовном праве следует понимать лицо, не достигшее возраста 12 лет, а лицо, не достигшее возраста 16 лет, обозначать как «подростка».

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Беспомощное состояние несовершеннолетних (малолетних) потерпевших (потерпевшего) от насильственных половых посягательств представляет собой физическую и психическую беспомощность. При физической беспомощности потерпевшая не может воспрепятствовать, т. е. оказать сопротивление преступнику в изнасиловании, а при психической беспомощности она не может понимать или верно оценивать характер и значение совершаемых с нею преступных действий со стороны виновного лица.

2. Разграничение изнасилования и преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, необходимо проводить по особенностям объективной стороны, которая, несмотря на общий признак насилия, характеризуется разными действиями и способами сексуального характера, а также видами удовлетворения половых потребностей.

3. В отличие от изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) при понуждении к действиям сексуального характера способы воздействия на потерпевшее лицо самые разнообразные, которые исчерпывающе указаны законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 133 УК РФ.

4. При демонстрации порнографических материалов одновременно мальчику и девочке, не осознающих сути совершаемых с ними действий, ради последующего вступления с ними в половой контакт, совершенное мужчиной в отношении не достигшей 12 лет девочки, надлежит квалифицировать по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, а в отношении мальчика того же возраста — по ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (идеальная совокупность, грозящая виновному резким усилением окончательного наказания). Налицо идеальная совокупность преступлений, и действия виновного надлежит квалифицировать по обоим составам — п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. В случае если те же деяния совершит женщина, то они будут квалифицированы только по ч. 1 ст. 30, п. «б» ст. 132 УК РФ. Дабы избежать эту коллизию, законодатель должен четко определить свою позицию по отношению к так называемым извращенным половым актам — равнозначны ли они естественному соитию или нет? Если нет, то ответственность и наказание за них должны отличаться от карательной реакции на изнасилование. Если равнозначны, то ответственность и наказание за них должны содержаться в одной статье УК РФ.

5. Отсутствие законодательно закрепленного в УК РФ определения «малолетнее лицо» следует считать упу-

щением, поскольку малолетний возраст служит одной из причин признания беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей) от преступных посягательств сексуального характера, с чем соглашается и теория, и практика. Данный вопрос имеет принципиальное значение, так как даже при наличии невынужденного согласия малолетнего лица на половой контакт содеянное все равно признается изнасилованием или насильственным действием сексуального характера.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2015. № 1.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 1.
3. Андреева, Л. А., Ценгел С. Д. Квалификация изнасилований: учеб. пособие. СПб., 2004. с. 11–13; Красиков А. Н Преступления против личности: учеб. пособие. Саратов, 1999. с. 111–112 и др.
4. См. подробнее: Дронова Т. Н., Милюков С. Ф. Неоконченное преступление // Уголовное право России. Общая часть / под. ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб.: МИЭП, 2009. с. 321.

Как видно из содержания большинства предлагаемых в настоящем параграфе новаций, они не могут быть реализованы в рамках официального (судебного) и научного (доктринального) толкования. Требуется системная реконструкция не только норм об уголовной ответственности за половые преступления, но и всего УК РФ, включая его Общую часть. Эта фундаментальная задача может быть решена лишь в рамках новой кодификации российского уголовного законодательства.

Уголовная ответственность за незаконное обналичивание денежных средств

Фетисенкова Татьяна Сергеевна, аспирант

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

Незаконное обналичивание как составная часть теневой экономической деятельности, как правило, тесно связано с уклонением от уплаты налогов, коррупционными и иными преступлениями, что осложняет задачи уголовно-правовой превенции. Эффективность уголовно-правовой борьбы с незаконным обналичиванием денежных средств («обналичкой»), особенно актуальна в период ориентации экономики на внутренние ресурсы, в том числе финансовые в условиях санкций. Выявлены тенденции развития уголовно-правовой борьбы с «обналичкой», критически анализируются подходы к решению этой проблемы уголовно-правовыми средствами.

Ключевые слова: незаконное обналичивание денежных средств

Незаконное обналичивание, сопровождающееся выводом денежных средств не только из под налогообложения, а и из легального оборота, принято, особенно в современных сложных для России внешнеэкономических условиях, относить к числу наиболее опасных вызовов и угроз финансовой безопасности. При этом, главной проблемой исследователи и правоприменители считают несовершенство законодательной базы [1].

Незаконное обналичивание денежных средств, имеющее в деловом обороте — «обналичка», представляет собой классический пример теневой экономической деятельности, известный ещё в советский период. Первый уголовно-правовой запрет такого рода деятельности был введен 10 февраля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» [2]. При этом УК РСФСР такого состава преступления не содержал, со-

ответственно, виновные осуждались по упомянутому Указу и наказывались лишением свободы на срок от 3 до 5 лет. Для реализации наказуемой деятельности предприятия накапливали резерв наличных средств, оборот которых между юридическими лицами не допускался. Эти средства тогда получали путем обналичивания банковских кредитов, а также премиальных фондов, полученных за приписанную продукцию [3, с. 96]. Уголовно-правовой запрет не имел должного эффекта и аналогичные указы и постановления правительства принимались с интервалом 5–6 лет.

При переходе к рынку возможности и объемы «обналички» существенно выросли. В 1990-е годы широко использовались фиктивные платежные поручения, чеки, кредитовые авизо, векселя и т. п. [4, с. 128] При этом уголовное законодательство, как и его доктринальные источники, явно отставали от динамики развития рынка «черного нала». Так, например, комплексные исследования

мнимых и притворных сделок, проявляющих недобросовестность налогоплательщика, содержащие междисциплинарный анализ, появились лишь относительно недавно [5, с. 19].

Сегодня, когда утвердилось понимание того, что исключительно уголовно-правовых мер борьбы с «обналичкой» явно недостаточно, в этой сфере применяются правовые инструменты также финансового и административного, детально, с учетом международных норм, регламентированы процедуры контроля в денежном обращении. Методики выявления способов извлечения необоснованной налоговой выгоды фирмами-«однодневками» прописаны в инструктивных документах ФНС РФ [6]. Обширная судебная практика в совокупности с решениями ФАС РФ образовали единство судебной практики при оценке налоговых вычетов по НДС, обоснованности включения расходов, уменьшающих налогооблагаемую прибыль, затрат по хозяйственным операциям с контрагентами. Часто при рассмотрении дел в арбитраже и в ФАС вскрываются факты виртуальной (по отчетности) имитации хозяйственных операций, подписи неустановленных лиц на платежных документах, фиктивного исполнения субподрядных работ, привлечения контрагентов к реализации схем по незаконному обналичиванию денежных средств, а также государственной регистрации юридических лиц без цели экономической деятельности, а с целью незаконной конвертации безналичных денежных средств в наличные [7]. Большое значение, в плане преюдиции, в такого рода арбитражных делах имеет вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу с установлением факта незаконного обналичивания денежных средств, а также фиктивных сделок [8].

Действующая нормативная база и система правоохранительных институтов, на сегодня ещё не обеспечивают должную эффективность в борьбе с «обналичкой», которая превратилась в теневой сектор финансовых услуг. На сегодня, «обналичка» — это процесс фальсификации затрат юридического лица для извлечения необоснованной налоговой выгоды. Производя эту незаконную операцию, предприятие сокращает сумму налогов, а деньги за вычетом процентов (оплата преступных групп, обеспечивающих «обналичку») предприятие возвращает себе наличными. «Обналичка» нарушает рыночное равенство хозяйствующих субъектов. Незаконное преимущество получают те, кто уклоняется от налогов, тогда как остальные либо несут убытки, либо вынуждены также вступать в процесс незаконного обналичивания.

Большинство схем «обналички» построены на заключении мнимой сделки, оформляемой с помощью фальсификации бухгалтерских документов (акты выполненных работ, счета-фактуры и т. д.), на базе которых в налоговую отчетность заказчика вносятся заведомо ложные сведения. В ходе сделки заказчик перечисляет оплату на расчетный счет исполнителя, который по фиктивным документам эти средства для заказчика обналичивает, удерживая свой процент. Помимо этого используются и другие способы

(приобретение у физических лиц (подчас вымышленных) неликвидных векселей по номинальной стоимости и т. п. Уязвимым местом в анализируемой преступной деятельности всегда остается необходимость непрерывного поиска новых клиентов, желающих вступить в незаконную сделку. Таким образом, невозможно полностью обеспечить надлежащую конспирацию. Также необходимо аккуратно вести фирмы-однодневки и сдавать по ним налоговую отчетность.

Квалификация действий участников «обналички», несмотря на известность, типичность и ясность их действий, представляет определенные сложности, что связано с наличием признаков нескольких экономических преступлений. Отсюда квалификация чаще всего проводится по совокупности.

Традиционные заказчики «обналички» — предприниматели, стремящиеся «минимизировать», т. е. уклониться от налогообложения, подлежат уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в соответствии со статьями 198 или 199 УК РФ [9]. Также такого рода действия как правило, сопровождаются подделкой документов (ст. 327 УК РФ). Регистрация фирмы-«однодневки» для уклонения от уплаты налогов, влечет уголовную ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 198 (199) и 173.1, 173.2 УК РФ. Действия руководителей фирмы-«однодневки» занимающейся «обналичкой» могут быть квалифицированы по статьям 173.1 и 173.2 УК РФ). В связи с тем, что данные преступления совершаются, как правило, организованной группой лиц по предварительному сговору, что может иметь дополнительный квалифицирующий признак по ст. 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации)).

Действия руководителей банка (главного бухгалтера), причастных к «обналичке» могут быть квалифицированы по ст. 172 УК РФ (Незаконная банковская деятельность), а также ст. ст. 173 и 327 УК РФ.

В период мирового экономического кризиса 2008—2010 гг. и при преодолении его последствий статистика МВД РФ отмечала рост налоговых преступлений. После достаточно длительного затишья в марте 2012 г. специальная комиссия под руководством В. Зубкова выявила нелегально вывезенные из России 130 млрд. рублей, после чего были проведены обыски в Фондсервисбанке (входит в 110 крупнейших российских банков по размеру активов) и Мастер-банке (в числе 50 крупнейших банков). После пресечения в декабре 2012 г. деятельности группы лиц, обналичивших через систему электронных переводов ФГУП «Почта России» 15 млрд. руб. Росфинмониторинг и МВД РФ выступили с инициативой ужесточения наказаний за незаконное обналичивание денежных средств. Далее, в 2013—2017 гг. в сфере уголовной политики преобладала тенденция ужесточения наказания за различные виды преступлений. В этом же русле виделся и путь борьбы с «обналичкой» — ужесточение санкций.

В современных условиях практически все работники полагают, что «обналичку» следует квалифицировать по

более «тяжелым» статьям УК РФ. Речь идет о приравнивании «обналичка» к криминальной легализации денежных средств (ст. 174 УК РФ). Аргумент здесь состоит в том, что эти средства являются также результатом преступления — уклонения от уплаты налогов. На практике, такая квалификация применяется в случае если предприятие, созданное преступной группой, получает финансирование из процента от «обналички». Это и есть легализация или отмывание денежных средств. В случае оказания услуг в виде совершения финансовых операций и сделок с деньгами и активами, заведомо полученными преступными иными лицами (при заведомой осведомленности об этом), ответственность будет наступать по ст. 174 УК РФ.

Сегодня уголовные дела возбуждаются в основном по ст. 172 УК РФ (до семи лет лишения свободы), которая нередко перекалывается в ст. 171 УК РФ, предполагающую санкцию до пяти лет лишения свободы. Международная практика отличается значительной жесткостью и большей чем в России суровостью наказаний, особенно за отмывание денег. В том числе применяются крупные штрафы. [10].

Меры профилактики «обналички» предлагаемые в литературе [11, с. 38], а затем перекочевавшие в методические рекомендации судов [12] нередко представляются наивными. Так А. Новоженев предлагает, а соответственно, Судебная коллегия по уголовным делам Волгоградского областного суда рекомендует, в специальных методических указаниях активно рассказывать в средствах массовой информации о «негативных последствиях, претерпеваемых в местах лишения свободы, осужденными за экономические преступления». При этом, суд полагает, что просто публикация информации об осуждении этих лиц не имеет эффекта устрашения и не дает «потенциальным преступникам» понять «тяжесть и степени лишений в местах заключений». Мало того, что данная мера имеет сомнительную эффективность воздействия, она ещё и противоречит концепции реформирования уголовно-исполнительной системы [13], которая не предусматривает живописание «ужасов» пребывания «на зоне». Более того, в рамках той же Концепции реализуется политика назначения наказаний по экономическим преступлениям без лишения свободы.

Те же авторы рекомендуют «установить государственный контроль над изготовлением печатей и штампов»

организаций, аргументируя это тем, что «на сегодняшний день можно запросто изготовить по оттиску печать абсолютно любой организации, что упрощает процедуру подделки документов — один из этапов незаконного обналичивания денег». Конкретная форма «государственного контроля» не предлагается.

Для выработки эффективных мер борьбы с «обналичкой» необходимо выявить её причины, которые необходимо рассматривать, прежде всего в контексте бурно развивающегося в России теневого сектора экономики и коррупции. Основным побудительным мотивом «обналички» является стремление снизить налоговую нагрузку, т. е. присутствует корыстный мотив. В то же время, в экономике фактически институализированного отката, неучтенные наличные средства необходимы для выплаты отката, без которого фактически невозможно получить желаемый заказ (контракт). Кроме того, неучтенные наличные необходимы для взяток представителям власти и надзорных органов, а также для расчетов с работниками — нелегальными мигрантами.

Таким образом, без оздоровления ситуации в экономике, реальной (не на словах) борьбы с коррупцией исключительно уголовно-правовыми средствами с «обналичкой» не справиться. Можно согласиться с экспертами в том, что применение лишь уголовно-правовых мер борьбы с «обналичкой» способно лишь стимулировать рост цен на эти услуги, причем эта маржа пойдет, по мнению экспертов, «на кормление надзирающих органов» [14].

При оценке путей и методов минимизации данного негативного явления мы исходим из того, что простое ужесточение санкций способно привести лишь к перекалыванию мелких преступлений в крупные, в результате чего при возросшей нагрузке на надзорные органы и правоохранительную систему станет проще скрыть действительно масштабные операции. Кроме того, ужесточение санкций улучшит статистику раскрываемости ставших «крупными» преступлений, что создаст видимость борьбы с незаконным отмыванием денежных средств. Таким образом, общая тенденция ужесточения санкций, прослеживаемая в последний год в законотворческой практике, при кажущейся простоте и «верности» её действия в борьбе с «обналичкой» не даст требуемого эффекта.

Литература:

1. Сизов, В.А. Проблемы выявления и пресечения преступлений, связанных с незаконным обналичиванием денежных средств и созданием «Фирм-однодневок» // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 2 (38). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vyyavleniya-i-presecheniya-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-obnalichivaniem-denezhnyh-sredstv-i-sozdaniem-firm-odnodnevok> (дата обращения: 04.05.2017).
2. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 8.
3. Чуднов, И. Новый взгляд на послевоенную конверсию (Вторая половина 40-х гг.) // Свободная мысль XXI. 2000. № 9.
4. Отряхин, В.И. Методика расследования хищений в сфере банковской деятельности: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2001.

5. Савсерис, С. В. Категория «недобросовестность» в налоговом праве: дис. канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2006.
6. Приказ ФНС РФ от 30 мая 2007 г. (в ред. от 10.05.2012) № ММ-3-06/333@ «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок». Письмо ФНС РФ от 24 мая 2011 г. № СА-4-9/8250.
7. Постановление ФАС Поволжского округа от 09.11.2011 по делу № А12-10452/2010; Постановление ФАС Поволжского округа от 03.05.2012 по делу № А12-12824/2011 и др.
8. Постановление ФАС Московского округа от 18.09.2012 по делу № А40-134326/11-129-558; Постановление ФАС Поволжского округа от 11.10.2011 по делу № А12-2810/2011 и др.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 17.04.2017) № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Шклярчук, М. С. Незаконное «обналичивание денежных средств»: сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за данное деяние в России и Германии // Нотариальный вестник. 2011. 14 декабря. № 12. [Эл. ресурс]. URL: http://www.notariat.ru/hot/press_4417_21.aspx.
11. Новоженев, А. Пойманы с обналиченным: ответственность участников серых схем // Экономические преступления. 2009. № 3.
12. Незаконное обналичивание денежных средств. Методические рекомендации Судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда. Волгоград, 2010 // Октябрьский районный суд г. Волгограда. Официальный сайт. [Эл. ресурс]. URL: http://oktab.vol.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=12
13. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Российская газета (Федеральный выпуск). 2011. 8 марта.
14. Еремина, Н., Паперная И. Соблюдайте чистоту! // Профиль (der Spiegel). 2012. 11 мая.

Ответственность за создание финансовых пирамид в Российской Федерации и Республике Казахстан

Чудиновских Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург)

В качестве объекта исследования выбрано законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан. В работе использован метод сравнительно-правового анализа. На первом этапе определены экономические и правовые признаки финансовых пирамид, на втором этапе проведено сравнение законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан. По результатам сравнительного анализа предложены рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: финансовые пирамиды, уголовная ответственность, Российская Федерация, Республика Казахстан

Понятие финансовой пирамиды, ее экономические и правовые признаки. В условиях развития рыночных отношений Российская Федерация и все страны постсоветского пространства столкнулись с проблемой финансовых пирамид. Несмотря на большой отрицательный опыт, который возник у граждан в 90-е годы от деятельности «МММ», «Хопер-Инвеста», «Властелины», и в наше время создатели финансовых пирамид продолжают привлекать людей.

На основании анализа научной литературы [3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10] можно выявить наиболее значимые признаки финансовых пирамид. К ним следует отнести:

1. Обещание высокой гарантированной доходности вложений (выше среднерыночной доходности), быстрого обогащения, получения высокой прибыли. При средней ставке банковских вкладов до 10% годовых, создатели

финансовых пирамид привлекают потенциальных жертв доходностью в 30%, 50%, а иногда и 100% годовых.

2. Отсутствие специальных лицензий на осуществление деятельности. Деятельность на финансовых рынках России и Казахстана подлежит обязательному лицензированию. Однако финансовые пирамиды осуществляют свою деятельность не только без лицензии, но часто даже без государственной регистрации в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя.

3. Использование финансовых инструментов, не описанных действующим законодательством. Необходимо констатировать то, что финансовое законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан обладает определенной инерцией. Например, сравнительно недавно в нормативных актах появилось регулирование рынка Форекс [9]. Создатели финансовых пирамид ссылаются на

возможность заработка путем вложения в ценные бумаги, золото, недвижимость.

4. Агрессивная реклама. Экономический эффект от создания финансовой пирамиды тем сильнее, чем активнее ее реклама. В настоящее время реклама финансовых пирамид с традиционных носителей переместилась в Интернет. Отсутствие должного законодательного и государственного контроля за рекламой в Интернете создает благоприятные условия для быстрого продвижения финансовых пирамид.

5. Выполнение обязательств перед частью инвесторов за счет поступления финансовых средств от новых вкладчиков. Этот критерий является основным при уголовно-правовой квалификации деяния. Несмотря на данные обещания, привлеченные средства сначала тратятся на поддержание видимости успешной деятельности и обогащение создателей. Реальная инвестиционная деятельность не осуществляется.

6. Неизбежный крах финансовой пирамиды, в результате которого причиняется ущерб лицам, внесшим денежные средства. Исторический опыт показывает, что ущерб может исчисляться миллионами, а в ряде случаев и миллиардами рублей [3]. Интересен тот факт, что многие люди, даже осознавая риск потери средств, вступают в финансовые пирамиды, мотивируя свое поведение тем, что они успеют получить прибыль до ее краха.

В целях противодействия деятельности по созданию финансовых пирамид и вовлечению в нее граждан необходимо повышение уровня финансовой грамотности, а также установление уголовной ответственности. Далее представлены результаты сравнительного анализа уголовной ответственности за создание финансовых пирамид в Республике Казахстан и Российской Федерации.

Ответственность за создание финансовых пирамид по законодательству Республики Казахстан. В Республике Казахстан ответственность за создание финансовых пирамид предусмотрена статьей 217 Уголовного кодекса [1]. Данная статья дает определение понятию «финансовая пирамида»: «организация деятельности по извлечению дохода (имущественной выгоды) от привлечения денег или иного имущества либо права на него физических и (или) юридических лиц без использования привлеченных средств на предпринимательскую деятельность, обеспечивающую принятые обязательства, путем перераспределения данных активов и обогащения одних участников за счет взносов других» [1]. В представленном определении основной акцент сделан на описании модели финансовой пирамиды, при которой выплаты одним участникам осуществляются за счет других.

Уголовная ответственность за создание и руководство финансовой пирамидой установлено независимо от величины ущерба. Минимальным наказанием является штраф или лишение свободы на срок до трех лет. Положительно следует оценить установление наказания в виде конфискации имущества.

В случае, если деяние совершено в крупном размере, срок лишения свободы составляет от трех до семи лет.

Если же преступление совершено в особо крупном размере, срок лишения свободы составляет от пяти до двенадцати лет. Наиболее строгое наказание установлено для лиц, которые создали финансовую пирамиду, занимая при этом ответственную государственную должность — помимо лишения свободы и конфискации предусмотрено пожизненное лишение права занимать определенные должности.

Специфика установления ущерба по законодательству Республики Казахстан заключается в том, что он определяется не фиксировано в национальной валюте, а привязывается к величине «месячных расчетных показателей». Это показатель устанавливается ежегодно с учетом инфляции и составляет в 2017 г. 2269 тенге. Особо крупным размером для статьи 217 является размер ущерба более 5 тыс. месячных расчетных показателей. Эта сумма составляет примерно 2 млн. рублей. Установление величины крупного ущерба представляется безупречным с учетом перспектив гармонизации законодательства Евразийского экономического союза. Представляется, что в перспективе необходимо либо установить размеры ущерба в единой валюте, либо в евро или долларах.

Ответственность за создание финансовых пирамид по законодательству Российской Федерации. Несмотря на остроту проблемы финансовых пирамид в Уголовный кодекс Российской Федерации статья 172.2. «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества» была введена лишь в 2016 г [2]. До введения этой статьи создатели финансовых пирамид привлекались к ответственности по статье «Мошенничество» [4].

Новая статья не использует термин «финансовая пирамида». Вместо этого дается определение: «организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества физических лиц и (или) юридических лиц в крупном размере, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических лиц и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества, в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества». На основании представленного определения можно выделить следующие особенности установления уголовной ответственности:

— необходимо наличие крупного ущерба (подчеркнем, что законодательство Республики Казахстан предусматривает ответственность независимо от суммы ущерба);

— отсутствие инвестиционной или иной законной предпринимательской деятельности. При этом важно, что привлеченные средства должны использоваться в сопоставимом объеме. Так, если создатель финансовой организации привлек 100 млн. руб., то именно эти средства и должны ис-

пользоваться для предпринимательской деятельности. Использование небольшой суммы на реальное инвестирование не позволит избежать уголовной ответственности.

За совершение деяния в крупном размере российским законодательством предусмотрен штраф в размере до одного миллиона рублей, либо принудительные работы на срок до четырех лет, либо лишение свободы на срок до четырех лет. Российское законодательство не предусматривает таких мер наказания как конфискация или дисквалификация.

В ч. 2 ст. 172.2 УК РФ предусмотрен квалифицированный вид преступного деяния, отличающийся от основного состава предметом совершения преступления, а именно совершением деяния в особо крупном размере. В соответствии с примечанием ст. 169 УК РФ, особо крупным размером является стоимость, превышающая девять миллионов рублей. За совершение деяния в особо крупном размере установлен штраф в размере до одного

миллиона пятисот тысяч рублей, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на срок до шести лет.

Заключение. Подводя итог проведенному исследованию, следует положительно оценить внимание российского законодателя к проблеме финансовых пирамид. Статья 172.2 УК РФ устанавливает ответственность за подобные деяния. Однако сравнение российского законодательства с законодательством Республики Казахстан показало, что предусмотренное наказание является пока недостаточно серьезным. Представляется целесообразным ввести в российское законодательство в качестве наказания конфискацию имущества, а также предусмотреть возможность по дисквалификации виновных лиц. В перспективе уголовное законодательство Российской Федерации и Республика Казахстан нуждается в гармонизации в целях борьбы с международной финансовой преступностью.

Литература:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 06.05.2017 г.) // Казахстанская правда от 9 июля 2014 г. № 132 (27753)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.
3. Алабердеев, Р.Р., Латов Ю.В. Финансовые пирамиды как форма непроизводительного предпринимательства // Пространство экономики. 2010. № 2. с. 35–43
4. Белицкий, В. Ю. Формирование понятия мошенничеств, совершенных по принципу «Финансовых пирамид» // Известия АлтГУ. 2010. № 1–2. с. 73–76
5. Горловская, И. Г, Гимадиева И.И. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, проблемы // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2011. № 3. с. 166–171
6. Кушу, С. О, Ануфриева И. С. К вопросу о финансовых пирамидах // Научный вестник ЮИМ. 2015. № 4. с. 8–11
7. Назарова, Н.Л., Семенченко О.Д. Уголовно-правовая квалификация деятельности финансовых пирамид // Вестник КГУ. 2016. № 4. с. 232–235
8. Сафаров, И.Г. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества: юридико-технический анализ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). с. 112–114
9. Чудиновских, М.В. Мошенничество на рынке Форекс: пути профилактики и противодействия // Актуальные вопросы противодействия преступности: теория и практика. Сборник научных статей участников Международной научно-практической конференции (Коломна, 29 апреля 2016 г.). — Коломна, 2016. — с. 504–509
10. Чудиновских, М.В., Батурина Я.М. Финансовые пирамиды: понятие, признаки, законодательные средства противодействия // Право в современном обществе: актуальные вопросы. Сборник материалов международной научной научно-практической конференции. — Екатеринбург, 2013. — с. 77–79.

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Криминалистические экспертизы в раскрытии преступлений террористического характера

Зиберова Ольга Сергеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель;

Парунов Илья Михайлович, старший преподаватель

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

В современных условиях реальную угрозу национальной безопасности России, ее территориальной целостности, конституционным правам и свободам граждан представляет усиление терроризма в различных его форма [1, с. 61–64].

Провоцируя войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, терроризм, приобретающий все более разнообразные формы и угрожающие масштабы, относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности.

Эффективность борьбы с терроризмом предопределяет использование всех сил и средств, находящихся в распоряжении правоохранительных органов. По возбужденному уголовному делу помимо свидетельских показаний, результатов допросов подозреваемого (мых), результатов иных следственных действий, важное значение приобретает качество проведенных экспертиз по преступлениям, совершенным в сфере терроризма. При этом необходимо особенно отметить большой вклад в данную работу специалистов таких направлений, как фоноскопических, взрывотехнических, пожарнотехнических, судебно-биологических, автороведческих и портретных экспертиз и исследований [2, с. 297].

Фоноскопические экспертизы и исследования. В последнее время наблюдается устойчивая тенденция роста телефонных сообщений о заложенных взрывных устройствах или готовящихся взрывах, поступающих в органы полиции, органы ФСБ, государственные учреждения и частные структуры. Нередко такие сообщения являются ложными и делаются из мести или хулиганских побуждений. Звукозапись телефонного звонка об угрозе взрыва может стать единственным доказательством в уголовном деле, поскольку все поступающие по оперативному каналу связи сообщения фиксируются с помощью специальных регистраторов речи. В этом случае назначается фоноскопическая экспертиза, цель которой — идентифицировать по голосу и речи неизвестное лицо или диагностировать личностные характеристики неизвестного диктора по признакам его голоса и речи.

В ходе анализа выявляются основные индивидуализирующие параметры звуков и человеческой речи, которые после математической обработки составляют опреде-

ленную совокупность идентификационных признаков, используемых в процессе сравнительного исследования устной речи неизвестного и подозреваемого лиц. В производстве этих экспертиз участвуют одновременно два эксперта разной специальности — фонетик и акустик.

На основе комплексного исследования фонограмм с использованием методов акустического и лингвистического видов анализа эксперты получают информацию, необходимую для следствия.

Таким образом, внедрение новых методик в практику фоноскопической экспертизы позволяет успешно решать сложнейшие задачи производства идентификационных и диагностических исследований по фонограммам с сообщениями об угрозах террористических актов.

Автороведческие экспертизы и исследования. В случаях, когда сообщения о заложенных взрывных устройствах или готовящихся взрывах, поступают в письменном виде, поиск авторов проводится с использованием последних разработок в области автороведческой экспертизы.

Сотрудниками экспертных служб внесен значительный вклад в развитие теоретических и методологических основ данного рода экспертизы, выявлены общие и частные признаки, уравнивая организацию речевых навыков автора текста, выполненного рукописным, машинописным и полиграфическим способом.

Имеются научно-обоснованные методики, позволяющие устанавливать пол, возраст, родной язык, уровень образования, род занятий или профессию автора текста. Решение указанных вопросов имеет существенное значение для борьбы с терроризмом.

Взрывотехнические экспертизы и исследования. Для противодействия преступлениям террористического характера подразделения правоохранительных органов и спецслужб, занимающиеся обезвреживанием ВУ и их криминалистическим исследованием, должны быть вооружены новейшими техническими средствами, обеспечивающими безопасность людей и сохранение материальных объектов. Моторный И.Д. отмечает, что использование новейшей техники при производстве взрывотехнических экспертиз позволяет минимизировать временные затраты на их осуществление [3, с. 115–119.].

В настоящее время имеются разнообразные комплексы для проведения взрывотехнических экспертиз, которые используются для проведения многократных испытаний и уничтожения взрывчатых веществ и безосколочных взрывных устройств массой до 100 граммов в тротиловом эквиваленте. Комплекс позволяет определять объем газообразных продуктов взрыва и осуществлять их отбор для анализа на хроматографе или газоанализаторе.

Также созданы новые методики экспертного исследования взрывчатых веществ, изделий на их основе и следов взрыва, а также происходит внедрение современных информационных технологий.

Баллистические экспертизы и исследования. Совершение преступлений террористической направленности, как правило, связано с применением огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, поэтому важнейшим фактором успешного противодействия актам терроризма является совершенствование средств и методов судебно-баллистической экспертизы и их эффективное применение при расследовании преступлений подобного рода.

Террористическая деятельность приводит к трансформации заводского вооружения, появления новых, модернизированных, кустарно изготовленных видов оружия и боеприпасов, а также самодельных взрывных устройств. В этой связи экспертам-баллистам необходимо вести учет появляющихся видов вооружения и боеприпасов, взрывчатых веществ и самодельных взрывных устройств. Следует качественно совершенствовать криминалистические и оперативные учеты оружия, в том числе для быстрого обмена информацией между регионами и странами-партнерами по уголовно-правовой и уголовно-процессуальной юстиции.

Внедрение новейших технических средств и оборудования в экспертную практику значительно повышает эффективность баллистических экспертиз и исследований, в том числе и тех, которые проводятся по фактам террористических актов.

Судебно-биологические экспертизы и исследования. При осмотре мест совершения террористических актов особое значение имеют следы, которые не могут быть стерты или замаскированы самими следообразователями. На огнестрельном, холодном оружии, нательных масках (использованные в целях маскировки спортивные шапки, чулки и пр.), а также перчатках, веревках возможно наличие пота, крови, волос можно обнаружить следы биологических происхождения — источники ДНК-материала (кровь, эпителий, волосы с луковицей, слюна, пр.). Кроме того на этих же объектах можно обнаружить ольфакторные следы — источники индивидуального запаха человека. Важность исследования запаховых следов человека обусловлена возможностью индивидуальной идентификации участников готовящегося или совершенного террористического акта по их запаху с помощью собак-детекторов.

Портретные экспертизы и исследования. Одной из наиболее актуальных в практике раскрытия и расследо-

вания преступлений является проблема повышения эффективности применения информации о признаках внешнего облика человека в целях установления его личности. Важным направлением деятельности оперативных подразделений является совершенствование методической базы портретной экспертизы, в частности при использовании информации очевидцев о признаках внешности человека при составлении субъективных портретов (рисованные портреты, фотороботы, композиционные портреты), а также по фотоизображениям, видеозаписям, реконструкциям внешности по останкам черепа (метод Герасимова). Говоря о возможностях изучения внешних признаков человека, важное значение при установлении личности террориста приобретают методики профайлинга [4, с. 46–49.]. То есть выявление потенциального террориста по его внешним признакам и психологическим особенностям. Создание комплекса программного обеспечения для идентификации человека по признакам его внешнего облика позволило автоматизировать ряд этапов экспертного исследования, повысить точность расстановки на изображении лица человека антропометрических точек и вследствие этого увеличить достоверность выделяемых признаков внешности. Сейчас прототипом этой программы выступает комплекс «ОКО» [5, с. 41]. В целом значительно сократилось время, затрачиваемое экспертом на производство портретных экспертиз.

Повышение эффективности экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений террористического характера в настоящее время невозможно без интенсивного развития новых, технически емких видов экспертиз и исследований, в частности, взрывотехнических, баллистических, судебно-биологических, фоноскопических, автороведческих, судебно-баллистических, портретных. Однако интенсивное развитие экспертиз и исследований названных родов может быть достигнуто только при выполнении определенных условий.

Во-первых, для укрепления их материально-технической базы, совершенствования соответствующего методического и информационного обеспечения требуется адресная финансовая поддержка. Во-вторых, необходимо развитие тесного международного сотрудничества в области противодействия терроризму и методикам производства экспертиз по преступлениям, совершенным в этой сфере в том числе.

Значимость криминалистических экспертиз состоит в их использовании в качестве доказательств по уголовным делам. Важное значение приобретает деятельность практических сотрудников органов, ведущих борьбу с терроризмом, по квалифицированной работе с вещественными доказательствами (следователей, дознавателей, оперативных уполномоченных, специалистов-кинологов, взрывотехников и других лиц), участвующих в осмотрах мест происшествий по делам о терроризме и остальных следственных действий.

Литература:

1. Зиберова, О. С. Проблемы выявления фактов финансирования терроризма / Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (45). с. 61–64
2. Артамонов, И. И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования. Монография. — М.: Изд-ль Шумилова И. И., 2002.
3. Моторный, И. Д. Теоретические проблемы криминалистической взрывотехники // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М., 2008.
4. Зиберова, О. С. Зарубежный и отечественный опыт использования профайлинга для обеспечения безопасности на транспорте / Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. № 1 (47). с. 46–49.
5. Сахарова, Е. Г. Значение следственных версий при выборе тактики осмотра места происшествия по делам о причинении вреда здоровью // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 3.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Об имплементации международно-правовых норм

Бобровский Андрей Алексеевич, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)

Как известно, одной из главных тенденций в современном мироустройстве является развитие процессов интернационализации, интеграции и глобализации государств. Постепенно теряют свою актуальность идеологические, межнациональные и межконфессиональные разногласия. Развиваются демократические институты обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина, происходит усиление влияния мировых межправительственных организаций, человечество начинает осознавать необходимость единства для решения возникающих глобальных проблем.

В связи с этим, в полнее естественно, расширяется и область применения международных правовых норм. Однако сами эти нормы являются результатом отбора наиболее прогрессивных идей, заложенных в праве государств, то есть национальном праве. Поэтому закономерность в развитии права на современном этапе такова, что прослеживается углубление взаимодействия международного и внутригосударственного права. По мнению С. Г. Дзыбовой, это отражает «углубление взаимодействия национального общества с мировым сообществом» [2].

Все эти процессы были бы трудно представляемы без института имплементации. Имплементация международных норм в национальное законодательство, бесспорно, имеет трудно переоценимое значение. Она одновременно является фактической реализацией международных обязательств, а также способом включения норм международного права в национальную правовую систему и способствует «созданию облика и формированию характера процессуальной правовой основы механизма защиты субъективных гражданских прав» [6]. Имплементация включает в себя юридические процедуры в их совокупности и взаимосвязи, а так же последовательность осуществления этих процедур, выражающейся в судебной защите прав и свобод на различных уровнях.

Что же такое имплементация? В переводе с английского, «implementation» означает осуществление, выполнение. Что касается «словарного» толкования, имплементация — «это фактическая реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне; осуществляется путём трансформации международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты» [8. С. 118]. Весьма интересны толкования этого понятия со сто-

роны правоведов. Так, С.А. Раджабов понимал имплементацию как организационно-правовую деятельность субъектов международного права, которая предпринимается ими либо самостоятельно (внутригосударственный уровень), либо совместно с иными субъектами, направленная на осуществление и реализацию целей на международном уровне, так и на национальном уровне в рамках реализации принятых государствами обязательств [7]. По мнению В.В. Милинчука имплементация есть трансформация международного инструмента в политику государства или его законодательство [5, 41]. О.В. Белянская и О.А. Пугина, рассматривая имплементацию с призм российского законодательства, пришли к выводу, что имплементация — «совокупность процедур и средств, которые способствуют повышению эффективности реализации прав и свобод человека и общей культуры российского общества» [1, с. 15–18]. Весьма «расширенное» толкование дала Т.И. Курносова — «имплементация — это процесс, в ходе которого соответствующие субъекты, которым адресована норма, действуют в соответствии с ее положениями» [4, с. 204–209].

В науке термин имплементация часто употребляется с такими категориями, как «трансформация», «адаптация», «инкорпорация», «рецепция», «легитимация», «отсылка», «исполнение», «применение». Некоторые учёные рассматривают как синонимичные понятия. (В частности, эти мнения разделял В.Н. Гаврилов, который считал теории инкорпорации и трансформации равноценными по отношению к теории имплементации [3 с. 43]). Другие же говорят о том, что понятие имплементации широко, оно включает в себя различные части, такие как трансформация, рецепция, инкорпорация и т. п., которые являются лишь её способами. О.В. Белянская и О.А. Пугина, придерживаясь последней позиции, тем не менее, выделяют и отличительные основания категорий «рецепция» и «имплементация». Так, по их мнению, исходя из субъективного фактора, рецепция возможна как проявление политики государства посредством воли субъектов политической власти, тогда как имплементация происходит «при условии существования историко-культурных оснований для адаптации правовых элементов другой правовой системы». Более того, они говорят о том, что конечный результат у рецепции и имплементации раз-

личен — если у первой международная правовая норма адаптируется под сложившиеся в правовой системе традиции, культуру, то у другой — происходит полное заимствование правовой нормы, с последующей возможностью трансформации. [1. с. 17]

Таким образом, можно увидеть различные взгляды на имплементацию и её соотношение со своими элементами. Они, по сути, зависят от теории, которую придерживается тот или иной правовед. Но нельзя отрицать того, что имплементация — это воплощение нормы в национальное законодательство. Имплементацию по сути можно назвать одной из форм взаимодействия и взаимовлияния различных правовых культур и даже систем друг на друга.

Одной из проблем, но, в тоже время и одним из условий имплементации международных норм в национальное законодательство является вопрос их соотношения с нормами внутригосударственными. Он не нов, существует множество дающих ответ на него теорий, среди которых выделяют три направления — дуалистическое и два монистических.

И если суть дуализма проста — международное и внутригосударственное право рассматриваются как два различных правопорядка, которые «соприкасаются, но не пересекаются», то монистические концепции ставят соотношение «ребром», выделяя примат одного над другим.

На современном этапе наибольшее распространение получили именно монистические взгляды, ведь как показывает практика, нормы международного и национального права всё более и более переплетаются, в том числе благодаря заключению странами международных договоров, соглашений, принятию обязательств и т. п. Интеграция международных норм в национальные правовые системы диктуется глобализацией, которая, в свою очередь «подталкивается» переходом стран на капиталистические системы экономик и соответственно, развитием рыночных отношений. Однако, как бы ни было, во многих государствах до сих пор остается неразрешённым вопрос о соотношении, национального законодательства с международными нормами. Не исключение из этого и Россия, в которой так же имеются взгляды касаясь примата той или иной системы права.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ. Законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны ей противоречить. В ч. 4 ст. 15 указано, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Данное положение Основного закона было также закреплено и в ст. 5 ФЗ от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации». Но для того, чтобы обезопасить Отечественную национальную правовую систему от имплементации некоторых

«негативных» норм, содержащихся в международных договорах и соглашениях, которые противоречили бы заложенным Конституцией основам, был, как известно, создан особый механизм защиты: полномочиями по разрешению дел о соответствии Конституции РФ не вступивших в силу международных договоров РФ в соответствии с п. г ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, а так же п. г ч. 1 ст. 3 ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде РФ» был наделён Конституционный Суд РФ.

Именно базируясь на данных нормах, некоторые правоведы и делали выводы о примате международного права [2].

Однако, с вынесением Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П г, а так же последующими изменениями в национальном законодательстве, коснувшимся расширения полномочий Конституционного Суда, ситуация с приматом той или иной системы права, на наш взгляд, разрешилась в пользу национального. Напомним, что предметом проверки Конституционного Суда стал ряд норм российского законодательства, касающихся признания Россией юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее ЕСЧП). В данном Постановлении была отражена позиция Конституционного Суда, согласно которой, по сути, не все решения ЕСЧП должны беспрекословно исполняться Россией. Так, в абз. 2 п. 2.2 Постановления было отмечено, что ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции России и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации. В абз. 4 отмечено, что в ситуации, когда самим содержанием постановления Европейского Суда по правам человека, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции о защите прав человека и основных свобод, интерпретированных ЕСПЧ в рамках конкретного дела, неправомерно — с конституционно-правовой точки зрения — затрагиваются принципы и нормы Конституции РФ, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции РФ.

Конечно, после вынесения Конституционным Судом данного Постановления, среди различных исследователей возникли споры по данному акту, касаясь правомерности его «появления» (в праве ли вообще был Конституционный Суд его издать). Однако со стороны законодателя последовали шаги, расширившие полномочия Конститу-

ционного Суда и поэтому, по сути, одобрявшие его действия. Поэтому, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что в России сейчас укрепился примат именно национального права.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что примат той или иной системы права строится исключительно на внутреннем суверенитете страны.

Литература:

1. Белянская, О. В., Пугина О. А. Условия имплементации международно-правовых норм в российское законодательство. // Право и политика. 2005. № 8. с. 15–18.
2. Дзыбова, С. Г. Общие закономерности имплементации норм международного права в национальное законодательство // [Режим доступа] <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-zakonovernosti-implementatsii-norm-mezhdunarodnogo-prava-v-natsionalnoe-zakonodatelstvo>
3. Гаврилов, В. В. Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. 2001. № 2. с. 39–61.
4. Курносков, Т. И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53) апрель с. 203–209.
5. Милинчук, В. В. Проблемы и перспективы совершенствования механизмов имплементации международных инструментов в области предупреждения преступности и борьбы с ней // Государство и право. 2005. № 1. с. 41.
6. Минина, Н. В. Проблемы имплементации норм международного права в российской правовой системе // [Режим доступа] <https://cyberleninka.ru/.../problemy-implementatsii-norm-mezhdunarodnogo-prava-v-...>
7. Раджабов, С. А. Имплементация норм международного гуманитарного права в Республике Таджикистан: проблемы теории и практики. Автореферат докторской диссертации по юридическим наукам <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-yuridicheskie/a351.php>.
8. Энциклопедический юридический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. с. 118.

Однако не стоит забывать, что отказаться от международных норм, либо сделать их полностью не обязательными для своего исполнения, современные государства не могут. А для того, чтобы норма наиболее «гармонично» вошла в систему национального права, не нарушая при этом исторические правовые традиции государства, как раз и нужна имплементация с ее различными инструментами.

Влияние политических и экономических санкций на внешнеэкономическую деятельность Российской Федерации

Глечян Грануш Андраниковна, магистр;

Научный руководитель: Бахновский Александр Викторович, кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

В статье проанализировано влияние международных экономических санкций на российскую экономику и экономическую политику, причины их возникновения и отрасли, которые они охватили. Рассмотрены возможности импортозамещения в сложившихся экономических условиях. Также в связи с этим были рассмотрены основные положительные и отрицательные стороны их введения, и основные пути противостояния им. Предложены направления развития государственной политики, учитывающие введенные против страны экономические санкции.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, политические и экономические санкции, российская экономика, антироссийские санкции, санкционная политика, продовольственное импорт, экспорт, эмбарго, национальная экономика, сельское хозяйство, социально-экономическое положение

Внешняя политика России, представляющая собой «один из важнейших инструментов поступательного развития страны, обеспечения ее конкурентоспособности в глобализирующемся мире, немыслима без активной внешнеэкономической политики, испытывающей на себе влияние антироссийских санкций. Европейский союз и США, как наиболее инициативные участники антироссийской экономической пропаганды,

начиная с 2014 года, приложили максимум усилий для обеспечения роста курса валют, падения цен на нефть. «Атаке» подверглись наиболее развитые сферы отечественной экономики, в том числе, нефтяная отрасль, металлургия.

Ограничения во внешней торговле приводят к поиску альтернативных решений во внешнеэкономической деятельности, т. к. внутренний межсубъектный обмен то-

варами и услугами не способен обеспечить оптимальных экономических показателей.

Инициатором введения санкций с целью международной изоляции России стало руководство США, под давлением которого, рискуя понести экономический ущерб, к санкциям присоединились страны Евросоюза. Данные ограничения также поддержали государства Большой семёрки и некоторые другие страны, являющиеся партнёрами США и Европейского Союза.

Одни эксперты считают, что санкции стали одной из причин финансового кризиса в России, а другие считают, что причиной кризиса были не санкции, а снижение цен на нефть. Страны Евросоюза испытали негативное влияние, как от своих собственных санкций, так и от ответных действий России. В проекте «Основных направлений денежно-кредитной политики на 2016–2018 гг.», разработанном Центральным банком РФ, введённые против России санкции названы в числе главных факторов, которые будут препятствовать росту российской экономики в период 2016–2018 гг. Так оцениваемые темпы годового роста лежат в пределах от 0 до 0,6% в сравнении с ожиданиями МВФ, что мировая экономика в этот период будет расти: среднегодовой темп её роста в 2014–2018 гг. составит 3,6%.

Доклад ООН «World Economic Situation and Prospects 2015 Update as of mid-2015» назвал санкции в числе трёх основных факторов, вместе с падением цен на нефть и вооружённым конфликтом на востоке Украины, приводящих к сокращению потенциала роста суммарного ВВП СНГ в 2015–2016 гг.

3 года назад, в середине марта 2014 года, после того как Россия, вопреки прозвучавшим предупреждениям, признала итоги общекрымского референдума, поддержала одностороннее провозглашение независимости Республики Крым и приняла её в состав своего государства, США, Евросоюз, Австралия, Новая Зеландия и Канада ввели в действие первый пакет ограничительных мер, предусматривающих замораживание активов и введение визовых ограничений для лиц, включённых в специальные списки (США и ЕС), а также запрет компаниям стран, наложивших санкции, поддерживать деловые отношения с лицами и организациями, включёнными в списки (в дальнейшем эти списки были расширены: 30 июля 2015 г. к продленным антироссийским санкциям официально присоединились Украина, Грузия, Черногория, Исландия, Албания, Лихтенштейн).

Санкции против России были введены для оказания давления на наше государство с целью изменения ее позиции по крупным международным вопросам, а также для ослабления российской экономики.

Понятие «санкция» в теории государства и права и в международном праве имеют различные значения. С позиции международного права вводить санкции в отношении любой страны возможно только в ограниченном числе случаев, однако США и страны Евросоюза нарушают данные правила, устанавливая ограничения по собственному усмотрению.

По нашему мнению, антироссийские санкции не только не достигли своей цели, но и наносят огромный экономический вред тем странам, которые их ввели. Если санкции рассматривать отдельно от факта падения цен на нефть — их общий «вклад» в созданные сложности и падение роста ВВП можно оценить как «небольшой». Введение в отношении российской экономики санкций стало мощным стимулом для развития программы импортозамещения, что было поддержано введением правительством РФ контрсанкций, ограничивающих закупку многих американских и западных товаров (в частности, продукты питания). Итоговый эффект имеет неоднозначные оценки: отечественные производители выиграли за счет ограничения количества западных производителей на рынке предложения, российское государство снизило уровень зависимости от западных товаров и технологий, но отечественная экономическая модель пока что оказалась не готова полностью обеспечить запросы потребительского сектора.

06 августа 2014 г. Президент В.В. Путин подписал указ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ», согласно которому до 06 августа 2015 г. был запрещен ввоз в РФ из государств, которые ввели экономические санкции против российских физических и юридических лиц, отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, в дальнейшем данный указ был продлен до 31.12.2017 г. Во исполнение указаний президента правительство РФ установило перечень товаров, на импорт которых введен эмбарго, который также был продлен до 31.12.2017 г.

В разных субъектах России, начиная с 2014 г. происходит импортозамещение многих товаров, ввоз которых запрещен из-за санкций в т. ч. инициировано производство новых товаров, которые ранее в России и не производились.

Санкции против России и ответные меры РФ принесли странам Европейского Союза убытки в 5 миллиард евро, а не входящей в Евросоюз Норвегии — убытки в 1 миллиард евро. В феврале 2015 г. глава МИД Испании сообщил, что из-за антироссийских санкций Евросоюз потерял более 21 миллиард евро. А на конец 2016 г. в Европе потеряли работу более 400 тысяч человек из-за санкций против РФ.

В целом, на начало 2017 г. процесс импортозамещения идет средними темпами, производители товаров в России в разы увеличили выпуск товаров, что, к сожалению, может сказываться на качестве продукции; идет разработка и введение в действие «Национальной платежной системы». Россия проводит политику тотального импортозамещения, целью которой является сведение к минимуму и ограничение какого-либо влияния извне на свою международную позицию.

Санкции против нашего государства дали мощный толчок к развитию уже имеющихся направлений экономики (например, развитие отечественных курортов и здравниц) и разработке новых, ранее неизведанных, что,

в свою очередь, приводит и к повышению количества рабочих мест в субъектах РФ, увеличению наполнений региональных и местных бюджетов.

Еще одним плюсом антироссийских санкций можно отнести и расширение дипломатических отношений с Китаем, при том, что не только Китай, но и многие другие азиатские государства отказались вводить какие-либо ограничительные меры против российского государства.

Эффект от введенных санкций против России для российской экономики имеет как положительные, так и отрицательные последствия. По мнению некоторых российских экспертов в области права, антироссийские санкции не носят катастрофический характер, но могут нанести достаточно существенный удар по экономике РФ. По оценкам экспертов, в долгосрочной перспективе наиболее негативные последствия будут иметь ограничения, наложенные на экспорт в Россию высоких технологий и доступ российских банков к дешевым кредитным ресурсам из Европы. Как заявил премьер-министр России Дмитрий Медведев, из-за санкций сложились «не самые лучшие условия» для внешних заимствований, ситуация также не способствует притоку иностранных инвестиций.

Из положительных последствий главенствующей является то, что санкции против России стали мощным стимулом для развития российской экономики, прежде всего аграрного сектора, главенствующим из которых явля-

ется сельское хозяйство. Так, несмотря на антироссийские санкции, некоторые регионы России, такие как Краснодарский край, Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика и другие регионы России не только провели и проводят массовый процесс (до 90%) импортозамещения, но даже 28 марта 2017 года в г. Тихорецке состоялась демонстрация представителей сельскохозяйственных предприятий Краснодарского края за продление продовольственных санкций. В акции, при поддержке краевой ассоциации крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов приняли участие более 1500 человек, которые в своих выступлениях высказывались в поддержку продолжения экономического эмбарго.

По прошествии почти 3-х лет с начала введения западных санкций, прошла и волна страха, что экономика России непоправимо пострадает. Российское государство возвращается к стабильности и санкции не оправдали стремление западных коллег оказать на нашу экономику разрушительное влияние. Осталось решить важную для социального государства задачу: сохранить достойную покупательную способность рядовых граждан, гарантировать бытовой аспект уверенности в завтрашнем дне. Современный уровень развития экономики не позволяет вводить разработать санкции, которые отразятся на экономике только одного государства, «...это будет взаимный ущерб».

Литература:

1. Указ Президента РФ от 06.08.2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ» / Российская Газета от 07.08.2014 г. № 176.
2. Постановление Правительства РФ от 07.08.2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 06.08.2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ» (в ред. Постановления Правительства от 22.10.2016 г. № 1086) / Парламентская газета № 29 от 14.08.2014 г.
3. Антироссийские санкции. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ruxpert.ru> (дата обращения: 20.05.2017 г.).
4. Голиков, В.В. Изменение цен и соотношения доходов и расходов населения России в связи с введением международных санкций // Журнал «Концепт». Выпуск № 9. — М., 2015.
5. Доклад ООН «World Economic Situation and Prospects 2015 Update as of mid-2015 — Сайт Организации Объединенных Наций. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru> (по состоянию на 12.06.2017 г.).
6. «Односторонние санкции» и международное право. — Заключение Международно-правового совета при МИД России. — Электронный ресурс. Режим доступа: www.pogway.mid.ru (по состоянию на 25.06.2017 г.).
7. Официальный сайт администрации Краснодарского края // Пресс-служба администрации Краснодарского края. Электронный ресурс, режим доступа: <https://admkrain.krasnodar.ru> (дата обращения 25.05.2017 г.).
8. Тимофеев, И. Новая предсказуемость России. Российский совет по международным делам (РСМД). — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru> (по состоянию на 19.06.2017 г.).

Безопасность в сфере туризма на примере ряда стран мира

Демьяненко Екатерина Анатольевна, студент

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Безопасность в сфере туризма является важной проблемой на сегодняшний день. Туризм позволяет развивать экономику того или иного государства. Однако необходимо предоставить не только место для отдыха, но и позаботиться о безопасности отдыхающих. В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием безопасности, а также анализируются проблемы обеспечения защиты жизни и здоровья граждан в разных странах.

Невозможно достичь процветания государства без достаточных мер безопасности.

Согласно решениям Гагской межпарламентской конференции по туризму 1989 г.: «безопасность, защита туристов и уважение их достоинства являются неперенным условием развития туризма» [1].

Безопасность — это состояние, при котором определенный объект не подвергается негативному воздействию, или успешно противостоит таким действиям [3]. В туризме к подобным действиям относят коммерческую, информационную, техническую, юридическую, экологическую и, главное, физическую безопасность личности.

На основании рейтинга, составленного экспертами медицинской сервисной компании International SOS отмечены самые опасные страны для путешествий в 2017 году. Так, в число стран самых «вредных» для здоровья людей включены Ливия, Мали, Южный Судан, Йемен, Сирия, Афганистан и Венесуэла. Помимо них в обзоре отмечены страны с «быстро развивающимися вариативными рисками» — Бразилия, Китай, Индия, Казахстан и Россия. Кроме того, в данный рейтинг умудрились попасть экономически развитые и считающиеся благополучными Франция, Бельгия и Турция, где в 2016–2017 гг. произошли массовые террористические акты. Ориентироваться на подобные рейтинги можно, но брать только их за основу своей поездки, конечно, не стоит. Ведь на сегодняшний день в список наиболее опасных очень часто попадают страны с массовым туристическим потоком, например Таиланд или Болгария. В данном случае работает зависимость: чем больше людей отдыхает на том или ином курорте, тем выше процент различных чрезвычайных ситуаций. Этим принципом зачастую пользуются страховые компании при составлении рейтингов опасных для туристов стран. И тогда забытый всеми курорт имеет шансы подняться на первое место по уровню безопасности именно из-за отсутствия отдыхающих.

Кроме международных туристических организаций, для защиты граждан каждое государство составляет собственные списки неблагополучных с их точки зрения стран, руководствуясь при этом разнообразными критериями. При этом данные критерии зависят, как правило, от внутренней и внешней политики, проводимой конкретным государством. Так, министерство иностранных

дел Великобритании опубликовало список стран, где, по мнению дипломатов, отсутствует угроза терроризма. В первую десятку таких государств вошли Ирландия, Венгрия, Мальта, Исландия, Новая Зеландия, Фиджи, Тувалу, Бутан, Швейцария и Чили. К самым опасным странам по данному признаку, по мнению британцев, относятся Франция, Испания, Бельгия, Тунис и Турция. Гражданам Великобритании, желающим посетить Турцию, не рекомендуется приближаться к границе с Сирией на расстояние менее 10 километров и по возможности воздержаться от поездок в Анкару и Стамбул.

Наряду с возросшей террористической угрозой критериями безопасности международного туризма могут выступать: качество медицинской помощи, экологическая обстановка, сейсмическая активность и иные угрозы стихийного характера, аварийность транспорта и уровень уличной преступности.

Актуальность последнего критерия (уличная преступность) в сфере международного туризма ярко проявилась в период проведения летних олимпийских игр 2016 года в Бразилии — стране с достаточно высокими показателями безопасности для туристов. Так, обычная прогулка по улицам стала опасной не только для бразильских граждан и туристов-гостей праздника спорта, но в опасности оказалась и жизнь спортсменов. Во время проведения соревнований отмечены многочисленные случаи разбойных нападений местных жителей на туристов и спортсменов, с целью завладения денежными средствами, драгоценностями и другим имуществом. При этом каких-либо мер превентивного характера ни со стороны местных властей, ни правоохранительных органов принято не было. Их участие было сведено лишь к негласному наблюдению как за спортсменами, так и гостями страны, причем в большинстве своем в местах их массового скопления. К слову заметить, во время проведения масштабных спортивных мероприятий последних лет на территории других государств, в том числе и в России, подобных фактов не наблюдалось. Более того, ни у туристов, ни у спортсменов не возникало проблем, связанных с угрозой безопасности собственной жизни и жизни близких, как при посещении концертных

залов, кинотеатров и других мест отдыха, так и во время обычной прогулки по улицам.

Сегодня в России, а также в Испании, Латвии, Турции, ОАЭ, Египте, Таиланде и на Шри-Ланке работает туристическая полиция [4].

Туристическая полиция — это отдельное подразделение, которое входит в состав первого оперативного полка ППС ГУ ООП МВД РФ по г. Москве. Аналогичное подразделение полиции имеется и в г. Санкт-Петербурге. Оперативные полки полиции МВД составляют основу патрульно-постовой службы, их основной задачей является борьба с уличной преступностью и обеспечение охраны правопорядка.

В России основными задачами туристической полиции являются:

- обеспечение комфорта и безопасности граждан других стран во время их пребывания на территории России;
- патрулирование пешеходных зон в местах возможного массового пребывания иностранных граждан;
- консультирование туристов по различным вопросам, в том числе историческим и культурным местам Москвы или Санкт-Петербурга, которые гости могли бы посетить;
- предупреждение и раскрытие преступлений, в том числе совершенных в отношении туристов (кражи, разбойные нападения, угоны автотранспорта и т. д.);
- практическая помощь в розыске или восстановлении утраченных документов, блокировании банковских карт;
- выполнение функций переводчика при обращении иностранных граждан в государственные органы или органы местной власти, при общении с сотрудниками следствия или прокуратуры.

Реальным примером деятельности сотрудников полиции данного подразделения служит помощь туристам из Голландии в оформлении заявления по поводу украденных вещей, денежных средств и документов. Таким образом, данная структура выступает посредником между туристом и представителями закона.

Российскими страховыми компаниями составлен рейтинг стран, в которых с туристами чаще всего происходят неприятности. Так, на основе статистических данных последних трех лет более половины всех страховых случаев приходится на пять стран: Болгария, Испания, Таиланд, ОАЭ и Турция. Опасность отдыха в этих странах сводится к отсутствию надлежащих условий для обеспечения охраны здоровья туристов. Поэтому не случайно отмечается рост хронических заболеваний и повышенный уровень травматизма у туристов из России.

Проблемы обеспечения безопасности туристов не обошли стороной и «Большое яблоко» — город Нью-Йорк, который долгое время является одной из криминальных столиц мира. Здесь одним из способов борьбы с преступностью является отказ от посещения туристами определенных мест. Ради собственной безопасности туристам рекомендуют не пользоваться услугами метрополи-

тена в позднее время суток и не гулять по окраинам города. Одним из безопасных видов транспорта в темное время суток является такси. Приезжие выбирают такси только желтого цвета, предварительно сверив фотокарточку в удостоверении с лицом самого водителя. Помимо перечисленного в категорию опасных мест входит район Harlem, South Bronx и Bowery.

В Женеве (штаб-квартира ООН) самым безопасным местом является центр города, но и здесь для безопасности жизни и здоровья туристам рекомендуется воздерживаться от публичной демонстрации наличных денег и от сомнительных знакомств.

Жители Берлина единогласно относят к самым опасным районам города Кройцберг, где находятся штаб-квартиры как террористических исламских, так и антиисламских организаций, поэтому гостям лучше его исключить из туристических маршрутов.

Небезопасным районом Мехико считается рынок Тепито, где торгуют контрабандными товарами. Следует обходить стороной трущобы, исключить демонстрацию материального достатка на улицах города и, особенно, в Чапультепекском парке — велика вероятность нападения со стороны местного криминалитета.

В Копенгагене единственным небезопасным местом является небольшое отдельное государство хиппи — Кристиания, его кварталы — это трущобы, состоящие из облезлых домов-коробок и гор мусора, в которые лучше не заходить.

Приведенный перечень не является исчерпывающим и может быть продолжен. Обеспечение безопасности туристов в таких городах и странах сводится не более чем к ограничению посещения определенных кварталов или территорий. Более того, турагентства при продаже туров в эти страны не информируют туристов о местах, представляющих определенную угрозу. Подобную информацию люди получают от равнодушных граждан.

Для решения проблем, связанных с увеличением числа государств, пригодных для туризма в целях создания комфортных условий и обеспечения надлежащей безопасности жизни и здоровья предлагается:

- странам, оказывающим туристические услуги желательно иметь подразделения туристической полиции;
- создать информационные пункты для туристов в аэропортах, морских и речных портах, а также на автовокзалах и других пограничных пунктах пропуска для оказания гостям консультаций и иной помощи;
- организовать выпуск специальных брошюр, буклетов и другой печатной продукции не только с описанием значимых для посещения мест, но и информацией о традициях и обычаях государства, а также обязательной памяткой о том, как следует себя вести туристу с тем, чтобы избежать каких-либо стрессовых ситуаций;
- принятие законов и иных нормативных правовых актов по ужесточению наказаний за обман туристов водителями такси, служащими отелей, ресторанов, магазинов и других предприятий сферы обслуживания;

— ужесточение требований по надежности и безопасности автотранспорта, используемого турфирмами для организованной перевозки людей.

Отправляясь в отпуск, каждый турист должен изучить особенности пребывания в стране предполагаемого отдыха. Знание законов позволит подготовиться к существующим в данной стране запретам и ограничениям,

что в дальнейшем позволит избежать неприятных ситуаций. Данные действия и тактичное поведение позволят слиться туристам с местным колоритом, не вызывая повышенного интереса у местных нарушителей закона. Более того, посещение общественных мест, как показывает практика, также является залогом безопасности туристов.

Литература:

1. Гагская декларация межпарламентской конференции по туризму (принята в Гааге 10.04.1989—14.04.1989 г.)
2. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в РФ» от 17 декабря 1997 г. (ред. 2016).
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «Консультант Плюс».
4. Приказ МВД РФ от 22.08.2012г № 808 «О создании системы «горячей линии» МВД России»

Превентивная самооборона государства: к истории вопроса

Журавлёв Алексей Алексеевич, студент;

Вирясов Дмитрий Сергеевич, студент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (г. Саранск)

Обсуждается проблема правового обоснования, упреждающего применения силы в международных отношениях в рамках ограничений, налагаемых Уставом ООН. Обосновывается применение метода, предложенного выдающимся американским юристом У.Г. Шарпом, а также его усовершенствование за счет выделения трех категорий упреждающего применения силы: предупреждение, предупреждение намерений, предотвращение.

Ключевые слова: применение силы, Устав ООН, предупреждение намерений, предотвращение, порог, признающийся законом

Безопасное и стабильное существование — основа нормального функционирования и цивилизованного развития любого субъекта правового общения, в том числе государства. Однако его безопасность и стабильность постоянно находятся под угрозой. Их конечно же, невозможно перечислить, но можно попытаться обозначить хотя бы рамочно.

Угрозы государственной безопасности могут быть внутренние (связанные с внутригосударственными и внутрисистемными процессами: политические конфликты, финансово-экономические и демографические угрозы и опасности) и внешние (нарушают равновесие государства как субъекта международного права (военная экспансия, экономические, культурные, информационные санкции и ограничения). [8, с. 49]

При наличии соответствующих внешних угроз государство может реализовать предусмотренное в ст. 51 Устава ООН право на самооборону. В этой статье определено, что государство может использовать право на самооборону при непосредственной зарубежной вооруженной интервенции в это государство, при интервенции в государство нерегулярных сил, при государственном перевороте посредством внешнего проникновения или провокации

гражданского раздора в данном государстве, при мнимой угрозе безопасности государства, вторгающегося в рамках самообороны.

Как правило, цель самообороны государства: восстановление суверенитета и поддержание политической стабильности самообороняющегося государства от вооруженной интервенции других государств.

Но современная доктрина международного права допускает и превентивную самооборону, то есть парирование не только непосредственной военной угрозы, но и угроз, связанных с использованием военной силы в качестве средства давления. Нейтрализация любых военных угроз должна предполагать многовариантность практических действий, которые предусматривали бы использование, как военных, так и невоенных средств.

Необходимо отдельно выделять и различать упреждающую и превентивную самооборону. Под первой понимается реагирование на так называемую неминуемую угрозу вооруженного нападения, то под второй — применение силы с целью устранения потенциальной, находящейся на стадии формирования угрозы. [4, с. 169]

Упреждающие действия — это инициирование военных действий ввиду неизбежности нападения против-

ника, который может использовать свои фактически развернутые силы и средства. В 1967 году Израиль нанёс опережающий / перехватывающий / упреждающий удар по силам арабских государств, сконцентрированным у его границ и представлявших в тот момент для него существенную угрозу — арабы превосходили израильтян: по личному составу — в 1,8 раза, по танкам — в 1,7 раза, по артиллерии — в 2,6 раза, по боевым самолётам — в 1,4 раза. [9, с. 3–8]

Представляется очевидным, что действия Израиля были оправданными: существовали развёрнутые силы противника и свидетельства о неизбежности и близости нападения. В любом случае, упреждающий удар подразумевает быстрое разрешение ситуации, но не способствует разрешению противоречий на длительное время. Упреждающие действия проводятся только ввиду неизбежности нападения противника, для недопущения получения противником преимуществ от нанесения ударов первым.

В качестве примера превентивных/предупреждающих действий великий русский военный теоретик А. А. Свечин приводит франко-прусскую войну 1870–1871 гг. Франция потерпела поражение, но поскольку она слишком быстро встала на ноги после поражения, а Пруссию наличие серьёзного конкурента в Европе не устраивало — ее генералитет немедленно спланировал нанесение новых ударов в середине 1870-х и 1880-х гг. Таким образом, при отсутствии угрозы нападения со стороны Франции, предполагалось проведение действий по созданию благоприятной геополитической обстановки. [10]

Превентивные действия проводятся государствами против государств, и поскольку они не предполагают обращения к международным институтам разрешения конфликтов, их ведение всегда противоречит позитивному международному праву. Поэтому в российской доктрине международного права практически всегда превентивная война объявляется агрессивной и дозволенной только в случае санкционирования Советом безопасности ООН: «Превентивное применение военной силы допустимо только в коллективном порядке в рамках процедур, предусмотренных главой V Устава ООН, и только после того, как ненасильственные средства не дали результатов». [4, с. 169–184]

Превентивные действия получают новое содержание в связи с изменениями в организации мирового сообщества и становятся неизбежным инструментом государственной военной политики. Объектом превентивного применения силы становятся не государства, а элементы террористической инфраструктуры, которые формально не связаны с государствами. Существенной особенностью превентивной войны является её активный характер, в отличие от упреждающих действий, которые всегда относительно ретроактивны. [3]

О политической целесообразности превентивной самообороны заявил во всеулышание 1 июля 2002 года, бывший тогда президентом США Джордж Буш: «Политические сдерживания невозможны в отношениях с неурав-

новешенными диктаторами, располагающими оружием массового уничтожения, которое они могут тайно передать своим союзникам-террористам. Войну против терроризма нельзя выиграть занимая только оборонительную позицию. [11]

И уже в сентябре того же года была принята стратегия национальной безопасности США, в которой закреплено право данного государства на так называемые «превентивные удары» против «враждебно настроенных государств».

Но многие действия США в связи с реализацией этой концепции не столько были направлены против агрессии, сколько имели сами агрессивный характер. В качестве примера можно привести вторжение войск международной коалиции во главе с США в Ирак в марте 2003 года и последующую его оккупацию. Это потрясло устои современного международного права и систему международных отношений, основанных на Уставе ООН, и вновь актуализировало дискуссию в международном праве о критериях применения вооруженной силы. [12]

Как известно, еще в 1974 г. Организация Объединенных Наций в резолюции Генеральной Ассамблеи определила и постулировала юридическое существо агрессии в виде совокупности следующих смысловых конструкций:

— агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении;

— свидетельством акта агрессии является всякое применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава ООН. [4, с. 169–184]

Отдельными нормами резолюции Генеральной Ассамблеи ООН были конкретизированы формы агрессивных действий. Ознакомление с перечисленными характеристиками убеждает в прямой смысловой связи агрессии не только с попранием постулатов о государственной безопасности вообще, но и с защитой жизненно важных интересов суверенных стран на их границах, в приграничных пространствах и на путях международных сообщений. Но приведенный перечень актов не является исчерпывающим, потому что Совет Безопасности ООН вправе квалифицировать в качестве агрессивных и другие действия.

Что касается России то её официальную солидаризацию с анализируемой в данной статье концепцией связывают с заявлением 19 сентября 2002 года С. Иванова о готовности нашего государства нанести удары по грузинским бандформированиям, «не дожидаясь пока они подойдут к Российской границе». [13]

Достаточно наглядная методика осуществления правового обоснования применения силы в межгосударственных отношениях, основанная на относительных качественных критериях, предлагающих достаточно объективную шкалу оценок, продемонстрирована в работах американского исследователя У.Г. Шарпа. [3]

По его мнению, сущность метода правового обоснования применения силы сводится к выделению крайних состояний какого-либо процесса, и определению нормативных порогов внутри ограниченного таким образом диапазона межгосударственных отношений, подлежащих регулированию. У.Г. Шарп выделяет два крайних состояния в полном спектре межгосударственных отношений: юридически неопределённые состояния войны и мира.

Далее У.Г. Шарп пытается найти в позитивном и обычном праве, общих принципах международного права, практике судов и юридически значимых действиях государств пороговые значения, которые давали бы государствам и другим субъектам международного права основания для заявлений о справедливом характере применения силы. Критичным элементом для предлагаемой схемы анализа является определение правового факта начала военных действий. [1, с. 883]

Договорными источниками международного права, которые дают какое-либо основание для начала анализа проблемы правового обоснования применения силы, являются Статья 2, общая для всех четырёх Женевских конвенций 1949 года о защите жертв вооружённых конфликтов и Статья 1 п. 4 Дополнительного протокола 1977 года, дополняющего данные конвенции, которые устанавливают линию раздела между миром и вооружённым конфликтом, определяя момент, когда начинается вооружённый конфликт и начинает применяться Право вооружённого конфликта.

Данный порог находится в определённой взаимосвязи с порогом вооружённого нападения, установленным Статьей 51 Устава ООН. Поэтому понимание сущности порога, установленного Общей Статьей 2, помогает определить, что же является применением силы, а что является вооружённым нападением для *jus ad bellum*. [3]

Таким образом, метод У.Г. Шарпа, помимо определения нормативного момента начала конфликта, выделяет следующие пороги для проведения правового анализа, установленные Уставом ООН, располагая их на качественной шкале в зависимости от тяжести последствий для международного мира и безопасности:

- 1) вооружённое нападение;
- 2) угроза миру.

Поскольку результаты применения экономических и политических средств давления представляют в общественном мнении наименьшую угрозу для общих ценностей человечества, то правила применения силы должны исходить из следующего положения — применение невоенных (т. е. экономических и политических) мер всегда является предпочтительным. То есть, на основе разделения по последствиям, все принудительные меры могут быть выделены в две группы — основанные на вооружённом принуждении и другие, посягающие на менее значимые ценности человечества. [1, с. 214]

Таким образом, схема анализа правовых условий применения силы выглядит следующим образом: близко к

пороговому состоянию «мира» находятся события международной жизни, такие как нормальные торговые, дипломатические и консульские отношения и их разрыв; бойкоты, прекращение сообщений, экономическое соревнование или санкции.

Парирование военных угроз может быть осуществлено различными способами. Наиболее значимые из них следующие.

1. Укрепление Вооружённых Сил (далее — ВС), которые не уступали бы потенциалу вероятного противника. Риск понести значительный урон в результате использования ВС против хорошо вооружённого государства призван сдерживать не только потенциального агрессора, но и тех субъектов международных отношений, которые хотели бы использовать свою военную мощь в качестве средства давления.

Для создания ВС, оснащённых самым современным оружием, и поддержания их в готовности к отражению нападения вероятного противника необходимы значительные средства.

2. Заключение договоров об ограничении вооружений, создание союзов, коалиций, а в идеале — системы коллективной безопасности. Но одних только договоров бывает недостаточно, чтобы нейтрализовать военные угрозы. Нельзя забывать, что Германия при наличии договора о дружбе совершила агрессию против СССР. Чтобы не допустить повторения таких событий, необходимо осуществить систему мер, направленных на создание отношений взаимозависимости в различных областях и обеспечивающих претворение в жизнь заключённых договоров между заинтересованными субъектами международных отношений. [4, с. 169–184]

Однако деятельность в этом направлении предполагает использование ресурсов, которые могли бы быть направлены на развитие социально-экономической сферы.

Средства превенции агрессивных устремлений могут быть разными, в том числе, конечно же, военными и политико-правовыми. Следует, наконец, признать, что при исследовании проблем безопасности в пограничных пространствах внимание акторов реальной российской политики следует все активнее сосредоточивать на угрозах, исходящих от внешних носителей.

История применения силы в международных отношениях демонстрирует, что государства никогда не отрицали возможности действий в обход процедур Устава ООН, нанесения упреждающих ударов и ведения превентивных действий. Однако каждое такое применение силы всегда обречено носить ярлык «неправомерного», и на государстве всегда будет лежать бремя доказывания того, что его действия осуществляются во благо мирового сообщества. При этом государства в своей официальной аргументации продолжают использовать буквальное толкование Статьи 2 (4), тем самым заявляя, что они не признают чьего-либо права на обращение к силе вне системы правил Устава ООН.

Литература:

1. Вольфганг Граф Витцтум, Александр Прельс. Международное право. Перевод с нем., 2-е изд. — М.: Инфотропик Медиа, 2015. — 1048 с.
2. Горбунов, Ю. С. Упреждающие меры в свете современного международного права / Ю. С. Горбунов // Журнал российского права. 2008. № 3. Март.
3. Котляр, В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. 2-е изд. / В. С. Котляр. Казань: Центр инновационных технологий, 2008.
4. Мелков, Г. М. Гуманитарное вмешательство: Международно-правовые аспекты // Московский журнал международного права. — 2010. — № 3. — с. 169–184.
5. Мелков, Г. М. Ползучая агрессия — это умиротворение агрессора // Российский ежегодник международного права, 2004. — СПб., 2005. — с. 126–142.
6. Тузмухамедов, Б. От политических деклараций — к правовым доводам: В споре с Грузией возрастает значение юридических аргументов / Б. Тузмухамедов // Независимая газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pankisi.info/media/?page=ru&id=14187>.
7. Ушаков, Н. А. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях. — М.: Институт государства и права РАН, 1997. — 96 с.
8. Гаранин, М. Ю. Самозащита как социально-философская проблема: дис. канд. филос. наук. Н. Новгород, 2004. — 144 с.
9. Кириленко, В. П., Коростелёв С. В. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы // Военная мысль. 2011. № 8. с. 3–8.
10. Свечин, А. А. Франко-германская война 1870–1871 гг. // Эволюция военного искусства. — М. — Л.: Воениздат, 1928. — Т. II.
11. Bush. «Graduation Speech at West Point», United States Military Academy West Point, New York, [Электронный ресурс] June 1, 2002, <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/06/20020601-3.html>.
12. Шиленко, М. В. Международно-правовые аспекты применения силы против Ирака войсками международной коалиции // Международное право. Европейское право. — М. 2007. — 26 с.
13. К ударам по Грузии все готово: [Электронный ресурс] // Газета. ru. 2002. <https://www.gazeta.ru/2002/09/19/kudarampogru.shtml>

Проблемные аспекты деятельности ОДКБ на современном этапе

Пегушина Ксения Константиновна, студент;

Черторинская Юлия Александровна, студент;

Мартовицкий Алексей Александрович;

Пегушин Марк Владимирович, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)

На сегодняшний день существует большое количество международных организаций, военных блоков, союзных объединений. Все это является следствием потрясений, которые коснулись мир в XX веке. Государства, опасаясь новых конфликтов в послевоенное время, стали объединяться в военные союзы, отстаивая интересы стран участников. Одни распались, на их правовой базе создавались новые, другие образовались как следствие угрозы первых. Ясно стало одно — мир поделился на два блока, а страны перешли на язык двустороннего сотрудничества.

Идея коллективной безопасности особо остро возникла после ликвидации Варшавского договора, а также после распада СССР. России предстояло решить большой массив проблем, который свалился на нее к концу двадцатого столетия. Понимая, что программа НАТО «Партнерство ради мира» является не больше, чем формальностью,

Российская Федерация с главами шести государств в 1992 году в Ташкенте подписывает Договор о коллективной безопасности (далее ОДКБ). Этим Россия положила начало деятельности ОДКБ.

Спустя 14 лет деятельности ОДКБ, основному на сегодняшний день противоборствующему НАТО военному блоку, можно дать анализ существующим проблемам, мешающим ОДКБ стать на новую ступень развития.

Одной из таких проблем является внутренняя дезорганизация, основанная на разных политических взглядах глав государств участников Договора. Сложно представить международную организацию, которая смогла бы стать реально действующим рычагом влияния на Евразийском континенте, способную решать задачи различной направленности, но при этом не имеющей единой политической направленности взглядов стран участников.

С одной стороны, проблемы ОДКБ в виде внутренней междоусобицы обусловлены потрясениями, которые испытало постсоветское пространство после развала СССР. Узбекистан, хоть и имел тесные связи с Россией, чему свидетельствует подписание странами Договора об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничестве в 1992 году, но в годы становления ДКБ покидал организацию, вступив в региональную организацию ГУАМ [1, с. 1]. В частности, Узбекистан способствовал поддержанию народного фронта Таджикистана, после чего к власти пришел Эмомали Рахмон.

В это же время в Таджикистане шла гражданская война. После этого страшного события революция отбросила Таджикистан в развитии на полсотни лет назад. Как отмечает Н. В. Солоник, Таджикистан стал одной из беднейших стран не только региона, а мира. Большое количество жителей Таджикистана вынуждены работать в странах ближнего зарубежья нелегально [2, с. 2].

С другой стороны, эти же проблемы обусловлены разрозненностью стран между собой. Чего стоит только проблема Нагорного Карабаха, которую решали между собой Армения и Азербайджан. Ко всему можно вспомнить и Грузию, обострившую ситуацию в Абхазии и Южной Осетии.

Спектр внутриорганизационных проблем ОДКБ довольно велик, прослеживается он и сегодня. Примером может служить как не предоставление странами-участниками ОДКБ помощи России в грузинско-осетинском конфликте, когда Россия фактически была втянута в войну, так и неоднозначная позиция Армении, которая налаживает все большие отношения с НАТО, чему свидетельствует годовой отчет МИД Армении за 2014 год. Доказательством этого является комментарий Армана Киракосяна: «Как известно, у нас есть Программа действий персонального партнерства с НАТО» [3, с. 2]. Ситуация на Украине также заставляет ОДКБ усилить бдительность в регионе, хоть в дела украинского народа генсек ОДКБ Николай Бордюжа призвал не вмешиваться.

Таким образом, одним из важнейших факторов, мешающих ОДКБ вплотную занять достойное место рядом с НАТО, является спектр внутренних противоречий межгосударственного и военно-стратегического характера. Все это подрывает репутацию организации, поскольку при отсутствии согласованности действий ни о какой коллективной безопасности говорить нельзя.

Отдельным аспектом проблем ОДКБ является НАТО. Североатлантический альянс с каждым годом все плотнее подбирается к границам России, что не может не тревожить. Дипломатическое сотрудничество давно сошло на «нет», страны перешли к ведению открытой конфронтации. Западные партнеры во всю винят Россию во многих потрясениях, открыто называя ее основной угрозой для мира и безопасности.

Обобщая вышеизложенные угрозы, можно сказать, что они являются составной частью политики Соединенных Штатов и Запада, нацеленной на дезинтеграцию

евразийского пространства, подрыва государственной власти стран Ближнего Востока, разжигание международной розни и гражданских войн. Все это получило название «гибридной войны».

Как отмечает главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, доктор исторических наук, профессор Гаджиев К. С. В основная проблема таких войн связана не только с условиями развивающегося мира, но и с культурой общества, где зачастую прибегают к попыткам переписать историю, заложить в сознание граждан идею об опасности России для мирового сообщества [4, с. 3].

Ни для кого не секрет, что политика США нацелена на дестабилизацию власти стран Ближнего Востока, разжиганию информационных войн, дезинтеграцию евразийского пространства. На современном этапе ОДКБ не способна оказать должного сопротивления, поскольку два альянса несопоставимы ни по количеству стран участников, ни по военной-промышленной базе, ни по объему финансирования.

На наш взгляд, ОДКБ является развивающейся организацией, в то время как НАТО развитой. Российская Федерация возлагает множество задач на плечи ОДКБ, поскольку последняя является единственной военно-политической организацией, способной поддерживать коллективный мир и безопасность в регионе. В. И. Быстренко дает положительную оценку проводимой ОДКБ политике, однако считает, что постсоветское пространство еще не раз столкнется с различного рода испытаниями [5, с. 3].

Сегодня ОДКБ избрала два пути развития сотрудничества — противодействие традиционным внешним военным угрозам (распространение наркотиков, международный терроризм, нелегальная миграция) и борьба с новыми вызовами и угрозами (киберпреступность, разжигание информационных войн). С каждым годом объем финансирования, направление военных формирований и задействование все больших политических средств, становится все больше. Думаем, что Организация Договора о коллективной безопасности имеет большой потенциал в возможности реализации своей основной цели — обеспечении коллективной безопасности. Несмотря на спектр внутренних и внешних факторов, ОДКБ способна стать гарантом безопасности и стабильности в Европе.

Подводя итог, можно сделать несколько выводов о проблемных аспектах деятельности ОДКБ:

Во-первых, проблемы ОДКБ вызваны не внешними факторами, а внутренними, не позволяющими ОДКБ занять свое место на международной арене.

Во-вторых, ОДКБ необходимо выработать единую политику, способную охватывать интересы каждой страны, входящей в состав организации.

В-третьих, делаем вывод, что на сегодняшний день ОДКБ, как один из важнейших гарантов безопасности и стабильности в Европе, имеет большой потенциал в урегулировании внутренних и внешних проблем. Об этом

свидетельствует наращивание военной силы, увеличение объема финансирования странами участниками, а также участие во многих миротворческих миссиях, что способствует налаживанию контактов с другими международными организациями.

Многие эксперты отмечают многофункциональность Организации. Дело в том, что с самого начала существования ОДКБ она не рассматривалась как самостоятельный субъект международного права. ОДКБ создавалась скорее как вспомогательный инструмент в деятельности Содружества Независимых Государств. Лишь время показало, что сфера деятельности, интересов стран-участников ОДКБ отлична от СНГ. На сегодняшний день нетрудно сделать вывод о том, что, вероятнее всего, Организация получилась чрезмерно функциональной.

ОДКБ предстоит решить множество проблем внутриорганизационного характера. Разрозненность, отсут-

ствие единой направленности действий, возникновение разногласий при решении важнейших вопросов — лишь львиная доля проблем. Для обеспечения региональной безопасности стран-участников, что является основной целью деятельности ОДКБ, необходима выработка единой политики, адаптация к новым вызовам и угрозам. Если в ближайшем будущем ОДКБ не решит ряд внутренних проблем, возможна гибель структур, как это произошло со структурами СНГ.

Организация Договора о коллективной безопасности, будучи гарантом интересов государств, существующих на постсоветском пространстве, может и должна стать одним из ключевых элементов в обеспечении региональной безопасности. В условиях непрекращающихся конфликтов, перехода многих стран в форму открытой конфронтации, многочисленных террористических актов, ОДКБ должна стать реальным инструментом влияния в Европе.

Литература:

1. Договор об основах межгосударственных отношений, дружбе и сотрудничеству между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан от 19 марта 1993 года. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901064>
2. Солоник, Н. В. Страницы эпохи распада СССР: гражданская война в Таджикистане // Вестник Пермского исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 11. с. 39.
3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mfa.am/ru/interviews/item/2011/04/09/a_nato/
4. Гаджиев, К. С. «Гибридные войны» в современном мире // Власть. 2016. № 10.
5. Быстренко, В. И. ДКБ ОДКБ — непростой путь к коллективной безопасности // Наука и мир. 2015. № 2 (18), Т. 2.

От авиационного шума к недобросовестной конкуренции

Яценко Полина Сергеевна, магистрант

СКФ «Российский государственный университет правосудия»

В работе рассматривается проблема авиационного шума в мировом авиационном сообществе. В последующем автор анализирует: соотношение авиационного шума и возникающей конкуренции в результате его пагубного воздействия не только на окружающую среду, но и на международную экономику.

Ключевые слова: ИКАО, EPN, авиационный шум, комитет по снижению уровня авиационного шума, конкуренция, санкции

В последние двадцать лет фиксируется существенный рост количества и объемов авиаперевозок, что наравне с явными благами для грузоотправителей, получателей груза и перевозчиков также сопровождается увеличением антропогенного воздействия на окружающую природную среду. Экологические стандарты нового поколения предполагают эффективные меры по уменьшению числа «шумовых загрязнителей», в том числе, авиационного шума. Так границей авиационного шума самолетов является максимальное значение EPN (effective perceive noise level) — эффективного уровня воспринимаемого шума, который измеряется в дБ (децибелах). Измерение шума проводится при следующих условиях: полное от-

сутствие осадков; скорость ветра 0 м/с (отсутствие аномальных условий ветра); температура воздуха на высоте 10 м от ВПП должна быть не ниже 2°C и не выше 35°C; влажность воздуха от 20% до 95% [2, с. 5].

Авиационный шум измеряют по трем контрольным точкам: при взлете на расстоянии 450 м от ВПП (уровень шума максимальный), при наборе высоты на расстоянии 6500 м от начала разбега самолета, и при посадке самолета на расстоянии 120 м и при угле наклона глиссады равному 3° [1, с. 4].

В целях защиты окружающей среды, Международной организацией гражданской авиации были созданы международные стандарты, которые закреплены в Приложении

№ 16 к Конвенции о международной гражданской авиации; предусмотрена сертификация воздушных судов по шуму и эмиссии авиационных двигателей, которую должно осуществлять государство, где зарегистрирован самолет. По инициативе Комитета по снижению уровня авиационного шума были разработаны планы по сбалансированному подходу к управлению авиационным шумом.

Примером стран, которые активно выполняют вышеуказанные планы, являются США, Канада, Австрия, Швейцария и др. В международном аэропорте Тусон (США) запрещены все тренировочные полеты ВВС национальной гвардии и прогонка двигателей, осуществляемых в период с 22:00 до 7:00. Международные аэропорты Австрии (Вена-Швехат) и Канады (Ванкувер) выполняли планы по снятию с эксплуатации «воздушных судов главы 2» с целью вывода их из авиапарка и завершили этот процесс до 2002 года. Швейцария активно поддерживала и поддерживает до сих пор ужесточение предлагаемые ИКАО. В аэропорте Цюриха установлены запрет на ночные полеты после 22:00 (после 23:00 необходимо получить особое разрешение). Швейцария одна из первых стран, запретивших «воздушные суда главы 2», после чего большинство аэропортов Европейского союза также установили такие запреты [5, с. 105–130].

Автор полагает, что общая тенденция охраны окружающей природной среды так или иначе используется как элемент недобросовестной конкуренции: ввод запретов на полеты российских авиалайнеров в Европу имел место сразу после получения экспертной оценки о превосходстве отечественных самолетов над зарубежными в таких характеристиках как вместимость и дальность полета. Ограничения не заставили себя долго ждать, и на 33-й сессии ИКАО были приняты усовершенствованные стандарты, согласно которым допустимое превышение шума по сумме изменений в трех точках не должно превышать 3 EPN, когда в предыдущей редакции эта единица была равной 4 EPN.

Такая незначительная разница в 1 EPN стала губительной для ряда российских самолетов: в «звуковой изоляции» оказались самолеты отечественных образцов Ту-134, Ту-154Б, Ил-62М, Ил-86 и Ил-76. Попытки отсрочить запрет на полеты, предпринятые в рамках переговоров — ожиданий не оправдали, а уже с 1 апреля 2002 года были запрещены регулярные полеты в страны Европейского союза для авиалайнеров Российской Федерации. Счастливыми обладателями «пропуска» в Европу стали отечественные самолеты, соответствующие требованиям главы 3 Стандартов ИКАО и выпущенные после 1990 года: Ту-154М, Як-42Д, Ил-96–300, Як-40 [6].

По случаю успеха в запретах Комитет по охране среды от воздействия авиации решил предложить всем странам, которые ввели практику снятия с эксплуатации «воз-

душных судов главы 2» [4, с. 27] — осуществить постепенное снятие «воздушных судов главы 3» [4, с. 31], но, как оказалось, с экономической точки зрения это не оправдывало себя [5, с. 56].

Не обошла проблема недобросовестной конкуренции и внутренние линии России. Так, 30 марта 2014 года последний раз коснулся взлетно-посадочной полосы легендарный Ил-96–300. Большое количество источников, в том числе и «Аэрофлот» сообщают, что причиной вывода уникальных Ил-96–300 из авиапарка стала их «экономическая неэффективность». В начале 90-х годов ОКБ Илюшина ждали большие перемены, перспективы развития, и сотрудничества с зарубежными компаниями пророчили выход российского лайнера на внешние рынки.

Однако такой расклад не устраивал «Boeing», который уже настроился захватить российские авиационные ниши. Американская авиакомпания лоббировала свои интересы в конгрессе путем предоставления ложной информации о «скрытой русской угрозе», чем способствовала приостановления проекта самолета совместного производства с компаниями Pratt & Whitney, Collins. Когда начались поставки Ил-96–300, правительство решило снять пошлину на ввозимые в Россию иностранные самолеты. Этот шаг в конечном итоге станет роковым для самолета Илюшина, потому как крупнейшая авиакомпания страны «Аэрофлот» закупит поддержанные «Boeing» 767–300 [6].

Ил-96–300, не уступающий по характеристикам ни «Boeing», ни «Airbus», совершал регулярные рейсы вплоть до 2014 года, пока от него не отказались из-за большого расхода топлива. Обратная сторона недобросовестной конкуренции — затраты на эксплуатацию более тяжелых «Boeing» и «Airbus», которые ложатся на плечи авиакомпаний, за что в итоге платит пассажир.

На основании изложенного автор полагает, что решение для сложившейся ситуации должно носить комплексный характер. Так для дальнейшего развития российской гражданской авиации действительно необходимо принять меры по улучшению характеристик российских авиалайнеров и привести их «шумные» двигатели к международным стандартам. В противном случае в ближайшей перспективе доступ в международные аэропорты большинства стран для нашей действующей авиации будет закрыт. Конкуренция — это неотъемлемая часть и двигатель экономики, объективный показатель заинтересованности производителя и продавца услуг (в данном случае) занимать доминирующее положение на рынке; недобросовестная конкуренция, т. е. не обусловленное объективными причинами введение ограничений для конкретной продукции или услуг, всегда является рычагом воздействия на определенного производителя, отрасль или экономику целого государства.

Литература:

1. ГОСТ 22283–2014. Межгосударственный стандарт. Шум авиационный. Допустимые уровни шума на территории жилой застройки и методы его измерения (введен в действие Приказом Росстандарта от 09.07.2014 N

- 821-ст) // Официальное издание М.: Стандартинформ, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200112157>;
2. ГОСТ 17229–2014 Самолеты пассажирские и транспортные. Метод определения уровней шума, создаваемого на местности // Официальное издание М.: Стандартинформ, 2015. [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200009599>;
  3. Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.) (с изм. от 1 октября 1998 г.) // Текст Конвенции официально опубликован не был. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/2540490/>;
  4. Приложение 16 к Конвенции о международной гражданской авиации (пятое издание, 2008) // Утверждено Генеральным секретарем и опубликовано с его санкции отдельными изданиями на русском, английском, арабском, испанском, китайском и французском языках Международной организацией гражданской авиации. // Текст Приложения официально опубликован не был. [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/2540490/>;
  5. Дос 9829 AN/451. Инструктивный материал по сбалансированному подходу к управлению авиационным шумом (второе издание 2008) // Утверждено Генеральным секретарем и опубликовано с его санкции отдельными изданиями на русском, английском, арабском, испанском, китайском и французском языках Международной организацией гражданской авиации // Текст документа официально опубликован не был. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.icao.int>;
  6. Газета Коммерсантъ, номер № 11 (366) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru>.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Государственная политика Республики Корея в области СМИ

Кутукова Екатерина Александровна, бакалавр
Санкт-Петербургский государственный университет

В данной статье изучены методы контроля государства над СМИ. Несмотря на то, что формально цензуры в стране нет, государство ведет жесткий контроль за всеми источниками информации в стране, включая интернет, который все же набрал силу и в настоящее время может конкурировать с большими СМИ.

Ключевые слова: Южная Корея, СМИ, свобода слова, цензура

Образованный слой населения Южной Кореи поддерживает свободу средств массовой информации, однако в медиа-системе все еще присутствуют цензура и некоторые ограничения. Демократический режим в стране установился относительно недавно. Считается, что у правительства пока нет устоявшихся методов самозащиты [1]. Кроме того, многие законы были написаны еще в 1990-х годах, когда демократия в Южной Корее существовала только в теории.

Исследователи СМИ Южной Кореи утверждают, что все дело в истории страны. Ограничения в СМИ, а также серьезное отношение к армии (молодые люди до тридцати лет обязаны пройти двухлетнюю военную службу) обусловлено угрозой со стороны Северной Кореи [2, с. 58]. Кроме того, традиционные устои общества до сих пор играют важную роль в повседневной жизни, например: при разговоре со старшими и малознакомыми людьми используются специальные слова-обращения; обнажать плечи считается неприличным и так далее.

Freedom House оценивает прессу в Южной Корее как «частично свободную» [3]. При этом в стране нет цензуры как таковой. Свобода прессы гарантирована конституцией, однако в законе о национальной безопасности есть статья, угрожающая тюрьмой за проявление симпатии к Северной Корее. Закон о национальной безопасности запрещает гражданам слушать северокорейские радиопередачи в их домах, если правительство решит, что подобные действия ставят под угрозу национальную безопасность страны. Но подобные запреты редко соблюдаются. Просмотр северокорейских спутниковых телепередач в частных домах является законным [4].

Между двумя Кореями уже много десятилетий идет негласная война, которая обострилась с вступлением на должность Ким Чен Ына в 2011 году. В период с 2011 по 2012 годы американка корейского происхождения Шин Ын Ми совершила несколько поездок в Северную Корею. О своем опыте она рассказала в книге «Американка корейского происхождения едет в Северную Корею» (A Ko-

rean-American Ajumma Goes to North Korea), опубликованной на корейском языке. На обложке она изображена пожимающей руки двум северокорейским солдатам. Книга имела успех, однако сама Шин Ын Ми оказалась под следствием. Ее про-северокорейские комментарии о том, что не многие жители северной страны хотят жить на юге, рассматривались государством как нарушение закона [5].

Клевета, особенно если она затрагивает власть, также считается нарушением закона, за которое грозит от семи лет тюремного заключения. В октябре 2014 года журналисту Таэге Като, а затем и главному редактору отдела японской газеты Sankei Shimbun в Сеуле, было предъявлено обвинение в клевете. Газета писала о причастности бывшего президента Пак Кын Хе и мужа Чхве Сун Силь к катастрофе парома «Севоль». В декабре 2015 года Центральный районный суд Сеула оправдал Като, который выдвинул неопровержимые доказательства, связанные со скандалом. Данный скандал сыграл немалую роль в импичменте Пак Кын Хе.

Журналистов и владельцев газет не раз увольняли за предвзятость к определенным политическим лидерам, и суды не всегда могли их оправдать. В 2015 году 14 из 20 журналистов, которых уволили за протест против закона о свободе прессы, так и остались не у дел [5].

Как мы видим, отсутствие формальной цензуры не значит, что Корейская пресса действительно может считаться свободной. Самоцензура присутствует во всех областях, связанных с Голубым Домом, Национальным агентством разведки (National Intelligence Service), Национальной налоговой службой (National Tax Service), Министерства безопасности (Defense Security Command) и Прокуратурой (National Prosecutors Office) [6]. Однако пресса все равно находит пути, обычно не обвиняя никого, просто с точки зрения «кто-то сказал что-то». Это заставляет правительство проводить расследование и правда все равно открывается.

Но не только пресса подвергается подобной «цензуре». В ноябре 2012 года женщина была приговорена к двум

годам тюрьмы за прослушивание инструментальной мелодии, в названии которой присутствовала похвала Северной Корее. Кроме того, запрещена музыка, «содержащая сексуальный подтекст», «призывающая к насилию или преступным действиям», «призывающая употреблять наркотики». Правительство запретило и такие фильмы как «С широко открытыми глазами», «Бешеные псы», «Заводной апельсин», «Ганнибал».

После снятия японской оккупации правительство страны приняло закон, регулирующий проникновение иностранных фильмов, музыки и видеоигр. И хотя закон не указывал на какую-то определенную страну, было ясно, что он направлен в первую очередь на Японию. В результате граждане Южной Кореи не имели доступ к японской медиапродукции до 1990-х годов. В октябре 1998 года в страну впервые импортировали мангу, но аниме все еще было запрещено. В то время несколько японо-корейских фильмов выиграла пальмовую ветвь на фестивале в Каннах. Они были разрешены к трансляции в кинотеатрах, но не по национальному телевидению. К продаже были допущены видеоигры и японская инструментальная музыка. Все изменилось в 2004 году, когда правительство сняло практически все квоты (но до сих пор запрещается транслировать японские сериалы по телевидению). В 2014 году корейская песня Uh-ee группы Crayon Pop была «забанена» KBS за присутствие японского слова в лирике. Это не единственный случай. Телеканалы сами регулируют клипы и дорамы, которые транслируются на их канале, чтобы избежать неприятностей с властями [7].

В связи с волнениями, происходящими в Южной Корее в последние два года, правительство старается предотвратить количество митингов. Не так давно был принят «Акт о разглашении информации публичными агентствами» (Act on Disclosure of Information by Public Agencies), чтобы защитить право каждого гражданина на информацию. Согласно закону, любой человек может получить доступ к любой информации (за исключением той, которая может угрожать национальной безопасности или является государственной тайной) лично или онлайн в течение 15 дней. Начало данной программы было положено президентом Пак Кын Хе, которая в 2013 году объявила о желании создать «Государство 3.0», которое предполагает изменение системы распространения информации в стране [8].

С развитием интернета перед государством встала задача регулирования онлайн-контента. Правительство серьезно обеспокоилось онлайн-журналистикой. В ноябре 2015 года был принят «Закон о газете», который вводит более строгие правила для регистрации онлайн-газет. Чтобы получить разрешение, надо иметь как минимум 5 официально зарегистрированных сотрудников (раньше надо было иметь всего 3). Это изменение повлекло за собой закрытие мелких новостных порталов. С 2008 года регулированием контента СМИ занимается Комитет Кореи по коммуникациям (Korean Communications Committee или KCC), однако существует и Комитет Кореи по нормам коммуникации (Korean Communications Standards Com-

mittee или KCSC), который заведует исключительно онлайн-медиа. Корейская организация самоуправления в интернете (Korean Internet Self-Governance Organization или KISO) регулирует интернет-провайдеров, включая Naver, DaumKakao, SK Communications, KT и Afreecatv. KISO выступает в качестве посредника между KCSC и удаляемым контентом, что очень важно, так как у владельцев сайтов обычно нет возможности защитить себя, когда речь заходит о KCSC — страница просто удаляется без предупреждения. Кроме агентств существует еще и «верификация настоящего имени». В 2007 году правительство обязало все сайты, которые посещает более 100 тыс. человек в день, ввести регистрационную систему, которая подтверждает личность человека. Для этого требуется ввести номер ID (Resident Registration Numbers или RRNs). Так как подобный номер существует только у корейских граждан, иностранцы могут использовать временную регистрацию, а если таковой нет, то связаться напрямую с администрацией сайта, чтобы подтвердить свою личность. Google отказался вводить подобную систему, однако YouTube запретил гражданам Кореи загружать видео на сайт. Они могут сделать это, только переключившись на режим «worldwide». Подобная «цензура» помогает правительству регулировать крупные порталы [9].

Нынешнее состояние южнокорейской интернет-цензуры можно разделить на две основные категории: регулирование онлайн-новостей и мониторинг комментариев пользователей. Регулирующие органы оставляют за собой право блокировать контент, который считается «подрывным» или «нарушающим общественный порядок». Это включает: порнографию, наготу, наркотики, киберклевету, сексуальное насилие, восхваление Северной Кореи; антивоенное содержание. Наряду с этим существует еще и так называемая «серая зона»: 21 статья Конституции, которая гласит, что «ни слова, ни пресса не должны нарушать честь или права граждан, подрывать общественную мораль или социальную этику. Если пресса нарушает честь или права граждан, ей могут быть предъявлены обвинения за причиненный ущерб». Статья может трактоваться двойственно и подходит практически для любого комментария в интернете.

Клевета тоже может рассматриваться по-разному. «Киберклевета» считается уголовным преступлением, если может нанести серьезный ущерб кому-то или чему-то. Чаще всего правительство ссылается именно на клевету как на причину, по которой информация должна быть удалена с какого-либо ресурса. Особенно это характерно для администрации Пак Кын Хе. Когда правительство блокирует сайты или комментарии, это всегда менее публично, чем если бы они избавлялись от, например, газет. Люди не замечают этого, пока сами не окажутся в подобной ситуации. Кроме того, у власти не всегда есть возможность полностью уничтожить какую-либо информацию. Часто, когда назревает новый политический скандал, сразу же возникает новый скандал в шоу-бизнесе. Когда один из членов Национальной разведыва-

тельной службы покончил жизнь самоубийством, публике были раскрыты отношения актера Ким У Бина и актрисы Шин Мин А. Бывший президент Ли Мён Бак растрчивает миллионы — актер Ли Мин Хо и певица Сьюзи встречаются. Премьер-министр Ли Ван Гу обвиняется во взяточничестве — Юри из группы Girl's Generation поймана на свидании.

Удаление правительством онлайн-контента вызвало серьезную критику со стороны национальных и междуна-

родных организаций, защищающих права человека и свободу слова. В 2015 году KCSC заявило о смене рабочей политики, на ту, которая позволила бы третьим лицам получать доступ к удаленному контенту. Это позволяет комиссии избавляться от комментариев без предварительного оповещения. Но если комментарий не был удален, это еще не значит, что автора не настигнет наказание за написанное.

Литература:

1. Eric, S. Fish Is Internet Censorship Compatible with Democracy?: Legal Restrictions of Online Speech in South Korea. <https://poseidon01.ssrn.com/delivery.php>. Дата обращения: 01.05.2017.
2. Круглов, Е. В. Пресса Южной Кореи. М.: 2005. с. 228.
3. Freedom house South Korea. <https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2016/south-korea>. Дата обращения: 01.05.2017.
4. Куу, Н. South Korea's Experiment with a Free Press // Gazette. London, 1994, Vol. 53.
5. Steven Denney. In South Korea, Freedom of Expression Put to the Test. <http://thediplomat.com/2015/01/in-south-korea-freedom-of-expression-put-to-the-test/>. Дата обращения: 01.05.2017.
6. Chang, Y. Freedom of the Press: Foundation of the News Media // Korea Focus. Seoul, 2003, № 3.
7. Lee Hyo-won. Inside South Korea's Battle With a State-Sponsored Censorship Crisis. <http://www.hollywoodreporter.com/news/inside-south-koreas-battle-a-state-sponsored-censorship-crisis-973979>. Дата обращения: 01.05.2017.
8. Timothy, B. Lee. South Korea's «real names» debacle and the virtues of online anonymity. <https://arstechnica.com/tech-policy/2011/08/what-south-korea-can-teach-us-about-online-anonymity/>. Дата обращения: 01.05.2017.
9. The constitution of Republic of Korea. <http://english.court.go.kr>. Дата обращения: 01.05.2017.

Научное издание

ПРАВО: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

V Международная научная конференция
Санкт-Петербург, июль 2017 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Издательский дом «Свое издательство», г. Санкт-Петербург

Подписано в печать 24.07.2017. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,88. Уч.-изд. л. 3,46. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.